

Графоман № 4(8)-2011

Литературный альманах

Учредители: Челябинский областной центр народного творчества
Челябинское региональное отделение общественной организации
«Российский творческий Союз работников культуры»

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Евгений Некрасов — Доколе ещё дуракам козырять на Руси?.....	34
Александр Поповский — И в новом веке кто-то на коне.....	41
Анатолий Кухтурский — Легенды	
Юлия Ёлгина — И в праздничную пору благодатную.....	55
Галина Черепанова — Источный луч.....	61
Ирина Светлова — В моей руке огонь любви священной.....	64
Любовь Власова — Стану я колючая, как роза.....	68
Лидия Алексеенко — Счастье — в его ожидании.....	73
Любовь Морозова — Я по улице гуляла.....	75
Татьяна Ядренникова — Остудит слезы ветер февраля.....	76
Татьяна Оленева — И вот иду лихая, бесшабашная.....	77
Михаил Авдейчик — Взял себя мужчина в руки.....	85
Любовь Дубкова — Порой судьба ко мне мироволит.....	87
Нелли Кизилова — Свеча поэзии горит.....	90
Галина Бармина — Бабье лето улыбнётся.....	91
Каринэ Гаспарян — И я угадываю слово.....	92
Вячеслав Фещук — Ищу ошибки в жизни прошлой.....	93
Надежда Мягкова — Заброшенный судьбою в осень.....	95
Ахмет Нуретдинов — Четверостишия.....	96
Валентина Руденко — Светится тихое счастье.....	100
Валентина Самохвалова — В сарафане разноцветном осень.....	101

Вера Киреева — Дар Земли — им надо наслаждаться.....	102
Вячеслав Тюнькин — Не боги горшки обжигают.....	107
Юрий Александров — И добрее люди станут.....	110
Вера Белая — О вечном вдруг заговорила	111
Галина Деенкова — Начался ягодный сезон.....	112
Тамара Кадникова — В жизни нет мне покоя.....	113
Людмила Чиркова — Рады взрослые и дети	115
Юрий Левинский — Но хочется в полёте задержаться.....	117
Сергей Клочков — Не хуже, чем у нас в Нязепетровске	130

ДРАМАТУРГИЯ. ПРОЗА.

ПУБЛИЦИСТИКА. КУЛЬТУРА

Виктор Родин	Рожденный бурей.....	4
Александр Соколов	Лесной путь (фрагмент)	17
Николай Година	Царёнок (Новые страницы).....	38
Михаил Фонотов	Губернатор и бомж	42
	Рычащие грации	42
Хакима	Гимн восходящему солнцу	43
Олег Ник Павлов	Бурный век автора «Тихого Дона».....	47
Галина Федорова-Косарева	Кленовые листья	57
Валерий Мякушко	Последний рейс.....	66
Валентина Харько	Хуторские рассказы.....	70
Михаил Рудковский	Операция.....	82
Владимир Иванов	Яшка и другие рассказы.....	97
Анатолий Гагаринов	Лагеря	104
Илья Весенин	В джунглях средней полосы.....	108

Виктор Ружин	Мерцание звезды	120
Алексей Мешин	Нужна ли власть народу?.....	131
Олег Верный	У русских своя голова!	132
Александр Сухин	Об умственном развитии личности	135
Светлана Молчанова	Литературное объединение «Истоки»	142
Владимир Черноземцев и иже с ним	Корабли вышли из берегов, или извлечения из архивов идейного отца репунсизма и его сподвижников (фрагмент).....	145

Гостевая

Геннадий Лысенко	— Живу, потом переживаю	86
-------------------------	-------------------------------	----

Виктор Родин

Рожденный бурей

Новелла

Русские долго запрягают, но быстро ездят

Мой дружок Вóлков-Волкóв пропал. Как сквозь землю провалился. Потому и пишу эти строки в надежде, что кто-нибудь ответит, куда он делся, да и вообще, существовали события в действительности.

Прочел я, стало быть, свое начало, и чуть было не порвал написанное. Нет. Сумятица. Что, значит, происходили события в действительности? Как понимать? Начать следует вот с чего. С описания квартиры, с обстановки Волкова-Волкова. Происшествие в его апартаментах ведь случилось. Это другое дело. Значит, так.

Стандартное двухкомнатное бунгало, окна во двор. В квартале сумерки, набрякшие ненастьем. Суббота. Кабинет, он же спальня, заставленный шкафами с книгами, письменный стол. На стене коллекция часов: мой дружок, недовольный парень с лихорадочно блестящими глазами и челкой а la молодой Делон, сидящий за столом, имеет отношение к точной механике — часовщик. Возможно, кто-то скажет, что он несколько похож на польского актера Даниэля Ольбрыхского, каким, тот был в конце шестидесятых. И что? Каждый из нас на кого — то похож. Роли в нашем повествовании это не играет. А вот ЭВМ — другое дело. Без компьютера мы ни шагу. На столе он, кстати, находится. Да, да.

Так вот, мой дружок корпит над повестью. Под щелчки стрелок часов в данный момент он не без удовольствия обозревает экран монитора, где стоит:

«Трах-тарарах! Створки ворот, я — подобен пушечному ядру. Ангар. Русских башибузуков двое. Стоят у «Зеркала», пасти раскрыли. Врубиться стараются, что снаружи делается. Штаны прелые. Обдулись. И ставят же таких, с позволения сказать, вояк охранять сверхсекретные объекты! При виде меня они и вовсе скорчились от страха. Бойцами эти гнусные создания, были никудышными. Чикался с ними я недолго. Одному, с длинными волосами, р-раз! — и отстегнул с плеч бестолковку. Покатилась она, словно кочан капусты, по бетонному полу. Второго — на меч, словно, бабочку на иголку, так, что даже острие погнулось о хребет. И нечего жалеть таких, с позволения сказать, псевдолюдишек. Если ничего не стоишь в жизни — уступи место под солнцем более достойному. Аксиома. Страхнув труп, я — опа! — и долой из укрытия

А на улице — хоть какая там улица! — развеселились мои глазыньки! Пока я отрубал головы и все иакое прочее, схватка в бойню переросла. Вот красота-то! Русских в капусту рубили. Но враг был еще силен. А со мною неприятность получилась. Доспехи у меня ого-го какие, богатые, ну и привлекли внимание. Шобла на меня навалилась, орда целая. Человек в пять, не меньше. Все мокрые, голые, дурнопахнущие. Что голые — понятно. Не успели обрести здешние тела. Навалилась, стало быть, и давай рвать. Это им так показалось, что стали рвать. Но карусель закружилась нешуточная. Если бы не мое умение владеть веерной защитой, а я, без ложной скромности, дерусь не хуже благородного Амадиса Галльского, от вашего покорного слуги, могли остаться рожки да ножи. Ей-богу. Ведь теперь я противостоял ни регулярной солдатне, но спецвойскам, а это вам ни хрен с копотью.

Верно, мое положение было из разряда «не позавидуешь». Пот еще тут, зараза. Хлещет из-под шлема, что твой водопровод. А предо мной то долговязый боец, то десантник с мощной челюстью. То молодой человек, то какой-то мозгляк, сложением совершенно не подходящим к элитным войскам. И от всех требовалось отбрыкаться. Наибольшую угрозу представлял этот фитиль... ненавидимой мною интеллигентной внешности, похожий больше на врача или на музейного работника. Злости в нем было хоть отбавляй. Эспадон с такой силой массировал воздух, что мне приходилось немало заботиться, чтоб не угодить под его острое, сантиметров в семь шириной, лезвие. Меня спасало, что русские скоты не имели представления о согласованности.

Вскоре я начал изнемогать. А что вы хотите? Два часа сражения, или, как выражались в старину, смущения, говорили за себя. Одно счастье, что враг тоже был не из железа. Почти одновременно мы опустили оружие и отпрянули друг от друга, хватая воздух, как рыба, вытасненная на берег. Пожирая морозный воздух, я оглядел диспозицию. На заброшенной ракетной точке, под торопливым низким небом планеты Тимес-Тыж, топтались, резались, превращали друг друга в мертвое состояние около ста человек. Да, наш триумф был пол-

ным. Только «Зеркала» ... Чья-то зловредная рука подбила их. Горели, как свечи. На чем только возвращаться будем, дрогнуло сознание. Ни боевых кличей, ни воплей, ни стонов слышно не было. Одно лишь трудное дыхание, хрип да омерзительный скрежет металла о металл. То и дело с каждой стороны на разбитый снег валились солдаты, будто не в силах удержаться от соблазна обнять чужую землю. И тут...

Да. Случилось, о чем я предпочел бы умолчать, да из песни слов не выкинешь. Мне всегда казалось, что я родился в рубашке — потому что был удачлив, как никто другой — однако выяснилось, что я был излишне самоуверен. «Зеркало» противника, этот неуклюжий сарай, так не похожий на наши элегантные летающие устройства, самостоятельно выбралось из ангара и, вычислив меня, как главное действующее лицо, разразилось в меня пилумом. Дротиком, иначе говоря. Тем, каким привыкло убивать наши «Зеркала».

Было такое впечатление, что меня сшиб невидимый гигантский кулак. Позже мне рассказали, что доспехи спасли меня, только лопнули, как яичная скорлупа, а сам я...»

Далее текст отсутствовал. Детально разработанный замысел повествовал о поисках на Тимес-Тыже местного гения, от обнаружения которого зависел дальнейший ход развития планеты. Как вы видите, замысел моего дружка был — э-э... мягко выражаясь, слабоват. Оставлял желать лучшего. Подобные сюжетики были в ходу в шестидесятые годы, когда фантастика еще пребывала в пеленках, но в наши дни... В наши дни она была другой. Более искушенная, глубокая. Возьмите хотя бы тексты Пелевина. Зато в глазах нашего не шибко опытного автора — Волков-Волков впервые сел за большое произведение — мыслишка смотрелась зело значимо. Так бывает. Хотя наш герой и был начитанным парнем, он был ослеплен собственным проектом. Такое тоже бывает. Если Прогрессоры и Замедлители — стало быть, все ОК, восхитительно. Наши, разумеется, были голубыми — голубыми, клейма ставить некуда. Несли знания и свет младшим братьям, являлись, стало быть, Прогрессорами, а противник — соответственно — Замедлителем. Тьфу. Набившее оскомину. Традиционная расстановка сил. Что тут скажешь... В сцене, на которой Волков-Волков затормозился — в третьей главе, кстати, — присутствовал генерал Номасс, осадивший лагерь наших десантников с целью опережения захвата гения.

Такова предыстория. На сегодня работа была закончена. Тут следует обратить внимание, что у моего друга с творческим процессом существовали трения. Волков-Волков работал повестуху около месяца, писал легко и свободно, веруя, что и дальше будет так. Однако он не мог взять в толк, почему материал говорил ему после одиннадцати вечера: «Стоп. До завтрашнего утра, братец», хотя сил было еще предостаточно. Мой дружок страстно желал разобраться в этих препонах, но, что бы он ни предпринимал, было, ни в его пользу. Тайна не хотела поддаваться.

Он был недоволен и в эту минуту. Но в нем постоянно жило убеждение, что процесс, в конце концов, смилостивится, пойдет навстречу. Мало того, обдаст ворохом свежих идей, и Волков-Волков будет стучать на вычислителя всю ночь. Ох, эта наша русская вера в чудо! Только сегодня было, как всегда. Тогда наш герой потушил комп и подумал, что неплохо бы заморить червячка. Вдохновение, как известно, отнимает массу сил и энергии. По этой причине творцы должны питаться основательно. Волков-Волков поддерживал эту гастрономическую теорию и потому немедленно направил свои стопы на кухню.

Ситуация за окном привлекла его внимание. В квартале было плохо. Невесть, что творилось. Казалось, гибнет само время. Трещали деревья, летели сучья, листва, ветки. Небо было распято молниями. Белые зигзаги над бетонными муравейниками слепили глаза, гром рвал уши, вода по-пулеметски долбила жезь подоконника. Как бесы в Вальпургиеву ночь, кричали бензиновые велосиферы у подъездов. Поев и обрадовав себя несколькими чарами русской горькой — без этого нельзя, оттягивает — Волков-Волков придавил в гостиной диван и начал подремывать, тем более, что по телевизору шла привычная тягомотина.

Голоса не дали ему уйти в забвение. Наш беллетрист до тех пор не отрывал головы от подушки, пока не сообразил, что исходят они из спальни. С округлившимися глазами Волков-Волков, спустил ноги на пол, и тогда в дверях проявились до того немислимые фигуры, что Иисусе Христа! Впору думать, что он лишился рассудка. Посудите сами. Первым в гостиной возник господин, даже барин. Человек ушедшей эпохи. В наши дни таких не выпускают. Холеный, с изысканными манерами, в костюме бурных тридцатых. Помните, двубортные такие, с загибающимися вечно кончиками лацканов, нет? Он сразу кого-то напомнил Волкову-Волкову своим птичьим носом, клоком волос на высоком лбу. За ним образовался юноша с румянцем во всю щеку, в мундире и треуголке, с выглядывающим из

— под нее напудренным париком с косою. На боку у молодого человека присутствовала шпага. И военный был известен нашему герою, просто в тот момент ему было не до воспоминаний. У какого-то классика он прочел, что мозги его героя, будто ложкой взболтали. Вот и у него тоже. Третьим стеснительно прошмыгнул рябой человечешко низенького роста в ветошном вицмундире, в покосившемся боливаре. Штатские сняли головные уборы — забыл упомянуть, что холеный был в шляпе — и поздоровалась, зачарованно поглядывая в сторону телеэкрана, где плясала не сильно обремененная одеждой черноволосая представительница современного искусства.

Хмель пробкой выскочила из Волкова — Волкова. Занервничал он, хочет негодованием разлиться — не получается. С третьего разу только вышло.

Литератор (с перевернутым лицом). Здра-с-сьте вам через окно, как говорят в Одессе-сссссссссе-се. Вы... х-хр-р... кто?

Главой триады по виду был человек ушедшей эпохи. Так оно и оказалось. Барин заговорил первым. Услышанное было еще более чудовищным, чем появление неизвестных или их облик. Пришельцы оказались национальными героями нашей страны. И какими! Персонажами книг. Именно так. Альфой был булгаковский Мастер, военный — Петром Андреевичем Гриневым из «Капитанской дочки», господин в вицмундире — тишайшим Башмачкиным. И, как услышал мой дружок, они прибыли по архиважному поручению к нему.

— Сбиты с толку? — вопрошал глава триады. Роман «Мастер и Маргарита» говорил правду: он был нездоровым человеком. Судороги бороздили его лицо, руки и ноги подергивались, — Будете поражены еще больше, — продолжал он — Дело в том, что перед вами не обычные герои книг. А облеченные властью. Мы дипломатические атташе Ее Величества Русской Литературы, Вседержавнейшей, Всесветлейшей и Всемиловейшей, дай Ей Бог здоровья и процветания на долгие годы. С вашего разрешения, дорогой хозяин, мы присядем. Переход в реальность — довольно пренеприятная штука. Сопряжено с усилием, а отсюда — с утомлением. Уж вы не обессудьте. К тому же беседа у нас предстоит долгая.

Пока пришельцы осваивались, Волков-Волков выключил телевизионный приемник и теперь сверлил глазами то одного, то другого. Он был не трус наш герой, отчаюга и бузотер. В то, что неизвестные — литературные персонажи, он, естественно, не поверил. Да и кто поверил бы?

— Долгая... Спрашивается, буду ли я словесные хороводы с вами водить, вот вопрос. — сурово изрек он, расстреливая гостей своими глазами-двустволкой. Черными-черными. — Лучше скажите, как проникли ко мне. Не то ата-та-та по попе сделаю. Ну?

А кулаки у него будь здоров какие. Читатели дорогие, прошу, не судите моего дружка слишком строго. На его месте любой повел бы себя соответствующе. Не привыкли мы к подобным явлениям. Точно, точно. Так вот, его вызывающая смелость пришлась не по вкусу. Как и следовало ожидать. Особенно Гриневу. Горячий, что с него взять. Набывчив голову, Петр Андреевич разразился сентенцией, что правнук вельми радушно — в кавычках — встречает гостей, а это не слишком гостеприимно, на что получил быстрый ответ, что в гости ходят по приглашению, а не когда им вздумается. Итак, ему повторить вопрос?

Эт' самое... Вы гляньте хотя бы «Шинель» для приведения себя в рамки, — подал голос Башмачкин. — Моих фамилии с именем в ней не сыщите — лакуны. Сие подтверждает, что я покинул свою среду обитания. Возьмите, возьмите Николай Василича, смелее, он не кусается. Надеюсь, вы свою книгу хорошо знаете, и поймете, что сегодняшние пробелы с бухты-барахты появиться не могли. Причина — мое появление в вашем времени. Да-с.

Акакий Акакиевич глаголил правду. Полуубежденный Волков-Волков оставил «всемирного» Гоголя, которого извлек из книжного шкапа. Ладно, он верит и готов перекинуться с ними парой словечек. (Так и сказал, не лгу.) Что привело их к нему? Какая докука?

Он внимательно слушал, что ему говорили. А говорили нашему герою прелюбопытнейшие вещи. Оказывается, гостям было велено передать, что он в своей повести переходит все границы в смаковании садизма. Так вот, Ее Величество Русская Литература Вседержавнейшая, Всесветлейшая и Всемиловейшая, дай бог Ей здоровья и процветания на долгие годы, хочет знать чем вызвано такое положение вещей. Кроме того, Она подозревает, что делает он это с одной целью. Дабы угодить одной национальности. Иудейской.

Литератор (подавившись). И-и-и. Садизм? Еврейской? Ну, вы даете, господа хорошие.

Три пары глаз пришлых были устремлены на него. Раз пять поднявшись и столько же опустившись обратно, Волков — Волков больше не вставал с дивана. Он, как Ермак из песни, был объят думой. Казалось, что решает задачу повышенной трудности. Глаза у него

были обращены внутрь. Ничего не слышал и не видел. Наконец взор у него прояснился, он ожил и отколол следующий фокус. Отпихивая ноги посетителей, совершил пробежку к подоконнику, где и остановился, прижавшись спиной к нему. Торшер, стоявший в шаге от него, загорелся сам собою. Что торшер! Если бы один он. Часы в кабинете пошли быстрее, после того как пробили двенадцать, унитаз в туалете заурчал сытым бегемотом, компьютер подпрыгнул, а вы говорите.

Беллетрист (дрожа). Не надо. Если вы, домушники, пришли по мою душу и считаете, что я человек с туго набитым кошельком — нет. Инженеры человеческих душ бедны, аки церковные крысы. Двух тысяч в хате не отыщите. Тремястами «рябчиками» могу снабить, а больше — увольте. Все, что содержат карманы. С удовольствием. Только. Божьего. Дыхания. Не лишайте.

Триада расцвела улыбками и начала переглядываться. Кончилось тем, что Гринев опять взял слово. Накинув на лицо усмешку, сказал, что никто не отымает у правнука его присутствия в Книге жизни. Чего ему в голову пришло? И в презренном металле они не нуждаются.

Тут он спохватился, извинился перед Мастером и дал ему возможность продолжать.

Мастер. Благодарю. На чем я, бишь, остановился? Ее Величеству Русской Литературе, Вседержавнейшей, Всесветлейшей и Всемиловитивейшей, дай Ей бог здоровья и процветания на долгие годы, непонятно по какой причине твой еврей так лихо расправляется с нашими компатриотами? Ты что, не любишь свою нацию?

Волков-Волков. Еще не лучше! Номасс — иудей? Вы что-то не то... Пугаете.

Гринев. Сударь ласковый! Мы не ребятня беспортошная — люди знающие. Анаграмма. Обычная перестановка букв. Номасс — Самсон. Проще пареной репы. А какой Самсон национальности, надеюсь, уточнять не будем.

Мастер. Тишь, тишь... (Волкову-Волкову). И последнее. Язык произведения. Ужель будешь доказывать, что созданное тобой, носит гордое название литература? Особенно глава номер три. Смешно, право. Это тоже велено передать. Ты кропаешь даже не то, чтобы грубо, это арго Васьки Пепла, деклассированных элементов. Что это такое: «Гнусные создания, орда дурнопахнущая, штаны прелые, скоты» и прочее и прочее? Я не говорю уж про отсеченную голову. Очень впечатляет. И что ужасней всего, что ты пишешь так о своих соплеменниках. Ты что делаешь? Разве ты не русский? Ты обязан писать, что «и один в поле воин, если по-русски скроен», а ты что творишь? Из всего вышеизложенного, милок, складывается вот что. За очернение великого народа, ты пал в немилость. Лить воду ненависти на мельницу инородцев, это знаешь... Нет слов. Только не нужно делать больших глаз. Желание увидеть свою фамилию в списке слуг муз и Аполлона, старо как мир. И оно сильнее совести. А печатная продукция у вас — в хищных паучьих лапах определенной национальности... «O gens sceleratissima, taeterrima gens! O foetor qudaicus!»

Башмачкин (с готовностью). Латынь. «О племя греховнейшее, отвратительнейшее племя! О зловоние иудейское». Правильно?

Мастер. Факел вы наш мудрости, вместилище вы пронизательности! Вы обладаете редкой способностью вовремя приходить на помощь, мон шер Башмачкин. Только не мешайте открывать сейчас глаза нашему подопечному, умоляю. Так вот, разлюбезный хозяин. Тебе также отказано в дальнейшем создании произведения. Жалаешь закончить его — покайся и переработай в правильном направлении. А то, как бы чего не вышло.

Беллетрист (в глубокой печали). Даже так... Рад бы, да не могу. Это национальное меньшинство мне дороже всего на свете.

Башмачкин. Вы... Ты... Креста на тебе нет!

Литератор. Что поделаешь... Разрешите поинтересоваться только вот чем. Я сейчас в полном раздрае. Могу наговорить, черт знает что. Уж не судите слишком строго... Почему ваше учреждение — а я подозреваю, что вы не одиночки, принадлежите к системе — почему ваша контора терпит тогда младшего Стругацкого? Человека, ненавидящего русскую нацию? Ответьте. И почему братьев раньше не стреножили, как только что меня? Что за фокус-покус? Любимчики завелись? Знаете как «Наш современник» отозвался о них лет семь назад? За подлинность ручаюсь. Память — всем бы такую. Э... э... В журнале так говорилось: «Огромную нишу в русской словесности заняли воинствующие русофобы типа Стругацких» Каково? Они, значит, нас, как могли понужали, а вы игнорировали? О темпора, о морес! Почему в таком случае меня не терпите? Где логика? Это что ж опять, по принципу: «Бей своих, чтоб чужие боялись?» Очень оригинально, пацаны.

Гринеv. Не смей так называть нас!

Волков. О! Чем я прогневил Петра Андреича?

Башмачкин. Гей, романист! Это их словцо, милостивдарь, хриstopродавцев. Правильнее «потцен». Да. Известно ли вам, что оно означает? Нет? Как бы поделикатнее, эт' самое... перевести... Миниатюрное мужское достоинство, что ли.

Гринеv. Так точно. Не смей обращаться к нам подобным образом!

Мастер. Тишь, тишь. Господа, мы отвлекаемся.

Башмачкин. Милый хозяин, нашей вины тут нет. Стругацкими другие занимались. И туточки вы ошибочку изъясняете. Старшой, Аркашка, не сам переставился, его...

Мастер. Язык! Замолчите немедленно (Литератору). Я вот еще что забыл, Под занавес, так сказать. Что на тебя подействовало? С рассказами твоими мы знакомы, очень своеобразные, патриотические и вдруг, нате вам! Реверсирование машины. Ее Величеству Русской Литературе, Вседержавнейшей, Всесветлейшей и Всемилоостивейшей, дай Бог Ей здоровья и процветания на долгие годы, сие непонятно. Ты, взращенный на классике, и создаешь подлым языком бестселлер в духе «Звездных войн»? Стыдись! Что способствовало? Мировое финансовое пике? Желание спасти шкуру любой ценой?

Тон Мастера участлив. Волков-Волков, посвистывая носом, взирает то на сидящего напротив Мастера, то на Гринева, играющего темляком на шпаги, то на потного Башмачкина и отвечает.

Мой дружок (надрывным шопотом). Угу, он. Всемирный финансовый упадок. Поинтересуйтесь у семитского племени, когда я их полюбил? Отвечаю. Когда стяжал от них аванс. Когда мне посулили нехилый куш за сочинительство. Я — честный человек. Взял — служи. А что делать? У меня дочь. Есть — пить просит. Вот и пришлось полюбить их. Я вот что скажу вам, господа. Боюсь, обнародую ересь, но вы уж потерпите. Мочи нет, тяготы сносить. Никогда. Никогда Россия не любила своих чад. Она мастерица только на трудовые и ратные подвиги призывать. А так... Чтoб нас, крылом своим защитить, что ты!

Пренебрежительно машет рукой. Часы в кабинете замирают от его кощунства. Зато иссиня-черные тени на полу и стенах радуются и разбухают в размерах, заполняя пространство. Персонажи книг в новом оцепенении. Гринеv пробует извлечь шпагу, не получается и потому — яростно.

— Белены объелся, милейший? Россия — мать наша. Как только язык поворачивается!

Беллетрист (плаксиво). Матери тоже разными бывают. Приятель у меня в детстве был. Вместе собакам хвосты крутили. Так вот, мешал он своей родительнице наслаждаться бабьей долей. Ей счастья хотелось — не замужем была — а сын под ногами мешается. И потому отдавала его то на продленку, то в интернат, то в пионерлагерь на все заезды. И все равно бывший товарищ обожествлял ее. Я бы так не мог. По мне — любят за конкретные дела, а не за биологизм. Боюсь, что вызову тем самым гнев, мол, так нельзя, только я стоял...

Башмачкин (мутно). Тяжко мне, родимые, тяжко... Что несет.

Литератор ...и буду стоять на своем утверждении.

Гринеv. Благодарите боженьку, что ты не наш крепостной! За эти богопротивные речи папенька бы батогамн тебя засек!

Волков-Волков. Я попросил бы... Офицер, ты у меня дома.

Башмачкин. А в нашем департаменте обструкции бы подвергли. Что городит...

Беллетрист. Обструкция — инструкция... Вам хорошо бездетным.

Мастер. Тишь, тишь... (Волкову-Волкову) Следовательно, ты ни о чем не жалеешь? Выходит для спасенья собственной шкуры все средства хороши?

Волков-Волков. (угрюмо). Уи. Чего стесняться-то? Единожды ведь на свет появлены. Хочется по-людски пожить...

Башмачкин. Отец наш небесный! Таким способом все похерить можно. А ты не думал, болезный, что... эт' самое... Господь вас наказывает? Быдто Содом и Гоморру? За неверное бытие? (Своим) Унизились потомки в мнении моем чрезвычайно. Единокровники бы его не поняли, Иуду такого.

Беллетрист. Интересно, почему я терплю ваши упреки? Даже не упреки — оскорбления. Другой бы давно в окошко всех повыкидывал, а я... Ох, уж это мое ангельское терпение! (Снисходительно) Мы давно уж не те, драгоценный персонаж «Шинели». Родина выхолощила нас, словно колосок пшеничный. К тому же я сомневаюсь самым решительным образом, что и в ваше время русские были образцово-показательными, как ты доказываешь

тут. Мы что, особенные? Бред собачий. Социалистическая точка зрения. Любим деньги, из чего бы те не были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или...

Полностью проговорить выдержку из упоминавшегося уже здесь романа «Мастер и Маргарита» ему не удалось. Акакий Акакиевич впервые ощутил незнакомый раньше прилив мужества. Заполосно сорвался с насеста, вцепился в слабую шевелюру нашего героя, визжа, кто дал ему право хулить титульный народ: «Ужо тебе, безобразник!» Трагикомедийная сцена. Мир колышется, валится торшер, опять возмущенно стрекочат часы, по комнатам начинает разгуливать мрак. Гринев оттаскивает титулярного советника, сияющего достать ногой потрясенного его экспрессией Волкова-Волкова, и усаживает старого драчуна на место.

Мастер. Акакий Акакиевич! Ведите себя прилично!

Беллетрист. Кто, кто... Жизнь дала право, а не твои, Башмачкин, книжные представления.

Мастер. Позвольте не согласиться. Миллионы людей теперь низвергнуты в беду, и у них тоже имеются наследники и наследницы. А гнуть выю перед космополитами безнравственно для великоросса. Лучше уж от голода умереть.

И головой скорбно покачал. Ну, обмолвился человек... ой, чего я... герой книги, прошу прощения. Иногда языки, даже великим писателям, каким был Мастер, не подвластны, чего уж тут. И тогда литератор, подобно Башмачкину, потерял контроль над собой, забылся. Обстановочка подействовала. Исторг мой дружок рык, дабы собеседник, выбирал выражения. Пусть он сам дуба дает. И, вообще, довольно его нести по кочкам. Он хоть у носатых в служках, а Мастер и того хлеще — у самого дьявола. Есть разница? То-то и оно. Чья бы корова мычала в таком случае...

Волков-Волков. Пацаны, чаю вам наскучило мое общество, как и мне ваше. Был бы признателен, если бы вы закрыли дверь с той стороны, и я бы искал вас долго-долго. Чего устались, как солдат на вошь? Пшли вон.

И снова, расталкивая ноги, подошел к дивану и плюхнулся на него, каналья.

Эскапада насчет сатаны была излишней. Зачем он так... ниже пояса. Мастера будто по челюсти хватили. Откинулся он даже бедный. Как могли бы развернуться события дальше — не знаю. Мог бы на пол сверзиться или еще чего хуже. Он ведь клиентом психиатрички был, как известно, а это симптом, знаете ли. Все могло произойти, только наш доблестный офицер не подкачал. Удержал пошатнувшегося главу дипломатического представительства. Через минуту булгаковский герой был прежним, только говорил неестественно спокойно. Сказал, что их клиент мало того, что стоит непоколебимо, как утес, он еще кидается в атаку по-берсеркерски. Что ж... Они не справились с миссией. И со стыдом возвращаются к Ее Величеству Русской Литературе, Вседержавнейшей, Всесветлейшей и Всемиловитейшей, дай Бог Ей здоровья и процветания на долгие годы. А этот непробиваемый пусть трепещет в ожидании приговора, который грядет неумолимо, как рассвет или восход солнца.

Литератор (хищно). Какая пошлость! Меня ногами попираешь, а сам Юльку Семенова изволишь цитировать, убийцу этого. Кстати, его «девичья» фамилия вам неизвестна, господа хорошие, я это уже понял. А то не повторяли бы Ляндреса.

Гринев. Кель ситуайнен! Ну и дела! Уши вянут. За него переживаешь, как не знаешь за кого, а он оговаривает всех и вся. Сударь, за все услышанное здесь, тебя бы следовало вывести за город и проткнуть шпагой. Сожалею, что мое желание не осуществимо. Не дворянского ты сословия.

Беллетрист. Створились вы, что ли? И этот Стругацкими щеголяет: «Понедельником, который начинается в субботу»! Почти один к одному. Экселент, экви, шарман.

Гринев (неожиданно). Вы как хотите, господа, а лихо этот типус отбояривается. Александр Сергеевич верил, что писатель должен быть глуповатым. А этот, я бы не сказал.

Литератор. Пушкин говорил, поэзия должна быть глуповата, не писатель.

Гринев. Мастер, я такого же мнения. Весьма лихо... Да, наказ мы не выполнили. Прискорбно. Не достучались до каменного сердца. Господа, и все-таки, мне по душе поперешные люди. Стоять за свои убеждения — благородно. Пусть даже за неправильные. Паршиво, когда их нет вовсе.

Мастер. Ну знаете, это спорная тема.

И опять главное действующее лицо рассказа Гоголя сорвалось, грубо говоря, с катушек. Убогое бытие сделало из Башмачкина импульсивного человека. Снова бросаться, он, правда, уже не стал. Ограничился громкими сентенциями по поводу того, что мой дружок

с головой не дружен, что его место в бедламе, коль он безразличен к завтрашнему дню своей дитяти и все такое. Орал, что писака, видать, эт' самое... не против, чтоб девчужка стала рабыней в своем отечестве. А последнее, стопроцентно грозит ей, покуда такие раболепствующие тятеньки будут лизать поганым заднепреходное отверстие. Эх-ма!

Ретирада была забыта. Страсти разгорелись с новой силой. Было еще много укорижны, определений кто есть кто. Описывать эту клоаку не хочется. Незачем. Замечу только, что наш герой из всех кардебаталий выскакивал победителем, как чоп из отверстия. Да, избавимся от подробностей. Они нам мешают. Как известно, в литературоведении существует понятия базового и второстепенного. Так вот, «укоризна» — суть второстепенное. Но продолжу рассказ дальше. В самый напряженный градус противостояния гостиная преподнесла обществу сюрприз в виде новых действующих лиц. Честное слово. Их появление вызвало замешательство даже у Мастера. И как тут не быть статуями знаменитого музея восковых фигур мадам Тюссо, буде в комнату заходят герои уже портретной живописи? А что ново-явленные гости имеют отношение к искусству, Волков-Волков догадался сразу, парень он, что не говори, неглупый был.

Верно, в мундире Преображенского полка, с голубой Андреевской лентой через плечо пред собранием предстал исполин кисти Н. Н. Ге с полотна «Петр Первый допрашивает царевича Алексея в Петергофе». И Жуков Георгий Константинович работы Корина, при всех наградах и регалиях, носящих за океаном ироничное прозвание «фруктовый салат». (Ух, эти американцы! Все опошлят).

Ну, так вот. В гостиной сразу тесно сделалось. Замешательство первой волны гостей сменилось облегчением, стоило узнать, что Ее Величество Русская Живопись, видя их анти-викторию, послала на помощь своих представителей, боевой отряд, своего рода. Приходится признавать, что Она была также осведомлена о пристрастиях моего друга: обе картины были его любимыми живописными произведениями).

Что было дальше? Немота покинула арену словесных баталий, протянутые для знакомства руки были пожаты, новоприбывшие тоже принялись рассаживаться. И расселись. В тесноте да не в обиде. Непрерывно икающий от присутствия Государя Башмачкин готов был уступить ему свое кресло, но тот отказался и сел рядом с Волковым-Волковым (диван задумано крякнул).

Венценосец подхватил упавшее было знамя конфликта, и ринулся в бой первым. А как вы думали? Во времена рыцарские так всегда было. В главы государств по силе ведь избирали, по храбрости. Я говорю о тех временах, когда престолонаследия еще не существовало. «И в схватке рукопашной один он стоил двух». Французы также умно выражаются: «Положение обязывает, или по ихнему «Ноблесс обличж» Только было заметно, что Императору не приходилось еще бывать в столь щекотливой ситуации. Потому что, не придумав ничего лучшего, он водрузил свою железобетонную руку на плечо нашему герою, сетуя, что кланяться жидам подданному Российской империи негоже. Его поступок чернит державу.

— Иль в тебе, братец, гордости нет? — страдал он. — Тогда швах дело. Ну, чего молчишь, язык проглотил?

— И седалище подыми, коль Помазанник божий осчастливил тебя разговором, — разрядился гневом Г. К. Жуков.

Наш герой подчинился. Взгляд его был тускл, как у вареного судака. Только что был ясен и вдруг — привет. А все по причине неожиданного появления Отца земли русской.

Литератор. Ва-ва... Ваше Величество, счастливее меня нет на свете, вы посетили меня... червя недостойного. На всю жизнь сохраню в памяти. (Постепенно приходит в себя и начинает уже со страстью) Гордости у меня с избытком, Государь. Только сейчас мне бы хотелось коснуться другого. Видишь ли, я всегда восхищался нашими пословицами и поговорками. Бьют не в бровь, а в глаз. Одна, как никогда, подходит к нашему общению. Прости за дерзость, но ты соломинку в чужом глазу видишь, а в своем... ну, дальше знаешь, как она звучит. И вот что мне бы хотелось спросить... Тебе не приходило в голову, отчего мы, великороссы, в трусов превратились, кто виноват в этом? Хочешь знать? Ты и Ленин. Извини, я вынужден был сказать.

Император. Охолонься, братец.

Г. К. Ты говори да не заговаривайся!

Беллетрист. Ты, Государь. (Рубит с плеча.) Денек, надо признать... У-у, гори все пропадом! Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец! Выскажусь, чего бы мне ни стоило.

Мне доводилось слышать, Государь, что от своих подданных ты постоянно требовал беспощадной правды. Тогда получи ее, горькую. Не вели казнить, вели слово молвить!

Срачивается по привычке с подоконником и оттуда начинает.

Литератор. Мои разлюбленные друзья массово пришли в нашу страну по причине раздела Польши. Это общеизвестно. В конце восемнадцатого столетия. Приползли изгоями, бесправными. Поселились в черте оседлости, осмотрелись и начали действовать. Ищали брешь в нашей монолитной конструкции, чтоб запустить в нее метастазы гниения, и нашли. Для этого начали менять вероисповедание, становиться православными. Лишь такой вольт позволял им взлететь над заглавным населением, набить мошну, получить образование. В основном это была молодежь. Таким на дедовскую веру плевать. Нажива главнее. А где деньги, там и политика. Но до этого ты некоторым, лет еще за сто до того, дал путевку в жизнь, хотя сам не переваривал их. Помнишь? С Антошки Девьера все началось. Кто его, денщика твоего, графом сделал, полицмейстером Санкт-Петербурха, итальянца, якобы? Кто? Я, что ли? Он такой житель «сапога», как я самоед Гренландии. Твой Антон Мануйлович, потомок испанских евреев — марранов, чтобы ты имел представление, Государь. С его подачи мои кореша и полезли в российскую экономику, политику, искусство, как мыши в сыр. Разлагать стали.

Башмачкин (голосом приговоренного к казни). Быдто с конфидентом гутарит. Ох, лишеньки!

Волков-Волков. А дщерь твоя дрожайшая Елизавета Петровна? Также ненавидела моих заказчиков. И какие рескрипты выдавала! Хочешь ознакомиться?

Венценосец. Спрашиваешь!

Из кабинета была вынесена раскрытая энциклопедия, и мой дружок протянул ее Петру Первому. Тот запинаясь, читает вслух: «Все евреи, мужчины и женщины, независимо от их положения и богатства, должны немедленно убраться за пределы границы!»

Литератор. Видал — миңдал?

Император (горделиво). Так, знай наших! Молодца девка!

Наш герой. А вот что ты сам повелевал. Смотри на другой странице подчеркнутое. Ниже, ниже!

Царь. Иде, иде? Ага, вижу, данке шон. «Я предпочитаю видеть в моей стране магометани, язычников, нежеле евреев. Последние являются обманщиками и мошенниками. Они не получают разрешения поселяться и устраивать свои дела. Несмотря на мои распоряжения, они стараются осуществить это подкупом моих чиновников». Когда это я писал? (Смотрит дату) А, в будущем.

Беллетрист. Твое будущее, наше прошлое.

Император. И все же я тебя, братец, не пойму чигой-то. Хитрый ты, прямо, угорь. Булгачишь, словно не любишь их сам.

Волков-Волков. Господь с тобою. Обожаю до невозможности.

Г. К. (боязливо) А что... Владимир Ильич?

Литератор. Что Иссахар Цедерблум, он же Бланк — Ленин... Ему по гроб моя благодарность. Он, как никто, к распространению моих друзей способствовал. Уже в первые дни переворота уравнивал их в правах с нами. И правильно сделал. Интернационализм — вещь славная во всех отношениях. Да и как израильское семя не возвысить? Заслужили. С большой помпой ведь участвовали в разрушении страны... (Петру Первому) Так что, вы оба помогли упрочению хороших людей. Премного за это благодарен. А Горбачев, Ельцин завершили их возвышение. А что? Евреи — умные людишки. Пусть поволодеют нами глупыми.

Ну что здесь сказать... Дубовая эрудиция моего товарища также дальше игнорируется, как и свара с гостями. Пусть и дальше несет чушь. Он, в конце концов ни политик, ни социолог. Начетчик. Нахватался, понимаешь, бульварной прессы. Даже ни гезет — листков. «Десниц» разных, »Аркаимов», «За русское дело», «Наше Отечество» и других. Но персонажам книг и живописи его околесица чудилась исполненной самого пристального внимания. Можно сказать, истиной. Сидевший с Акакием Акакиевичем Жуков давно выжил Башмачкина по причине своего ерзания в кресле.

Г. К. Ой... Ой... Лихо.. (Петру) Да он в международных отношениях дока, Государь. Лихо. Чего не ожидал, того не ожидал. Я давеча, на днях, его личное дело полистал. Ничего примечательного. Обычная посконная скотинка. В армии был сержантом, днем — трудовая вахта, вечером шелкоперство. Сейчас только сделалось понятным, что на него повлияло. Я о марании бумаги говорю. Он порывался вернуться к мазанкам, к картинам, в смысле, да

не тут-то было. Художественные магазины отвергали их как не соответствующие новейшим экономическим требованиям. И на тягле с зарплатой была напряженка. Тогда-то он и вознамерился осчастливить мир грандиозным литературным произведением (Моему дружку) И и все-таки это не решение вопроса, сержант! За низкопоклонство я бы тебя собственноручно в суровые годы... услужливый ты наш.

Волков-Волков. Ничуть не сомневаюсь. Читал у Виктора Суворова, у Виктора Астафьева, у других. Когда тебе сострадание ведомо было? Никогда. Слушай, деятель, а что за ты меня оскорбил? «Посконная скотинка»... Я тебя не хаял.

Г. К. Ну и что?! Ты кто такой? А я — историческая личность.

Беллетрист. Хо-хо. И особа, приближенная к императору. Киса Воробьянинов ты мой! (Петру) Мосье Жуков на самом деле значительная величина в военном искусстве. Что ты! Стратег! Спицион, Октавий, Фемистокл вместе взятые. Как он себя в берлинской операции проявил — у-у! Где Гитлер одного солдата положил, маршал Победы — десять.

Г. К. (задушено) Пс-с... ..Собственноручно... в сур... годы.

Литератор. За ценой, как пелось в любимой народом песне, он не стоял. Не умением фашистскую цитадель к ногтю прижал, как, впрочем, и остальные города — количеством. Логика у него простая, Петр Алексеевич. Нечего солдата жалеть. Уж чего-чего, а добра такого русские бабы еще наплодят. В анналах военного искусства край как хотелось сохранить. Но еще больше Кобе, который Сосо, пофартить. Преданность свою показать: «Глядите, Иосиф Виссарионович, какого я зверя уконрапунил». По одной причине и англо-американцев попросил не вмешиваться. А те рады-радешеньки: «Конечно, господин Жукофф, как скажете!» В отличие от него янки с томми ведь не о престиже думали. О своих Джонах, Джимах, Патриках. И поныне думают. Свое ведь, не чужое. Да что далеко ходить. Вспомните полузабытую уже заварушку в Югославии. Наземные силы в ней не участвовали, ни-ни, бомбардировками отделялись. Так что, твоя победа, Жуков, носит название специфическое. Пирровая победа. А каких дров в сорок шестом Георгий Константинович в Одессе наломал — что ты! Он у нас один же умный. Лишь ему было ведомо, как преступность за одну ночь ликвидировать. Пострелял без суда и следствия шпану и хоть бы хны. А там, по сути дела, только наши соплеменники были да украинцы. Вот какая штука. Еврейня моя в разбоях не участвовала. Загодя, еще в гражданскую, набила мощну. Сидела по домам и злорадствовала... (Жукову) Ну ты! Сиди, не дергайся. Будет он мне еще свое «я» показывать. Врежу — боком ходить станешь. «Посконная скотинка»...

Давно замечено, что в громкогласном общении нить общения незаметно утрачивается. В нашем случае то же самое. Начали за здравие, кончили за упокой. Ловок все же он, шельма, наш герой. Как опытный оратор, обращался ни к разуму, но к чувству. И добился своего. Взгляды, которыми стали одаривать обе фракции маршала Победы, не назовешь ласковыми. Ну, не штука ли он, мой дружок?

Император. Жуков, хоть гран правды в его словах есть?

Г. К. Никак!!! Нет!!! Из-мысле-ния!!!

Венценовец (тускло). Тогда здесь все, правда. Ах, мне эта русская «любовь» к своим! Куда ты запропастилась... (Встает, берет Г. К. за отвороты кителя.) Почему у меня сердце кровью обливается, идол тебя уходит, за каждую душу русскую, а у вас, коммунистов, нет? Правильно Башмачкин grit — приземлились, очерствели. Бога потому что забыли. Расписал мне, этот олух царя небесного, какой он записной воитель, я и рассупонился. (Отшвыривает Жукова) Убью (Волкову) Толкуй дальше, братец.

Литератор. Чего толковать, Петр Алексеевич. Язык чесать можно всю ночь, только что изменится? Видно судьбе было угодно, чтоб я встал на задние лапки. А с ней не поспоришь. «Все мы служили кому — нибудь и как — нибудь».

Император. Недурно сказано. Даже я себе не принадлежу. Слуга Всевышнему, России. Не знаю даже какой вердикт тебе вынести... Бог тебе судья. Признаюсь Ее Величеству Русской Живописи в собственном скудоумии. Авось не прогневаешься. (Всем) Пошлите отсель, люди добрые. Довольно потомка изводить, чисто мы сердце лишенные...

Сказать — еще не значит сделать. Были еще наскоки (Мастер ведь был до смерти обижен, хотя на правду, как я полагаю, негоже зуб держать), но положение на шахматной, так сказать, доске, осталось прежним. Дело кончилось тем, что наступило время, когда Вседержавец земли русской уже более жестко дал команду на расставание.

Башмачкин (под нос). Все же направил арык внимания Венценовца в русло лживого красноречья. Ай-ай-ай! Что дется, что дется. Эт' самое...

Гринева (также тихо). И Мастера обвел вокруг пальца, пустобрех знатный.

Их счастье, что мой дружок не слышал этих слов. Не то, боюсь, он бы выполнил свои обещания. Низвергаться даже с первого этажа — приятного мало. Ну, да ладно — дальше.

У входа в кабинет Петр Первый остановился и задумчиво обронил, что, как он думает, корень зла вовсе не в обрезанных. Что черные собаки... Пародии на людей, только и всего. Тени. Плюнуть и растереть. Соль в них, русичах. Чересчур благодущны с гадами были, оттого те и распоясались. И другая русская беда — разброд и шатание. Будь они сжатым кулаком, рази взяли бы их в полон? Фигу с маслом.

Император. Делайте надлежащий вывод, потомки. Коль не объединитесь в унии, союзы, группировки всяческие, от вас мокрое место останется. Знаешь, братец, я миллион раз думал, себя мучал, почему мы только в лихую годину ощущаем локоть друг друга? И не находил ответа.

Беллетрист. Их происки. «Разделяй и властвуй» — кредо ни одних иезуитов. Мои друзья тоже взяли лозунг на вооружение.

Император (открывает дверь в кабинет. Хмыкает). Стало быть, он не италяшка, этот Девиер. Пассаж, надо признать. Ишь, меньшиковский отросток... Ладноть. Пытошный застенок распознает, откуда он взялся на мою голову. Кабы знать раньше... Ладно прощевай, господин хороший.

Шляпа и боливар снова заплывали в воздухе. Башмачкин все так же, идя позади процессии с непроницаемым лицом, закрыл дверь. В комнате что — то прошуршала и стихло. Минутой позже Волков — Волков заглянул в кабинет. В нем никого не было. Мой дружок прослонился к дверному косяку, с косою улыбкой обревизировав книжные шкафы, после чего в комнате для гостей, рухнул на свой диван, твердя: «Ясно, все ясно». После всех этих невзгод придется обнародовать его один секрет, товарищи читатели. Дело в том, что в далеком отрочестве, он посещал драмкружок. Если бы не увлечение сценой, ему, наверняка, не суждено было бы справиться с ролью еврейского лакея. А так — обвел выходцев из шкафов вокруг пальца на полное хи-хи.

Лежал он недолго. Острейшая потребность в алкоголе погнала нашего героя на кухню. Спиртное вернуло способность рассуждать трезво. После второй рюмки, он еще более пришел в самодовольство. Все-таки объегорил троицу. Что, так называемые атташе, не имеют отношения к Ее Величеству Русской литературе — действительно дай Ей бог отменного здоровья — догадаться было несложно. Приход — их личная инициатива. Беллетрист всегда был высокого мнения о Литературе и верил — она в курсе свершений, замыслов любого пишущего. Иначе, какая она великая? Потому, стоило пришельцам упомянуть про смерти в его повести, они сделали ему, как на ладони. Книжные герои даже не соблаговолители пораскинуть мозгами, что смакования зла ни его личные капризы, а лирического героя. Номасса. Тогда-то моему дружку и пришла в голову идея сыграть с ними шутку. Грабителей в них «увидел», слезу пустил, про несуществующую доченьку заговорил — умора. И как было не выставить их в роли голого короля, если «атташе» не удосужились даже ознакомиться с предыдущей главой, где черным по белому говорилось, что генерал спит и бой, следовательно, есть не что иное, как его сновидение. А так, как Номасс был недругом России, отсюда эмоции и манера повествования. Чудики, ломался улыбкой Волков — Волков. Слышали звон да не знаете где он. Наверняка, мечтали похвалу услышать, благ заполучить от своей госпожи. Дескать, всыпали мне по первое число. Ты гляди, размышлял он, какое влияние двадцать первый век на всех оказывает, даже национальные персонажи в жаждущих благодарностей превратились, а может и материальных благ. Дела... «В презренном металле они не нуждаются», темнили. И все по причине жидовни.

Ему стало еще веселей, стоило вспомнить прокол с именем Номасс. Мой дружок даже не поленился начертать его на бумажке, чтоб убедиться в правильности услышанного, после чего даже головой потряс. Ничего себе, совпаденщице. Ни о каком Самсоне он и не помышлял, равно, как о плагиаторстве. Само образовалось. Просто слово понравилось — короткое, шипящее — только и всего. А теперь сам видит, какое оно неуклюжее и что заключает в себе. Найдем другое, подумал он. Будь гости в понятии об третьей главе, разве бы поставили ему в вину эту мелочь? Раньше бы он ответил, что «нет». Теперь, судя по алканию, — «да». Потому, когда начали стыдить его ни за что, ни про что, он и встал на дыбы. Трудно оставаться бесстрастным, когда тебя обвиняют облыжно. И это правильно. Защищайся, коль ты мужик.

«Не держите на меня сердце, братцы, — тепло грезил Волков-Волков, я ваш, до последний капельки ваш. Как вы могли подумать, что я изменник? Не патриот своего Отечества. Еще, какой патриот! С голоду пухнуть стану, но до такой низости, чтоб ходить под арамеями, не опущусь. Как настоящий русский я не люблю этих безпринципных тварей. Не могу быть спокойным, видя, как они отравляют наше сознание, как вносят в наш уклад дезорганизованность и грязь, как делают нас не хозяевами в своем доме. Слишком хорошо я помню предостережение Достоевского, что ублюдки эти погубят Державу. Не, дорогой Федор Михайлович, не погубят. Потому, что я буду драться с ними. Драться не на жизнь — на смерть. Клянусь».

Интересно, на что они надеются эти евреи, продолжал рыться в себе он. Свои же святые их предупреждали: «Смой злое с сердца твоего, Иерусалим, чтобы спасти тебя: доколе будут гнездиться в тебе злочестивые мысли?» Или как там еще у Иеремии... «Выслушай это, народ глупый и неразумный, у которого есть глаза, а не видит, у которого есть уши, а не слышит».

В предчувствии событий, в приподнятом состоянии, с растущими, как на дрожжах, мышцами, наш герой перебрался в кабинет, стал искать Катехизис евреев, по-волчьи обходя шкафы с русской, советской литературой и особенно с альбомами репродукций. (Избави боже, еще кто-то нибудь ненароком выпорхнет). Краткое изложение еврейских заповедей у него были, он помнил это. Взбрело человеку в голову, понимаешь, перечитать, хоть ты тресни.

Искомое вскоре нашлось, и беллетрист с головой окунулся в брошюру, все, так же разгоняя квартирный туман. Внимание его привлек один пункт. Даже не то, что привлек, заставил споткнуться, т. к. имел самое непосредственное отношение к нему. На первый взгляд, пункт был невинный. В нем говорилось, что дочерям Израйля предпочтительнее рожать детей от представителей других национальностей. Волков-Волков насмешливо скривил губы. Ну да, ну да! Даже из такого специфического вопроса, жида извлекали пользу. Улучшали породу. Тысячелетний период консервации, замкнутости на себя, давал о себе знать. Процент психически больных за последнюю сотню лет вырос в несколько раз и продолжал расти.

Был и второй аспект. Увеличивался приток шебесгоев, мужчин, состоящих на службе у евреев. Так, заколосилось внутри нашего героя. В семье у Геси русские зятья и кашеварят и по магазинам бегают, так что тут, все логично. Оккупируют они нас, экспансируют. Меня, видно, та же участь поджидала. Только я... кукиш!

Доселе незнакомая брезгливость пришла к нему, стоило вызвать в памяти горбатый нос подруги, курчавые волосы, миндалевидные глаза, е е о с о б ы й з а п а х. Еще вчера ничего похожего не было и в помине. Без сомнения, реакция возникла спонтанно, после прочитанного. Шабаш, девочка, подумал перерожденный беллетрист. Отныне наши альковные встречи предаются забвению. Мешать свою кровь с твоей — больше не заставишь. Байстрюка мне еще не хватало. Инквизиция — хо-хо! — через века бдит. Как я только, что прочел: «Совокупление с жидовкой есть смертный грех». Золотые слова. То же самое, если бы я имел соитие с собакой. А посему: «Гут бай, май лав!»

(Небольшое отступление. В немецком языке существует идиоматическое выражение «Забросить чепчик за мельницу» Русский аналог — пуститься женщине во все тяжкие. У Грибоедова, например, встретить можно подобное: «И в воздух чепчики бросали»). Волков-Волков усмехнулся. Соотносится с Гесей. Сколько не старайся, все мало бабе. Нимфоманка проклятая. Хорошо, что Катехизис помог ему. Давно надо было с ней разбежаться. И потому, когда телефон проснулся и разразился картавым тенорком, ликующе доносящим, что его комикс пристроен в журнал и что Гурфинкель опубликует его в ближайшей номере, ей сухо было сказано, что печататься мой дружок передумал. Завтра он заберет рисунки. По какой причине? Без комментариев. Затем, не слушая ее изумления, было добавлено, что любовь прошла, протухли помидоры и трубку вернули на прежнее место.

Тогда и приключился этот сыр-бор, из-за которого у меня мозги набекрень. Из-за чего эта история и была названа мною мистико-фантастической. Ни с того, значит, спальня тает на глазах моего дружка, будто сахар в чае, и он видит, что находится в гостиной. И что лежит он все так же на диване, что телевизор по-прежнему, включен и что показывает он все ту самую вертлявую стерву. Пойдите в состояние Волкова-Волкова. Смутился он. Понять не может, что это за канитель. Как оказался здесь? На журнальном столике не было энциклопедии, хотя он готов был поклясться, что оставлял ее там. Такая же картина ожидала его и

в кабинете. Катехизиса тоже не было видно. Обе книги мирно отдыхали на полках, когда он лихорадочно стал проверять их. Но он ведь не ставил их туда. Как прикажете понимать, сей фортель? Но это были еще цветочки. Ягодки были на кухне, где наш герой также не нашел никаких следов водкопития. В холодном недоумении Волков-Волков опустился на табурет. Значит, эти... книжные и живописные персоналии... не было? Ну, знаете!

В квартире грохотала пушечная канонада, слышался ружейный перестук, гремели военные марши, и лилась торжественно-грозная песня: «Вставай, страна огромная», хотя стояла глубокая ночь. Пол ощутимо прогибался, когда литератор с новым временем в обнимку галопировал обратно в комнату для гостей. Сон? К шутам собачьим сон! Разве бывают такие сны? Тогда... галлюцинация? Скорее всего. Бред взбудораженного сознания. Вот что значит, до посинения торчать за компьютером и хлебать молочко из-под бешеной коровки. Ты гляди, какие полновесно-реалистические видения рисуются. Как под воздействием слега в «Хищных вещах века». Тьфу, и здесь эти пархатые Натановичи! Никуда от них не деться.

Он не помнил, сколько времени провел в прострации. С час, примерно. Время — превосходный лекарь. Да, спустя час Волков-Волков на полном серьезе уже полагал, что ничего особенного, не произошло. Ну, почудилось некоторая ерунда, дальше что? Невидаль, какая! Современному человеку из-за лавинообразной информации, еще ни то кажется. С каждым может произойти. И тогда думы как-то незаметно перекочевали на его детища. Именно, вдохновенно мыслилось Волкову-Волкову. Расстанусь с выпивками, буду пахать еще больше. Писать я все равно ведь не брошу. Это смысл моей жизни. Не пишется — шлифуй готовое, продумывай дальнейший сюжет, грамотнее строй фразы, заменяй одни слова другими, не сиди без дела. Другого пути нет, если тщишься создать нечто достойное. Ты ведь бескорыстный слуга Ее Величества Русской Литературы, Вседержавнейшей, Всесветлейшей и Всемиловитившей, дай Ей бог на самом деле здоровья и процветания на долгие годы. И награды не жди. Творчество — сама награда. Вдобавок награда художнику находится за гранью реального, читал сам об этом.

Мой дружок присел за электронно-вычислительное устройство, дабы подумать над новым именем генералу. Хотелось поработать хоть пять минут в этот неурочный час для успокоения. Сна не было ни в одном глазу. Такие внезапные, как он называл сам, кавалерийские наскоки, частенько происходили с ним. Фанатик, как ни негативно это звучит. Случалось, они давали неплохие результаты. «Номасс» был рожден такими вот экспромтами. На них он уповал и сейчас. Волков-Волков, подготавливая себя, уже рисовал таинственные знаки на бумаге, будто вызывал духов, когда нога его нащупала под столом странный предмет. Мой язык скуден, для того чтоб описать степень ошарашения моего дружка. Графически это будет выглядеть, скорее всего, как перпендикуляр, поднятый с основания. Как вы думаете, что он увидел, стоило ему поднять с пола «странный предмет»? Не ломайте напрасно головы. Ни за что не угадаете. Меч-кладенец. Ей-ей.

— Гри...? Грине... ва? — помертвел он. — Но тогда ... это были ни видения?

«Разуй глаза, — возмутился внутренний голос. — У него шпага, не меч. Не различаешь, у кого что, вояка хренов?»

Внезапно, с чудесной ясностью нашему герою сделалась понятно, что Ее Величество Русская Литература благословила его на битву с неверными. И не только благословила, но и в знак уважения вручила этот меч. Волков-Волков почувствовал смущение. Я от своих слов не отрекаюсь, обратил он свой взор к потолку, только... мое творение? Как? Хотелось бы дописать его. И настоящее, а не отечественные «Звездные войны», как тут отматерили его... Позвольте закончить — и я в вашей власти.

И тогда после этих слов в комнате развилась метель. Ее создали листы бумаги, падающие сверху. Мой дружок порывисто стал хватать их. Это была его повесть. Теперь она в корне отличалась от того, что было уже создано им. Особенно была переработана третья глава. В прошлом варианте, как мы помним, наш десант доживал последние минуты. В новой редакции было все наоборот. От Замедлителей остались воспоминания, благодаря прибывшему подкреплению русских ребят. Сам генерал, живой и невредимый, с горсткой оставшихся вояк скрывается в ночном лесу. Тот длинный русский десантник... ну, Фитиль ищет его, крича, что их встреча неминуема, что смерть генерала — приговор самой Истории. Главная мысль произведения также претерпела изменение. Теперь она стала гимном России, ее исполатью. Изменился и язык повествования. Стал чеканным, как у Булгакова в новозаветных главах закатного романа.

Лицо Волкова-Волкова стало лет на пять моложе. Ее Величество Русская Литература, Вседержавнейшая, Всесветлейшая и Всемилостившая, дай бог Ей здоровья и процветания на долгие годы, протянула ему царственную руку помощи. Теперь он понимал, что препоны были испытанием его. Ей казалось, что он калиф на час. Дескать, поматросит и бросит. А когда услышала, что писать не оставит, поняла, что он одержим — изменила свое мнение.

(И еще, как мерещится мне, не последнюю роль сыграло обстоятельство, что Ее Величество догадывалась, что чехвостит мой дружок Родину понарошку. И к высмеянному им Георгию Константиновичу испытывает даже не симпатию — любовь.)

Но дальше события начали развиваться как-то непонятно. Волков-Волков отложил свое детище и задумался, прохаживаясь по комнате. Он опять что-то прикидывал. Принятие решения (было видно), давалось ему нелегко. Едва часы пробили утро, глаза сделалась осмысленными, и он громко сказал вслух вот что:

— Литература подождет. Как там, в Святом писании? «Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытятся ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя». Именно так. Не то я всю жизнь будут корить себя, видя глаза соплеменников. Понятно, скажут они, СРБКТ, да? Своя рубашка ближе к телу? Как бы ни так. Услышите, друзья мои, совершенно противоположное. Фраза, конечно, избитая, но своего смысла не потеряла. А звучит она просто и определенно: «Думай сначала о Родине, потом о себе».

Истекая патриотизмом, наш державник снова вытащил Катехизис и процитировал пассаж, где говорилось о фашизме «Фашизм — явление неслучайное. Он возникает там, где мы недооцениваем стремление местного народа быть хозяином своей земли. Фашизм подспудно зреет во всех народах. На наше счастье разные народы приходят к нему в разное время и под разными названиями».

— Ага, — торжествуя, крикнул он, отбрасывая брошюру, — сами верите в его приход? Ждите, лахудры!

И тогда приятный женский голос из-под потолка сказал, что именно таких слов она и ждала от него. От одобрения Ее Величества Русской Литературы, от бессонной ночи, от всех передрыг, наш юдофоб распахнул окно и рывкнул, лаская свои, ставшие чудовищными, мускулы: «Благодарю! Мы им! Покажем! Благодарю!» Кому кричал этот оплоумевший мизантроп, одному Богу известно. Только утро уже затопляло в тот момент пространство за окнами, расцветало, как цветок. Все кругом залило красным. Черные тени съежились, начали прятаться, становясь трухой под воздействием солнца. Пропали лужи, позолоченный обман современной жизни, коробки из-под сигарет, фантики, пивные бутылки — символ времени, пришедшего в начале последнего десятилетия прошлого тысячелетия. Земля начала преображаться, да еще как. Очень быстро, сильно истомившись по свету и по здравому смыслу. Это понятно. «Се, творю все новое».

Вопль моего дружка достиг высоток, отразился от них, и тогда Волков-Волкову почудилось, что все — без исключения, понимаете! — жители квартала, поддержали его призыв. Заблуждение. Услышан он не был. Воскресение ведь было, народ еще не проснулся. Не будем разубеждать нашего героя. Пусть так себе считает. Вера делает человека счастливым. И на этом выводе позвольте завершить рассказ, товарищи ученые. Поделится тем, что знал. Вывод за вами. Конец.

Да, все, дорогие. Решите сей кроссворд, на коленях молю. Вы там еще не такие орешки раскусываете. Я чего рассказывать вам надумал? Боюсь последовать за дружком. Все, кажется, что его похитили эти... незваные гости, хотя такие действия переходит все границы. Успокаивает, что это нелепость. Для чего он потусторонности? Для нейтрализации его появившихся убеждений? А как же меч, похвала Литературы? Книжные герои пошли Ей наперекор, что ли? Ни-ч-чего не понимаю, как ни стараюсь. Так что, когда узнаете все, сообщите, будьте добры, не забудьте. Адрес прилагаю. Жду, не дожусь. Всего хорошего, доценты с кандидатами. Ау!

г. Челябинск

Лесной путь

(фрагмент)

Гусли

Певец был очень стар. И, кажется, болен. Узловатые пальцы дрожали, теребя струны гуслей. Мелодия песни сбивалась. Голос, сильный и звучный когда-то, тоже изменял певцу. Кучка базарных зевак, обступивших его, откровенно смеялась. Смеялась над дрожащими руками и бессильным голосом, над выцветшей, залатанной одеждою певца, и над седыми волосами.

— Старый пьяница! Наглый попрошайка! Иди, проспись! — неслись со всех сторон насмешливые крики.

Кто-то бросил в певца комок грязи.

А певец всё пел...

Сурок сразу узнал эту песню. И певца узнал тоже. Несколько лет назад певец приходил в крепость Тургород. Пел там для воеводы Муравчика и его приближённых людей. Был щедро награждён, обласкан... А ныне...

— Убирайся, старик! Мы не желаем тебя слушать! — крикнул кто-то в толпе. И вздрогнул, когда что-то острое упёрлось ему в бок.

— Не хочешь слушать, так и убирайся сам, — шепнула ему хмуρο Сурок. Протолкавшись сквозь нестройную толпу, встал рядом с певцом.

— Все убирайтесь, свиньи!

На мальчишку в пёстром плаще заворчали. В толпе послышались угрозы. Но он был настроен решительно. К тому же, здесь были и те, кто неплохо его знал.

— Сурок, ты чего? Всё веселье испортил...

— Идите, веселитесь где-нибудь ещё!

Кое-кто из толпы, поворчав, пошёл прочь, увлекая с собой остальных. Мало кто из знающих людей хотел бы перейти Сурку дорогу. С ним только свяжись... Ну, а не с ним самим, тогда с его хозяином, — корчмарём Алтухом. А тот Алтух, как всем известно, связан с самим Хортом — разбойным вожаком, с которым справиться не может даже сам могучий воевода Чарнот.

— Идём, дедушка, — с почтением сказал Сурок певцу. — Тебе надо отдохнуть. Ты где живёшь?

— Храни тебя Бог, отроче! Ты выручил меня... — ответил, с дрожью в голосе, старик. — Боюсь, однако, что мне некуда идти.

— Ну, не беда, — легко сказал Сурок. — Я знаю одно место, где нам будут рады.

— Мне нечем заплатить...

— Неважно!

Корчма стояла возле самого подножия городского вала, увенчанного грозною стеной. Совсем неподалёку от ворот. От главной улицы сюда вёл узкий грязный переулок, с убогими лачугами. Здесь обитал всякий сброд. И здесь, в корчме, был дом Сурка. Жильё, которое он давно уже привык считать своим. Свои люди...

Сюда же он привёл и заболевшего певца.

— Я нашёл постояльца, — сказал он хозяину. — Дай ему лучшую комнату. И... Он немножечко болен.

— А постоялец сможет заплатить? — осведомился проникательный хозяин.

— Конечно, — Сурок звякнул тугим кошельком, висевшим у него на поясе.

— Ну, надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — ухмыльнулся хозяин. — Марика, займись нашим гостем, — велел он девушке, проходившей мимо.

— Дедушка, пойдём, — сказала та, беря певца под локоть.

— А ты садись, поешь... Тебя тут снова этот проходимец спрашивал. Где только Хорт берёт таких страшилищ?

В корчме было довольно грязно и темно. Несколько хмурых подёнщиков что-то молча жевали и пили, сидя за длинным дощатым столом. Сурок тоже забрался в дальний угол, сел спиной к двери. Служанка молча поставила перед ним большую миску ароматно пахнущего мяса с овощами и кружку молодого зимоборского вина. Он склонился над миской...

— Ну, надо же, какая встреча! — раздался над ухом насмешливый голос. — Микаш!

— Микаш!

Вильша проворно уселся за стол, прямо напротив Сурка. Взмахом руки подозвал остальных.

— Что, не ждал? — ухмыльнулся он в лицо побледневшему Сурку.

Но тот уже пришёл в себя.

— Как ты назвал меня? — спросил он холодно. — Ты, верно, ошибся. Меня зовут иначе.

А Микаша нет. Его загрызли волки, той зимой.

— Ты сам виноват!

— Сурок, у тебя всё в порядке? — спросила подошедшая служанка.

— Лучше не бывает, — улыбнулся ей Сурок.

— Надеюсь, здесь неплохо кормят? — Вильша облизнулся. — Принеси нам... Всё то же, что и ему!

Служанка отошла.

— Ну, и дыра, — Вильша огляделся, с подчёркнутым пренебрежением. — самое место для таких, как ты. Воров и предателей...

— Сам ты... — Сурок взглянул на Сашку, непонимающе смотревшего на них, во все глаза. — Что, нравится тебе этот красавчик? И правильно. Но он тебя бросит, как только ты хоть в чём-то ошибёшься.

— Ты не ошибся! Ты предал нас всех!

— Много ты знаешь!

— Уж знаю!

— Ты для чего сюда пришёл? Ругаться?

— Я по делу, — кивнул Вильша на сумрачного Зарьку.

Служанка принесла еду. Сашка только сейчас вдруг понял, какой он голодный.

— Верни браслет! — потребовал Вильша.

— Да? Я его выиграл!

— Но это нечестно! Это предательски!..

— А я кто, по твоему?

Разговора не получалось. Вильша и Сурок умолкли, сверля друг друга, через стол, непримиримо сверкающими глазами... Совсем, как Туйма и Дарюш недавно.

Зарька, примирившийся уже с печальной своей участью, подтолкнул Сашку локтем.

— Ешь, давай, пока горячее. Пока они друг друга не поубивали.

Негромко свистнул сурок.

— Мур? — послышалось в ответ. Очень недоверчиво.

Сурок просвистел ещё раз. Настойчиво так...

— Мр-ря...

— Это что? — шепнул Сашка Зарьке?

— Совки стали разговаривать... Раз эти сами не хотят...

Совки разговаривали долго. А Вильша с Микашем молчали, всё так же нелюбезно глядя друг на друга...

— Я всё равно не верю, — сказал, наконец, Вильша. Уже без яростного напора.

— Какая теперь разница? — послышалось в ответ.

В этот миг распахнулась входная дверь, и на пороге возникла высокая тощая фигура, в вызывающе яркой, разноцветной одежде.

— Где мой учитель? — вскричал незнакомец хорошо поставленным, звучным голосом. — Я хочу увидеть своего учителя!

— Что это за шут? — спросил иронически Вильша.

— Это не шут, — фыркнул Микаш. — Это придворный певец воеводы. Ты разве его не узнал?

Театрально размахивая руками, придворный певец громко требовал, чтобы его проводили в комнату учителя.

Певцу показали дорогу.

Вильша сердито взял ложку, и принялся есть остывшее жаркое.

— Да отдам я твой браслет тебе, — буркнул Микаш Зарьке. И без того бы отдал, мог бы этого с собой не приводить. Дурак ты...

Он снял с запястья небольшой серебряный браслет. Швырнул его Зарьке, через стол. Тот, прошептав благодарность, поспешно опустил браслет за пазуху.

Из задней двери, что вела в жилые комнаты, вышел старый певец. По-прежнему бледный, уставший и явно сердитый он быстро подошёл к хозяину корчмы, сжимая в дрожащих руках инструмент. Вслед за ним метнулась разряженная длинная фигура.

— Учитель, подожди!

— Я хотел бы продать свои гусли, — решительно сказал старик. — Много лет они верно служили мне. А теперь, вот... Я понял, что не смогу уже играть на них, как прежде. А они должны петь. Это уникальный инструмент, работы старых мастеров. Поэтому я не могу его отдать задёшево. Его цена — двенадцать суварских монет, и ни полушкой меньше. Вот этот человек, — старик оглянулся на придворного певца, — он хотел бы купить мои гусли. Но... Может быть, ты знаешь человека... Другого гусяра. Чтобы гусли достались тому, кто их больше достоин.

— Учитель! — оскорблённо воскликнул певец.

— Что ж, я и сам их охотно купил бы, — усмехнулся лукаво корчмарь. — И есть у меня на примете тот, кто на них сможет сыграть. Только прошу, отец, — сыграй сначала сам. Вот, подкрепишь вином...

Седой певец запел. Пальцы, как и прежде, плохо его слушались, и гусли то и дело всхлипывали, как от боли. Но голос вдруг налился силой, и зазвучал по-молодому.

Вильша, словно зачарованный, смотрел на старого певца. Благоговейно, словно на икону. Позабыв обо всём! Певец же пел о старых днях, о благородной и чистой любви, о счастье и удаче. Когда он закончил, ему долго хлопали.

— Зря ты, отец, говоришь, что пора на покой, — заметил хозяин корчмы.

Но разряженный, словно на бал, ученик уже протягивал, нетерпеливо, руку к гуслиам.

— Послушай, учитель, как я научился играть!

Играл он замечательно! Виртуозно, напористо, ярко! И пел неплохо. Он пел хвалебную песню, во славу воеводы Чарнота. Воспевал его подвиг у Двух Перевалов, когда воевода умело заманил в ловушку, и побил опасное чужое войско. Закончив, под аплодисменты, певец горделиво посмотрел на старика.

— Ну что, ты доволен, учитель? Я играю не хуже тебя! И я дам не двенадцать, а сорок монет!..

Но старик, с ожиданием, посмотрел на корчмаря.

— Ты говорил, что сможешь отыскать другого.

— Да, говорил, — хозяин огляделся. — Сурок, не хочешь ли попробовать?

— Нет, не хочу. Пусть сначала вот он, — кивнул тот на замершего в экстазе Вильшу. — Давай, ты ведь раньше неплохо умел.

Певец взглянул на юного оруженосца. Протянул ему гусли, к немалому неудовольствию ученика.

— Сыграй что-нибудь, если сможешь.

Вильша постарался справиться с волнением. Потом...

Играл он, конечно, не так виртуозно. И пел — много хуже, чем оба певца. Особенно вначале, стесняясь присутствия старого, прежде знаменитого певца. Ведь он его тоже узнал!.. А после стало всё равно. Песня его захватила, как было не раз. Он пел свою любимейшую песню. Песню юных всадников, что мчатся из вражеской степи к родным горам. А позади, всё ближе с каждым мигом, их настигает грозная орда. Там, в степи, они достали драгоценную добычу, только, кажется, им не уйти. Перевалы ещё далеки, и спасения нет. На перевалах притаились сильные полки. Но помощь не придёт, её не пустит хитроумный воевода! Им остаётся лишь принять неравный бой. Им, четверым. А пятый пусть стрелою мчится к перевалам. Он успеет!

— Скачи! Твой Рахш быстрее всех! Скачи, и помни нас! — пел вдохновенно Вильша, дрожащим от волнения голосом, забыв обо всём на всём свете! Он сам был в этот миг среди тех всадников, сам скакал к перевалу!...

Вильше хлопали тоже от души. Прославленного Венко Корибута любили здесь не меньше, чем воеводу Чарнота.

— Подумаешь! Я тоже так могу! — слышалось вдруг, явственно, из-под стола.

Сурок, недолго думая, нагнулся, и выволок, за шиворот, Радимку.

— А можешь, так сыграй.

— Ну, и сыграю! — нахально огрызнулся тот. — Дай мне...

Он выхватил из рук опешившего Вильши гусли, уселся с ними на краю стола. Размашисто ударил пальцами по заудевшим струнам.

Гусли словно взорвались в ответ, обрушив на людей вокруг каскадный водопад могучих звуков, и брызги разноцветных искр, сорвавшихся со струн.

Радимка пел, чуть хриловатым от простуды голосом. А смотрел, почему-то, на Сашку.

Когда ты сделаешь две дюжины чудес,
 Пойдём с тобой мы в жуткий-страшный лес.
 Пусть долог путь!
 Не позабудь, —
 Уходим завтра в Чужедальний лес!

Радимка примолк на секунду. С усмешкой взглянул на покрасневшего Зарьку. Подмигнул зачем-то Сашке. И снова ударил по струнам.

— Уходим завтра в наш, Суварский лес!

Сашке вдруг страстно захотелось в дорогу. Туда, в неведомый, опасный лес, где трудные пути, где ждёт его важное, нужное дело!..

Похоже, многим захотелось вдруг того же!

Седой певец закашлялся.

— Возьми, мальчик, гусли, — сказал он, с волнением в голосе. — Они твои, по праву. Не нужно денег, никаких!

Радимка просиял, от счастья!

— Ну, зачем же не нужно? — мягко возразил Сурок, кладя на стол перед певцом туго набитый кошелёк. — Вот, здесь двенадцать суварков, как раз.

Денег было не жалко. Легко достались, — пусть легко уходят.

— Но, учитель! — раздался возмущённый вопль. — Зачем ты отдаёшь бесценный инструмент какому-то мальчишке?! Он ведь сломает его, и выбросит, через неделю!

— Ты осёл! — ответил старик. — Ты не слышал, не видел, как мальчик играл?! Он вдохнул в гусли новую жизнь! Так играть я уже не могу, много лет. Ну, а ты — никогда не умел!

Радимка, между тем, подошёл к Сурку. Шепнул ему на ухо:

— Тебя Лешек искал.

— Зачем я ему нужен? — насупился Сурок.

— Так не ему, а папочке его. Велел тебе отдать, вот это.

Он вынул из-за пазухи, и положил перед Сурком рыже-белую шапочку, с зелёной полоской.

Сурок вздрогнул, как будто от удара.

— Что? Это мне? Но за что?! — вскрикнул он, с прорвавшейся тоскою.

— Но ты же не отпустишь нас, одних?! Ты же должен быть с нами!

Сурок просиял, как недавно Радимка.

Кметы

Разбудили Радимку ещё до рассвета. Антошка, старший брат, пребольно дёрнул за ви- хор.

— Вставай, засоня!

«Вот вредина! Третье утро подряд! Ну ладно, завтра уж я постараюсь!..» — решил Радимка, поднимаясь.

Он зевнул. Когда то и дело тебя кто-то будит всю ночь, поневоле «засонею» станешь!

По лесенке спустившись с сеновала, где ночевал уже неделю, Радимка старательно умылся холодной водой из стоявшей у стены кадлушки. Смыл остатки сна. И направился в дом, — помолиться перед образами. Спасителю. Матери Божьей. И Николаю Чудотворцу. Это — самое первое дело! А уж оттуда побежал в коровник — выполнять свою долю привычной утренней работы. За что и получил затем, от мамы, большую кружку свежего парного молока, и маленький кусочек хлеба.

С хлебом по весне всегда бывает туго.

Работы в мастерской, как обычно в субботу, было не так уж и много. Лишь уложить готовые горшки и миски в большие короба, и погрузить всё это на телегу. Потом отец с Антоном увезут их в Верхний город, продадут знакомому торговцу.

Радимка стал прикидывать, как бы ловчей удрать и заняться своими делами.

— Там, Радимка, пришли за тобой, — странным голосом сказал Антон, заходя в мастерскую. Он только что отнёс один из коробов.

Радимка уронил горшок, и выскочил за дверь.

Возле крыльца стоял знакомый бородатый дядька. Десятник с путного двора. Перед ним топтался сумрачный отец.

— Да, вот этого, — сказал десятник, заведя Радимку. Махнул тому рукой. — Иди сюда.

Радимка внутренне похолодел. Спустился по ступенькам, на негнущихся ногах.

— Во исполнение княжьего указа о ежегодном отрочьем наборе, наместник повелел купить твоего сына, для отправки в лесные работы. Вот тебе указ. А вот — условленная плата.

Он сунул в руки ошеломлённому отцу запечатанный свиток, и тугой кошелёк.

Радимку шатнуло. Позади кто-то охнул.

Отец непонимающе взглянул на кошелёк... На свиток... На десятника... Спросил с усилием:

— Когда... заберёте?

— Могу хоть сейчас, — хохотнул десятник. Посмотрел на Радимку. — Но он ведь отрок смелый, не сбежит? А?

Сглотив, Радимка сипло прошептал:

— Я не сбегу.

— Ну, вот и славно. Гуляй тогда, до завтрашнего вечера. А то нагонят нынче целую орду. Куда вас всех девать? Ты из посадских, вроде как, один такой везучий. На вот, к шапке прицепи, — протянул он мальчишке круглый жестяной значок-тамгу.

Десятник ушёл. Проводив его тоскливым взглядом. Радимка задрожал, и, всхлипнув, уткнулся лицом в бок отцу. Обхватил его крепко руками.

Он всё же постарался не заплакать. Совята не плачут!

— Ну, будет, будет, — отец погладил его своей сильной рукою по взъерошенной макушке. — Ты ж у меня самый лучший... Сильный, верный, надёжный...

— Ага, — шмыгнул носом Радимка, включаясь в игру. — Самый храбрый, умелый, и ловкий...

— И до любого дела жутко совкий! — Антон подошёл сзади, положил на братишке ладони на плечи. — Вот и досовался. Возьмут теперь в работу.

— Подумаешь! — храбро ответил Радимка. — Я ни какой работы не боюсь!.. Пап, можно мне в город, побегать немножко?

— Ну, беги.

Свою пёструю шапку-суварку, и приметную, буро-соснового цвета рубашку с продольными зелёными полосками Радимка получил прошлой осенью. На путном дворе. В награду, за верность и надёжность. Вместе с лучшим другом Лешekom, и другими надёжными ребятами. Им всем тогда и было сказано, что могут угодить в отбор. Чтоб по весне были готовы.

Ну, Лешек, тот сразу решил, что его-то возьмут обязательно! Сам этого хотел. Радимка — тоже чувствовал, что могут... Конечно, было страшновато. Ещё как! Работа лесная — не мёд. Там всякое случиться может. Зато, если будешь способным и совким...

Надо, первым делом, повидаться с Лешekom, — решил Радимка, выбегая из калитки.

На улице было ещё по-весеннему сыро и грязно. Босиком ещё не очень-то побегаешь. Но наплевать! Радимка — стойкий и выносливый, все знают! К тому же, снег уже сошёл. Значит, считается, лето! А летом ни один мальчишка на Посаде, даже самый хилый, обутом не станет ходить, — засмеют. А то и поколотят.

А князь своим кметам, — если будешь полезным и нужным, даёт и обувь, и одежду... И что угодно. Всё, что угодно, можно заслужить, если стараться! Как Лешеков отец, к примеру. Он тоже был совёнком, вот! А стал — все знают, кем! Все знают наместника Чарнота!

Лешек Радимка разыскал у городского рва, что опоясал Замковую гору. Сидя на покато́й кромке берега, тот жевал что-то вкусное, и кидал в воду мелкие камешки.

— Я знал, что прибежишь. Будешь с рыбой пирожок?

Он вынул из-за пазухи большой румяный пирожок! И протянул его Радимке. Радимка тотчас же вцепился в добычу зубами. И заурчал от удовольствия. Сел рядом с приятелем. Взглянул на него благодарно...

Все говорят, будто они похожи. Наверно, так и есть. Лешек — невысокий, коренастый, как и сам Радимка. С худым обветренным лицом и крепкими руками. Такой же голоногий, и одет в такую же одежду. Не скажешь, что сын воеводы. Волосы чуть потемней, и веснушек на носу побольше. И царапин на щеках и на руках.

Лешек, размахнувшись, бросил камешек в мутную воду.

— Ты уже знаешь?

— Угу, — Радимка, мыча, закивал головой. С набитым ртом немножко трудно разговаривать.

— А я ещё вчера узнал. Под вечер. Из города троих берут. Ну, мы — понятно. А кто третий? Отец молчит. Сказал, что мы его не знаем.

— Это как?! — Радимка чуть не подавился. Поспешно проглотил кусок. — Мы всех в нашем городе знаем!

— Я и подумал... Может быть, кто-то из Верхнего города?

— Ну, ты сказал! — возмутился Радимка. — Волохов в путь не забирают, только наших! А из других там по годам только один годится. Он вредина, и трус!

— А кто тогда?

— Чего гадать? Узнаем. Подожди до завтра.

Радимка вновь занялся пирогом.

Ещё один камешек булькнул на дно.

— Отец меня едва не отлупил. Когда узнал. Сказал, что он не для того меня растил, не для кметьей работы. И что не всякий кмет сумеет стать наместником. Что я могу остаться кметом на всю жизнь. Или погибнуть вовсе... Он сотню раз всё это говорил!

— А ты?

Лешек дёрнул плечом.

— Ну, он же сумел! А мы чем хуже?!

Ещё бросок...

— А кметом тоже быть неплохо. Ради Божьего дела!

— Ещё бы! — легко согласился Радимка.

— Пойдём в Верхний город, волохов лупить? — спросил Лешек, когда пироги были съедены.

— Да ну... Надоело. А подлый Негош свою хитрую морду из дома сегодня не высунет. Тоже знает, конечно, какой нынче день. Вот его бы не мешало отлупить. Чтобы запомнил!

— Тогда пойдём ещё куда-нибудь.

Пошли на рыночную площадь.

Лоток с восхитительно вкусными медовыми пряниками первым заметил Радимка. У него аж слюнки потекли! Купить, конечно, было не на что, но поглазеть-то можно!

Но путь к вожделенному лотку преграждали два каких-то пузатых торговца. Оба — в синих парчовых халатах, расшитых золотыми нитями, в червлёных сапогах. И пахнет от обоих дорогами заморскими пряностями. Сразу видно, люди именитые! И угораздило же их тут повстречаться, и завести беседу. Прямо у лотка! Не обойдётся...

Радимка всё-таки попробовал сбоку протиснуться, самым нахальнейшим образом. Но кряжистый торговец-волох, с чёрной длинной косицей на бритой макушке, обвитой золотым шнуром, так взглянул на него, что Радимку словно ветром отнесло.

— Вот, я и говорю, обнаглели, — промолвил торговец рочучущим басом. Вынул из складок халата пузатую фляжку. Открыл. Смачно к ней приложился...

Радимка попытался зайти с другого бока. Но Лешек ухватил его за локоть.

— Стой, — шепнул он. — Слушай!

Обладатель позолоченной косицы был явно на взводе.

— Я одно не пойму. Отчего князь опять не желает продать немного кметов на наши рудники, как было впредь? Прямая ж выгода. Я тоже охотно купил бы с полсотни голов, хотя имею право забирать их даром. Всегда имел! Хазары обошлись бы мне дешевле, да больно быстро дохнут. А эти — и выносливей гораздо, и работают лучше, и жрут в три раза меньше... Мне такой полусотни хватило б года на три. А затем можно новых...

Он снова приложился к фляжке. Затем вдруг поперхнулся... Побледнел. Схватился за живот. Согнулся пополам... Раздался громкий треск, и сразу сильно завоняло. Совсем неблаговонно! Купец мешком осел на землю, стена и ругаясь по-волошски. Из-под парчового халата растекалась коричневая лужа.

Кругом раздался хохот.

— Что он говорит? — спросил, сквозь смех, Радимка.

— Поносит кого-то, — сказал презрительно Лешек. — Какого-то суварского лисёныша. Убить грозитя белобрысого паршивца.

— Куда ему, поноснику, — сказал с усмешкой кто-то.

Купца поспешно увели. Лешек, бледный от злости, шепнул:

— Я чуть его не пнул, за те слова! Князь никогда не позволит, чтоб нас продавали!

— Он своё получил... Даже лучше! — корчась от хохота, фыркнул Радимка.

— Вот это представление, мальчишки! — со смехом сказал молодой продавец. — Хотите пряников? Берите, я угощаю.

Святая Русь. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!»

Мессианская идея русского православия, — построение Святого Града Божьего на всей земле. Это она легла краеугольным камнем в основу Государства. Она же породила особую общность людей — русский народ. Всю русскую (православную) цивилизацию. Стала целью и смыслом их жизни на годы и веки.

Со временем идея обветшала, постарела. И с лёгкостью была задвинута петровскими ботфортами под лавку, в тёмный угол. Однако выжила, не умерла. Ещё две сотни лет боролась с чуждой ей, навязанной извне Империей.

И победила. И наполнила собой другую привнесённую идею. Идею Коммунизма.

Слова — иные. Смысл — всё тот же!

«Мы наш, мы новый мир построим...»

Чем всё закончилось — известно.

Идеи, самые благие, тоже умирают.

В мире много хороших идей. Например, либеральная. Или другая. Со временем одна из них в России, может, приживётся. Но тогда это будет уже не та страна. Другая. Другой народ. А собственной, особенной цивилизации не будет уже точно.

Так выпало в истории, что русским — без Святой Руси — жить можно. Только незачем.

Мы жили...

1.

Взыскание Святого Града Божьего — наш путь, который нас влечёт неудержимо. В том Граде — мир, добро, и красота. Там Божий свет! Там истинная правда. Достичь его мы сможем лишь тогда, когда все земли наши обретут единство, во имя Святой Троицы. Так будет. Я в это твёрдо верю.

Мы все к нему идём, пусть разными дорогами. Я с детских лет искал заветный Белый Ключ, который сделает меня счастливым. Так мне предсказано. Искал всю жизнь. Объездил много стран. Но не нашёл его. А вот сейчас, мне кажется, я близок!..

Подступает ещё одна ночь, — у костра, среди весеннего леса. Сколько было таких! Не уснуть. Вспоминаю лесные туманы, пески, чаек плач. А кметы мои все почти позасыпали. Я завтра поведу их на великие дела. В суровый мир.

— Ты, отрок, ежели не спишь, так сбегай, принеси ещё воды из родника. Она наутро пригодится. Чего ворчишь? Боишься? Шевелись!

Убежал. А кистень прихватил, между прочим. Здесь всего-то с полсотни шагов по тропинке. А он отправился, как будто на пути — непролазные дебри, враги и пугающий мрак...

2.

На пути — непролазные дебри, враги и пугающий мрак! Ещё бы, я же прежде не бывал в ночном лесу. И сюда я совсем не просился. Меня ошибочно купили князю, да!

Я осенью бы мог уже учиться в торговой школе. Затем уехал бы в Царьградский университет. Стать мудрецом, изведать Лисьи тропы! А мне сказали, что я нужен не за тем.

Ну вот, почти дошёл. Враги не нападали. Осталось обогнуть вот эту буреломную грядку, похожую на гору, и там уже родник. Но здесь страшней всего! Там наверху торчит тот древний идол! Вон злющие глаза его, как угольки горят...

Ой, кто там ещё прячется?...

Вот напугал! Ему чего не спится?!

— Да не следил я за тобой, была нужда! Что ты опять придумал, а?

По-ня-а-тно! Ты сошёл с ума? Тебе не говорили, что нельзя, опасно? Ты не пройдёшь! Он каждого сожжет, кто подойти посмеет. И тебя. Его ни стрелы не берут, ни камни. К нему сто лет никто не подходил! А, что ли, ты пройдёшь?

3.

— А мы пройдем! И путь проложим для остальных людей! Ну, ты со мной? Куда тебе, ты трус! Когда вернусь, устрою тебе трёпку!

Опасно? Ну и пусть! А это разве дело, — стоит сто лет, плюётся тут огнём! А дураки приносят ему жертвы, и трясутся! Сейчас я заберусь к нему, а там... Ударит если, — ну так промахнётся! А я...

Вперёд! Завал такой крутой! И в нём полно ловушек! Стемнело уж, не видно ничего. Одни глаза, вон там! Стоит, и наблюдает. Уж не сбежишь теперь, поджарит в тот же миг.

А кто бежит? Вперёд!

Ух, оступился! Падаю куда-то! Одежду рвут колючие сучки. Застрял!

Я где-то под завалом! Мне не выбраться! Спасите! Ой, чья это рука? Ты?! Вот, а не хотел идти!

Ура! Мы на вершине! Вот он, идол! Теперь — скорей накинуть на него шнурок!

— Вот, дяденька, возьми. Мне этот крестик мама подарила. Когда я уходил... И не сердись. Спаси тебя Господь!

Щека прижалась к гладкому стволу. Какой холодный!

— Я понимаю... Это так печально, — стоять сто лет среди бурелома, одному. Тут поневоле сильно заскучаешь. Я из дому всего неделю, как ушёл, а так уже соскучился, сил нету!

Ну, вот и всё. А как теперь спуститься? Что, может, спрыгнем? Ладно, не трясись. Вон спуск удобный, прямо по стволу. Теперь мы быстро!

Мы смогли! Подумаешь, царапина... Зато никто до нас, за сотню лет! Смотри, смотри, луна какая яркая! И облако над ней, как будто Божий храм... Я, когда вырасту, хочу такой построить. Красивый, с куполами до небес!

Чтобы всем людям радостнее было! Земля чтоб стала краше!

4.

Чтобы земля стала краше, и лучше устроена, — нужно создать не один такой храм а, наверное, сотню. Отец так говорил. Ну, значит, создадим.

Я опоздал. Вы без меня тут подвиг совершали. Я думал, просто подерётесь, как всегда. А вы... И кто кого подначил на такое?

Забавно вышло. У идола глаза погасли. Ясно, спит! Теперь-то всё изменится, конечно! Завал мы разберём. Поставим здесь часовню. И будет красота, как ты хотел. Как думаете, справимся все вместе?

Вы что?

Уселись оба под сосною, и дрожат. Что, забоялись? Раньше надо было. Ну, хватит дышать, пошли! Я песню сочиню про ваши похождения! Бежим скорей, десятник всем нам всыплет, когда прошастаем по лесу до зари!

Вот и родник.

На дне лежат Сияющие камни. Зелёный свет струится до небес. Здесь дивное, Святое место! К нему, без праведной молитвы, не пройти...

Мы подошли! Вода студёная, и пахнет сладкой мятой. Пил бы и пил её! А это что? Цветок? Кувшинка! Почему он здесь?

Он раскрывается! В цветке — хрустальный шар. Смотрите, бабочка! Огромные оранжевые крылья! Она живая! Бьётся! Это чудо!

Я понял, это дар! Нам, чтобы берегли. И никаким врагам не отдавали! Какая красота! Свет миру!..

5.

Свет миру просиял? Мой милый страж, ты спишь и видишь сны. А мне пришла пора проснуться, очевидно.

Мой витязь! Как же мы любили друг друга в той стране, где царствует жасмин! Потом пришла беда. Злой чародей пленил меня, и заточил в хрустальной сфере. Ты спас меня, герой. Умчал в полночную страну у края света, укрыл в надёжном месте, до поры.

Я стала ждать, блаженствуя и веря. Я не скучала, нет. Спасибо, витязь мой! Сюда с небес божественные пери сходили много раз поговорить со мной. Так было мило! Но теперь... Час пробил!

Что за огорченье! Я так ждала, когда придёт герой. Вот, дождалась. Увы...

Голодные напуганные дети... Несбыточные глупые мечты... Какой-то подлый сброд! Мой страж, мой благородный витязь! Да что с тобой случилось, как же ты?!.. Теперь я буду пленена навеки. Они поплотятся, конечно! Вот, сейчас!

Сейчас примчится он. Мой похититель гнусный. В обличье злого коршуна, величиной с быка. Вот он уже летит!

Ну что вы замечались, завопили? Не суетитесь, вам не убежать. Сейчас он просто расклянёт вас. Поделом вам!

Ну вот, один уже упал. За ним — другой. А ты ещё стоишь? Ты прав, это забавно. Смотреть, как ты стараешься спасти их. Дружков своих. Они уже мертвы!

Но кто это зовёт меня по имени? Один зверёныш жив? Он тянется ко мне! Он называет моё истинное имя! Он говорит заветные слова! Как он постиг?!

Неважно. Заклятья больше нет. Хрустальный шар разбит. Свободна! Я лечу. Лечу в страну жасмина. Ну, вот и всё! Прощай теперь, старик!

Когда покончишь с ними, можешь попытаться догнать меня. Я сокращу тебя! Узнаешь мою истинную силу!

Что там за крик? Колдун пронзён стрелой! Кто это там? Ещё стрела! Сражён!.. Упал! Я отмщена! Я торжествую! Вот, наконец, явился мой герой!

Теперь иди ко мне! Ах, как любить мы будем друг друга в той стране, где властвует жасмин!

Приди ко мне, герой! Приди в страну жасмина! Я буду ждать тебя! Приди, назло врагам!

6.

Назло врагам, во славу Святой Троице! Вы целы. И ужасно гордитесь собой. Ваши раны промыты водой из Святого источника. Значит, будете жить. В этот раз.

Князь наш храбрый замыслил великое дело. С Божьей помощью, свергнуть поганую власть ненавистных врагов. И взыскать Божий Град! Значит, нужно хорошее войско, оружие. Нужна хорошая руда, чтоб его выковать. Нужны отважные и преданные люди, чтобы добыть её.

Каждый год в Рудный край отправляют хороших ребят. Как сейчас. Очень многие гибнут, — в тяжёлой работе, от козней врагов. Всех моих кметов ждёт совсем нелёгкая судьба. Никто из них не доживет, наверно, до тех желанных дней, когда сбудутся наши мечты. Но они обязательно сбудутся. Мы для этого сделаем всё!

Пошептались немного, и спят. Завтра в путь... Ты подожди, не засыпай ещё. Посмотри ещё раз на огонь. Вдруг увидишь? По Божьей милости, ты можешь видеть многое. Скажи. Что ждёт нас впереди?

Ведь взыскание Святого Града Божьего — наш путь, который нас влечёт неудержимо!

7.

Взыскание Святого Града Божьего — наш путь, который нас влечёт неудержимо. На пути — непролазные дебри, враги и пугающий мрак. Но мы пройдем! И путь проложим для остальных людей. Чтоб земля стала краше, и лучше устроена. Свет миру просиял! Назло врагам, во славу Святой Троице! Ведь взыскание Святого Града Божьего — наш путь, который нас влечёт неудержимо!

Охота

Тропинка, огибая гору, петляла между сосен. То ползла вверх, по крутому склону, то вновь сбегала чуть пониже. Пока не выбежала, наконец, на маленькую полянку.

На другой стороне, возле леса, стоял домик, с небольшим навесом сбоку. Рядом с ним — колодец. Под навесом виднелась телега, а по полянке бродил рыжий конь, — щипал весеннюю травку.

Перед домом горел небольшой костерок. Рыжеголовый мальчишка, лет семи, с деловитым видом наблюдал за булькающим котелком, висевшим над огнём на прутике.

Вот так встреча! Остановившись на краю полянки, Радимка ждал, когда его заметят.

Мальчишка поднял голову, заулыбался во весь рот, махнул приветливо рукой над головой. Обернулся к дому.

— Эй, Тимка! Он уже пришёл!

Тут же на пороге дома появился ещё один мальчишка. Постарше. С луком, и стрелой в руках. Глянул на Радимку изучающее. И тоже улыбнулся.

— Точно, он.

Он был одинакового с Радимкой возраста. И одинаково одет. Коренастый, с певучими совками в лохматых светлых волосах. Сразу видно, что свой человек!

И, к тому же, знакомый. Верней, очень сильно похожий на другого знакомого! Радимка подошёл к костру.

— Здравствуй! А я тебя сразу узнал, — сказал с важностью рыжий. — Ты ведь Радимка, который с котёнком? Нам тебя Лешек точно описал!

Рыжик сидел на плече у Радимки, и вылизывал шёрстку.

— Мы знали, что ты должен подойти, — вмешался подошедший Тимка. — Думали, встретим тебя, или нет? Мы на самую Шапку ходили, тиун посылал, — он мотнул головой на верхушку горы. — Там, вверху, холодина, снег ещё не сошёл. Ты будешь с нами кашу есть?

— Буду, — согласился Радимка. — А я тебя тоже узнал. Ты брат Птенчика... Ой, то есть, Сашки Баженова. Вы похожи...

— Похожи, конечно, ещё как, — ухмыльнулся Тимка. — Только он уже не Птенчик. Его теперь все Пташкой зовут... А этот вот — Рыжик, — кивнул он на рыжего мальчишку.

— Да? — хихикнул Радимка. — Рыжик — это мой котёнок!

— Пфф! — фыркнули хором возмущённые Рыжики.

— Ты своего котёнка переназови! — решительно потребовал мальчишка.

— Пафф! Сам переназывайся! Пшённая каша была очень вкусная!

Солнце давно забежало за гору. Вечерело. Они сидели рядом, у потухшего костра, и разговаривали, словно хорошие друзья. Словно знают друг друга сто лет, а не встретились только сегодня.

Тимку тоже, неделю назад, взяли в Путь!

— Здесь заночуем, сказал Тимка. — А завтра утречком домой поедем. Ты будешь в нашей пятёрке, вместе с Лешekom. Это уже решено. И Пташек тоже.

— Да? — удивился Радимка. — Но у него же ещё совок нет совсем!

— У! Пусть только попробует не заработать!... Ты сыграй что-нибудь, на гусельках своих. Лешек говорил, ты можешь...

— Что-нибудь героическое! — попросил мечтательно Рыжик. Тот, который мальчишка. Он баюкал котёнка, чесал ему за ухом. Тот разнежено мурлыкал.

Радимка с готовностью взял в руки гусли.

Он постарался припомнить ту песню, что слышал недавно, от храброго оруженосца. Про юных всадников...

Живём мы для счастья! А счастье — в бою,
И в победе над сильным врагом!...

Рыжик вздохнул.

— Вот бы нам тоже так...

— Тише! — вдруг насторожился Тимка. — Здесь рядом бродит кто-то, я их чую! Он потянулся за лежащим рядом луком.

— А ну, сиди, не дёргайся! — раздался из-за сосен грозный голос.

На полянку вдруг вышли из леса какие-то люди. Много, с целую дюжину. Все — в зелёных плащах, темноволосые и бородатые. С кривыми ножами в руках. Большие, сильные и страшные на вид.

— Кончайте петь, щенки. Пойдёте с нами, — злорадно произнёс всё тот же голос. Тимка его не послушался. Порывисто вскочил, кладя стрелу на тетиву тугого лука.

— Убирайтесь, поганая чужь! Здесь не ваша земля!.. Рыжик, убегай, мы их задержим!

Радимка тоже вскочил на ноги. Сжал в кулаке свою трубку-стрелялку. Заряженную, на всякий случай, ядовитыми иголками.

«Ух, сейчас начнется!» — подумал он с восторгом, и с тревожным замиранием в груди.

— Хватай их! — рявкнул предводитель.

Всё, что случилось дальше, уместилось в несколько мгновений. Враги, с грязной бранью, кинулись вперёд. Рыжик пугливо вскочил, обнимая котёнка. Шарахнулся в сторону, упал... Под ним что-то сверкнуло... И два одинаковых рыжих комочка скачками взлетели на крышу. И зашипели, одинаково, оттуда на врагов.

Один из нападавших в этот миг уже хрипел, пытаясь выдернуть стрелу из горла. Другой упал, с истошным воплем, зажимая глаз, куда попала Радимкина иголка.

Но врагов было слишком уж много! И они уже рядом.

Радимка снова дунул в трубку. Наугад, почти не целясь.

«Сейчас сомнут, — подумал отрешённо он. — Но я всё равно им не дамся!.. Только бы не растоптали гусли!»

Затем ещё кто-то упал, пораженный стрелой. Какой-то зверь вдруг прыгнул сверху вожаку на голову...

«Белка! Серебристая! Откуда?!»

— А-а-а! Он кусается! — раздался задушенный вопль.

И сразу же все звуки перекрыл ужасный, леденящий душу, вой. Вой голодного хищника, в котором слышалась неутолённая жажда крови и убийств, и лютая злоба... У Радимки, от нового страха, подкосились ноги. Он упал на землю, скорчился, что-то крича и зажимая ладонями уши. Лишь бы не слышать... Тимка, кажется, тоже упал.

Сначала сквозь вой было слышно истошные вопли врагов, полные отчаяния и ужаса. Затем всё быстро стихло...

Прошла ещё целая вечность, пока Радимка не осмелился отнять ладони от ушей.

— Эй, вы, вставайте! Всё уже. Забавно получилось, да?

Голос был звенящий, и чуть-чуть насмешливый. Совсем непохожий на грубые крики врагов. Радимка распахнул глаза. Сел, мотая ошалело головой, чтобы прогнать оттуда последние отзвуки жуткого воя. Над ним стоял вихрастый белобрысый паренёк, в одежде путного оруженосца. Держал под уздцы двух коней. Из-за плеча его виднелся колчан, полный стрел. Он был постарше, чем Радимка, года на три.

— Ой, Якса! Это снова вы! — Тимка вскочил на ноги, и кинулся обниматься.

Радимка посмотрел по сторонам. Нападавших врагов на поляне не было. Даже тех, которых они с Тимкой подстрелили.

Затем из леса вышел ещё один парнишка. Постарше Яксы. Княжеский мечник! На голове его, как на верхушке дерева, сидел серебристый бельчонок. Радимка сразу же узнал его! И чуточку напрягся.

«Понятно!»

От прежних встреч с этим воеводским оборотнем, Вучеком, у Радимки остались не самые приятные воспоминания... Хотя такого, как сейчас... Бр-р! Такого ещё не было!

Вучек молча подошёл. Кинул наземь стрелу, с нанизанной на неё полудюжиной крыс.

— Это все. Остальные разбежались, — молвил сумрачно он, с ядовитым презрением в голосе. — Будут теперь улепёгивать до самого Тарнограда.

— Ты превратил их в крыс?! — восхитился Тимка. — Я не знал, что ты можешь!

Радимка постарался отодвинуться от крыс как можно дальше. Коленки всё ещё дрожали, и встать он даже не пытался.

— Я что тебе, колдун? — пожал плечами Вучек. — Сами и попревращались, с перепугу. Как вон те...

Он посмотрел на всё ещё вопящих котят на крыше дома. Хмыкнул. Взглянул на Радимку. Подмигнул ему.

— Хочешь, научу котёнка твоего, как превращаться в человека? Чтобы было совсем уже полное сходство.

— Не делай этого! — раздался с крыши возмущённый голос. Рыжий мальчишка спрыгнул вниз, подбежал.

— Вучек! Якса! Как вы их! Я видел...

Подбежал котёнок. Потёрся виновато о Радимкин бок.

— Мур. Я тебя, получается, бросил... Я чуточку препугался.

— Я тоже. Чуточку. — Радимка взял котёнка на руки. Погладил.

Взглянул на счастливого Рыжика, который уже прыгал, со смехом, вокруг Яксы.

— Он, что ли, тоже оборачиваться может? — спросил он, сиплым шёпотом, у Тимки.

— Может, — фыркнул тот, со смехом. — Когда с большого перепугу.

— Ага, тебя бы так пугали! Я же ещё маленький!

— Мы, между прочим, здесь случайно очутились, — сказал, в задумчивости, Вучек. — Хотели нижнею дорогой ехать. Она короче, и куда удобней. Да вон, у Яксы, зуб внезапно разболелся. Заедем, говорит, к колодцу, там вода целебная.

— Так и было, — кивнул весело Якса.

- И как, зуб всё ещё болит?
— Нет, всё прошло... Забавно, да?
— Забавно, — согласился Вучек.
— А что тут было? Этот вой... — спросил Тимка.
— Да ничего хорошего. Старинное военное умение, ещё древних сувар. Сейчас мало, кто может такое.
— Ты вот можешь!..
— Ну, да. Между прочим, у их атамана, — кивнул Вучек на крыс, — был ярлык. Цареградский. Ловить всяких бродяг, где случится, и вести на продажу, в Царь-Коло.
— А нас они чего?! — возмутился Тимка. — Мы же не бродячие! Мы Путные! Сразу же видно!
— Ты им скажи. Они на Путных больше и охотятся. Раз сами — чужь беспутная! Им ведь на наши, на Суварские законы наплевать.
— Мало наши их давят!
— Додавят... Хотите пирожков?
— Ещё бы! — облизнулся Тимка.

Звёздочка

Заночевали в домике. Устроено всё в нём было просто: короткий стол, очаг в углу, и низкий дощатый настил для спанья, с ворохом одеял. Что ещё нужно?

Дверь плотно затворили, — по настоятельной просьбе одного из Рыжиков, — чтобы ночью не ворвался кто-нибудь чужой.

Радимка думал, что после сегодняшних всех приключений он долго не сможет уснуть. Но уснул очень быстро.

Он проснулся оттого, что кто-то осторожно тронул его за плечо. Открыл глаза. Было темно, только бубенчики-орешки на голове у Рыжика светились, словно стайка светлячков. Рыжик его и разбудил.

— Ну, чего тебе? — недовольным шёпотом спросил его Радимка. Спать всё ещё хотелось очень сильно!

— Хочешь, покажу тебе одну вещь? — спросил Рыжик «приключенческим» голосом. — Пойдём со мной! Это рядом.

— Чего тебе не спится? Куда ещё идти? — спросил осторожно Радимка. — Ещё же ночь!

— Боишься, да?

— Вот ещё, буду я бояться! — быстро возразил Радимка, спрыгивая с лежанки. — Пойдём, если только недолго.

Больше никто не проснулся. Они вышли за дверь. Было зябко, и сыро. Радимка тотчас же продрог. Но не возвращаться же! Раз назревало ещё одно, новое приключение!

Густо-фиолетовое небо было густо усыпано звёздами. Над щетинистым лесом висел тонкий серпик луны.

— Пойдём, — поманил ладошкой Рыжик Радимку за собой. Привёл его прямо к замшелому срубу колодца. Здесь ещё сильнее чувствовалась знобкая сырость, и явственно пахло лягушками.

— Ты мне поможешь, хорошо? — голос у Рыжика сделался робким, просительным. — Мне это знаешь, как нужно!

Радимка вздрогнул от ночного холода. Обнял себя за плечи. О чём это Рыжик хочет его попросить? Вдруг о чём-то опасном?

— А что надо делать?

Рыжик лёг животом на склизкий край колодца.

— Вот, гляди!

Радимка, без особенного рвения, последовал его примеру.

Колодец был глубокий, метров десять. На такой глубине, в неподвижной воде, отражались горячие искорки-звёзды.

— Вон их сколько, — вздохнул опечаленно Рыжик. — А мне бы хоть только одну!

— Это как? — удивился Радимка.

— Ну как... Спуститься по верёвке, и достать. Только нужно хватать её с первого раза, а то все разбегутся, не поймашь.

Рыжик с ожиданием посмотрел на Радимку. Тот насупился. Лезть в колодец ему ну, совсем не хотелось! Всё это явственно пахло какой-то ловушкой! А Рыжик, к тому же, рассказывал **явные** сказки. Хотя, зачем бы Рыжику его обманывать?

— Сам, что ли, достать не можешь? — спросил он с притворной сердитостью.

— Сам не могу, — вздохнул Рыжик. — Это же волшебная же звёздочка! Если кто её достанет, должен сразу подарить кому-нибудь. А иначе звёздочка потухнет!.. И не будет никакого волшебства... Я, кого ни попрошу, никто не соглашается. Даже Тимка, вон, не захотел...

Радимка вновь поёжился, от холода.

— Звезда, на самом деле, — громадный раскалённый шар, висящий в небе. Далеко-далеко от земли! Так утверждает Лешек. А Лешек знает всё. Так как же этот шар окажется в колодце?

— А вдруг?!

Вдруг всё, что Рыжик говорит, не сказки, а по правде?! Ведь Рыжик же в них верит! Ну, мало ли на свете есть чудес? Тех, про которые ещё никто не знает?!

Вот это будет приключение!

— Ну, где твоя верёвка?

— Вот! — радостно засуетился Рыжик, и торопливо сбросил вниз толстый длинный канат с крючком на конце, привязанный к колодезному вороту.

— Вниз ты запросто спустишься. А обратно — я вытяну, воротом. Только ты смотри, звёздочку не вырони! Она жгучая...

— Не выронию, — буркнул Радимка, прогоняя липкие паутинки вновь подкравшегося страха. Скользнуть вниз по верёвке — секундное дело. Радимка завис над водою, едва не касаясь ногами поверхности. Было зябко, и чуть-чуть тревожно. Он посмотрел наверх. Звёзды на небе светились ярко-ярко! Те же самые, вроде, что виднелись внизу, под ногами, в самой толще воды. Совсем близко... Сейчас будет ясно, наврал или нет ему Рыжик!

Радимка изогнулся, нацелясь на самую яркую звёздочку. Изумрудно-зелёную. Погрузил руку в воду, по локоть. И с изумлением нащупал что-то твёрдое, похожее на круглый камешек-голыш. Схватил его покрепче. И вынул из воды!

Звёздочка была горячее! Раскалённой, словно уголёк! Сильно обжёгшись, Радимка едва не выбросил её обратно!.. Не выбросил, сжал упрямо пальцы посильнее. Звёздочка там зашипела, как рассерженная кошка. Радимка тоже зашипел, — от боли! Даже слёзы брызнули!

«Ну, Рыжик!..»

Он дёрнул верёвку. Ну, где этот Рыжик? Не убежал?.. Нет, кажется, вытаскивает... Ну, скорее же! Сколько можно терпеть?! Палёным уже пахнет!..

Он вылез из колодца. И только потом уронил ослепительно сиявшую звёздочку в подставленную Рыжику ладонь. Тот, радостно взвизгнув, побросал добычу с руки на руку, затем бесцеремонно утопил её в деревянном ведёрке с водой. Звёздочка там снова зашипела, но не погасла, вспыхнула ещё сильнее.

Рыжик радостно и виновато улыбнулся.

— Я знал, что ты меня выручишь! Ой, а с рукой что? Сильно обжёт? Покажи!

— Да ерунда... — страдальчески поморщился Радимка, баюкая пораненную руку. Та болела зверски!

— Ну-ка, дай!

— Цепко ухватив холодными пальцами Радимку за запястье, он поднёс его руку к глазам. Радимка отвернулся, чтобы не смотреть на это.

— Ух ты... — сказал Рыжик с уважительным сочувствием. — Как сильно покусала... Ну, ничего.

Он сильно дунул в обожженную Радимкину ладошку. И что-то прошептал. Боль мгновенно исчезла. Радимка недоверчиво скосил туда глаза... Ни какого намёка на какой-то ожог!

— Ты, что ли, ещё и колдун?!

— Вот ещё, — шмыгнул носом Рыжик. — Колдовать — девчоночье занятие. А это вовсе и не колдовство, это всякий сумеет.

— Ну, уж всякий.

— Конечно. А ты вон, котёночка сделал себе, это, что ли, не колдовство? Я знаю, мне Смешка говорила. А звёздочку достать такую, — не каждый тоже сможет. Мне эта звёздочка, знаешь, как ещё пригодится!

- А для чего она тебе, такая?
- Как для чего, — с весёлою готовностью отозвался Рыжик. — Для волшебного фонарика, конечно. Чтобы не бояться в темноте... И не только... И чтобы видеть всё, как надо!
- Хорошая штука.
- Ну что, пойдём теперь досыпать? А то завтра вставать рано-рано... Только ты никому не рассказывай про это дело, ладно? А то будет мне фона-арик!

Сашка

Сашка был вполне доволен тем, что переехал из родного Белокаменска в этот древний деревянный городок. Древний — потому что расположен не за тридевять земель, а за «тридевять» лет. Точнее — за целую тысячу! Так говорила мама. Как такое могло получиться, Сашка и не очень понимал, и не очень-то старался разобраться.

Мама, кажется, в отличие от Сашки, была не очень-то довольна этим переездом.

— Кругом грязь, нищета, фанатизм и невежество. Средневековье... — с укором говорила она папе. — Я совсем не хочу, чтобы сын мой жил здесь. Что его ожидает? Быть покорным орудием, винтиком в руках вашего хакана?

— Князя, — мягко поправил отец. — Разве лучше, что он будет пешкой в руках вашего стального короля? Или нефтяного олигарха?

— Там цивилизация! Культура! А здесь он и не сможет! Не привыкнет!

Но Сашка понемногу привыкал. К незнакомой, непривычной речи, на которой все здесь говорят. К непривычной одежде, которую пришлось носить, чтобы не очень сильно отличаться от здешних обитателей. К новой, незнакомой жизни...

В этой лавке очень сильно пахло лесом, душистыми травами... И ещё чем-то, таким, сказочно-волшебным! За конторкой сидел толстый бородатый дядька с умными глазами. А вдоль стенки между дверью и конторкой возвышались полки, сплошь забитые древними книгами! Вильша сразу же увлёкся разговором с продавцом. Зарька заскучал, и ушёл в дальний угол, где какие-то люди тесно обступили деревянный столик. Там, похоже, шла какая-то игра.

А Сашка, совершенно ошалевший от восторга, медленно пошёл вдоль полок, где выстроились в ряд настоящие старинные книги. Манускрипты! Он взял, машинально, одну. Большую, тяжёлую, в узорном деревянном переплёте, и с медными застёжками. Страницы — не бумажные, из тонкой кожи. Такая древность! Даже дух захватывает! Раскрыл её на середине. Перед глазами запестрели коричнево-пёстрые рукописные строчки, яркие рисунки на полях... Язык — не здешний, а похожий на английский, который Сашка в школе изучал. Трудно было так вот сразу разобраться в непривычных буквах, но смысл написанного Сашка понял, уловил. Там сплошные путешествия и приключения!

— Можно подумать, ты даже умеешь читать, — послышался рядом насмешливый голос.

— Можно подумать, что нет! — машинально ответил Сашка, увлечённый своей битвой с непривычным языком, на котором написана древняя книга. Поднял глаза от книжных строчек. Ойкнул, и поспешно поставил книгу на место.

Подошедший незаметно мальчишка, — ростом с Сашку, беловолосый, и в длинной белой рубашке с чёрным пояском, — недоверчиво хмыкнул.

— В самом деле, умеешь?

— Конечно. А ты, разве, нет? — удивился Сашка.

— Ещё и врёт вдобавок! — возмутился мальчишка. — Сразу видно, из этих!

Он с подчёркнутым презрением взглянул на новенькую Сашкину рубашку, — ярко-коричневую, с двумя продольными зелёными полосками.

— Все вы такие, подлые вруны!

— Чего это я вру? — набычился Сашка.

— Так книжка-то угорская! Её даже я не смогу...

— А я вот умею.

Он не очень-то понял, чего мальчишка взъярился на его одёжку. Цвет не понравился, что ли? Здесь, в городе, мальчишки всё больше в синих ходят... А белых — вовсе нет ни у кого!

— Это кто здесь умеет читать? — вмешался в разговор продавец. — Этот мальчик? Отрадно... Отрадно, когда такие люди, как наш славный оруженосец, любят не только войну,

охоту и героические подвиги, но и чтение книжное. Но отрадно вдвойне, когда такой вейский мальчик, в таком юном возрасте... Ты откуда, мальчик?

— Это Сашка Баженов, сын оружейного мастера, — пояснил охотно Вильша. — Он из Белокаменска.

— Из Бело... О! Это всё объясняет. Ну, что же... Осматривайся, посмотри мои книги... А тебя я, Нежата, за чем посылал? Ну-ка, живо принеси «Освежающей влаги» нашим славным поединщикам!

Мальчишка торопливо убежал куда-то. Торговец вновь завёл беседу с Вильшей.

Книги смотреть Сашка больше не стал. Отошел в дальний угол, где Зарька, вместе с остальными, наблюдал за игрой.

Здесь играли в шахматы.

Шахматы явно были волшебные. Белые фигуры то и дело меняли свой цвет на ярко-оранжевый. И светились, словно маленькие солнышки. Их предводитель — красивый смуглолицый юноша лет двадцати, с каштановыми локонами до могучих плеч, в красивом, перламутрового цвета одеянии, с нашитой на него эмблемой, — ярким солнечным диском с распростёртыми крыльями. Укрытый оранжевым плащом. «Могучий рыцарь» — почему-то подумалось Сашке.

«Рыцарь» играл нарочито небрежно, но точно, с презрением взирая на противника, которого с каждым следующим ходом уверенно теснил, загоняя в угол. Чёрные (верней — зелёно-бурье!) отступали, бессильно отгрызаясь и засыпая доску разноцветными искрами. Такие же искры, казалось, сыпались из глаз сумрачного русоголового парня, сидевшего напротив «рыцаря». Парень был немногим старше Вильши. И одет точно так же, — в зелёный кафтан! На доску он глядел с тоской и беспомощным гневом.

— Они кто? — шепнул Сашка Зарьке.

— Ты в этом что-то понимаешь?

— Немного...

— А я — так совсем ничего! Ну, этот, — кивнул Зарька на «рыцаря», — Туйма, из Ордена Ясной Зари. Оруженосец великого рыцаря Ялмара. Они здесь с каким-то посольством. Уже с неделю в городе гостят. Ну, наши их и так насилу терпят! Потому что все они убийцы, и язычники! А тут этот Туйма ещё всех наших лучших игроков побил. Наместник обещал немалую награду тому, кто его одолеет. Да только всё пока без толку.

Сашка и сам видел, что без толку. Дела у чёрных были — хуже некуда. Белые неторопливо готовили последнюю кинжальную атаку. А чёрные, казалось, отчаявшись спасти беспомощного короля, все последние усилия направили на то, чтобы успеть продвинуть на поле превращения свою единственную пешку. Под охраною лёгких фигур та храбро рвалась вперёд.

«Не успеет», — подумалось Сашке.

Пешка и не успела. Ей оставалось сделать лишь один шаг до цели, когда случилась катастрофа. Бело-оранжевый ферзь, разметав чужое войско, сразил мощнейшую фигуру чёрных. Гибель короля была неотвратима.

«Рыцарь» Туйма лениво ухмыльнулся в лицо раздосадованному сопернику.

— Клянусь Победоносным солнцем, ты снова проиграл. Надеюсь, с тебя хватит?

— Не хватит! — русоволосый паренёк порывисто вскочил, толкнув при этом столик. Так, что фигуры посыпались. — Я ещё отыграюсь!.. Хозяин, есть у тебя какой-нибудь отвар, от тупоумия?

Он отошёл к конторке. Кто-то из зрителей, — тоже в зелёном кафтане, — устремился следом.

— Дарюш, стой! Может, хватит? Ну его...

— Не хватит! — запальчиво повторил Дарюш. — Я должен выиграть у этого...

Молодой оруженосец Туйма лишь пожал плечами. Встал из-за стола, и тоже отошёл к конторке.

Сашка остался. Ему вдруг стало, почему-то, жаль храбрую чёрную пешку, не успевшую дойти до цели. Когда Дарюш вскочил, столик качнулся и пешка упала. И теперь лежала, никому уже не нужная, на клетчатой доске. Сашка подошёл. Никто, кажется, его не видел. Зрители разошлись. Сашка осторожно взял пешку. Поставил её снова, на прежнее место. А затем сделал ход. Тот самый который не успел сделать Дарюш. Больше ничего он для этой пешки сделать не мог. Сашка шагнул в сторону. Столкнулся с наблюдавшим за ним Зарькой. Тут к ним подошёл и Вильша.

— Пойдём, — сказал он Зарьке. — Я всё узнал. Твоего беспутного Сурка часто видели в корчме у Лесных ворот. Пойдём, поговорим с ним.

— Ну, и дела! — вдруг ахнул кто-то за спиною. Кажется, вернулся кто-то из зрителей.

Сашка обернулся. И ахнул сам. Чёрной пешки на доске больше не было. На её месте, — там, куда её поставил Сашка, стояла гордая фигура изумрудно-зелёного цвета. А ещё на доске лежал большой цветок кувшинки. Бело-красный, с зелёными мокрыми листьями.

— Ну, и дела, — весело изумился торговец. — Кто же это сделал? Ты, мальчик? Ну, тогда... Добро пожаловать домой, Баженов Саша.

— Что значит, добро пожаловать?! — с холодным бешенством вскричал тут рыцарь Туйма. Подошёл решительно к Сашке, больно схватил его за плечо, рывком развернул к себе. — Этот... Этот грязный щенок трогал фигуры своими грязными руками! Он их испортил! Посмотрите сами, — кивнул он на доску, где чёрные фигуры стремительно меняли цвет на салатно-зелёный. — Теперь он заплатит за это!

Вильша рывком оттащил Сашку в сторону. Встал между ним и обидчиком. Маленький, решительный и злой.

— Ты что, ясный рыцарь?! Не трогай его!

Затем, неловко поклонившись, сказал негромко:

— Прости его, ясный рыцарь. Он ведь не нарочно.

— Что, опять Ясный Орден воюет с детишками? — с насмешкой в голосе спросил Дарюш. Он подошёл и встал рядом с Сашкой.

— Ладно, я прощу мальчишку, — неохотно согласился Туйма. — Если он со мной сражится, и сумеет победить, — добавил он злобно.

— Опомнись! — раздался возмущённый голос. Это ведь ребёнок! Да он и не умеет!

— А это и не важно, умеет или нет, — сказал Туйма. — Я обязан наказать его, за дерзость. Проиграет — пусть платит 12 угорских монет. Или сам пойдёт на Ясное подворье. Он большего не стоит. Там таких умеют приучать к порядку.

— Вот с-скотина! — выругался Вильша.

Склонившись к перепуганному Сашке, Дарюш спросил вполголоса:

— Так ты уже поправился?

Сашка кивнул, удивлённо. Откуда Дарюш его знает?

— Играть умеешь?

— Немножко...

— Ну, тогда... Покажи ему... А если проиграешь, ничего не бойся. Он своё получит.

— Да, получит! — громко вмешался негодующий Вильша. — Если что, ты получишь свой выигрыш, — заявил он прямо в лицо Туйме. — Будь уверен! Но будь уверен и в другом! Меня зовут Вильша Муравчик! И мы с тобою ещё встретимся! И не за шахматной доскою, будь уверен!

— Светлому Ордену Ясной Зари не привыкать выслушивать пустые угрозы врагов. Как и достойно отвечать на них, — холодно ответил юный рыцарь. — Клянусь Победоносным Солнцем! — Он взглянул по сторонам. — Прощу простить меня за вспыльчивость, но это дело чести. Будет мальчишка играть, или нет?

— Будет, — пискнул Сашка. — Когда начинать?

— Немедленно! Садись!

«Ну, ладно, — подумал Сашка, приготовясь сделать свой первый ход. — Если и проиграю, что он со мной сделает? Не съест ведь?.. А знает он, к примеру, что такое “Сицилианская защита”?»

Сашка не был очень сильным шахматистом. Не то, что, например, Серёжка Северцев, — бесспорный чемпион их класса, школы, города, участник областных соревнований. Зато второе место в классе — у него, у Сашки! На удивление многим! А это тоже кое-что, да знают!

Рыцарь Туйма оказался опасным игроком. Но первые его резвые наскоки разбились о грамотную Сашкину защиту. Он крепко удивился. И призадумался, минут на пять. Затем решительно повёл в атаку пешки на королевском фланге.

Тут Сашке туго пришлось. Нужно было играть без ошибок! Сашка больше всего опасался, что зевнёт ненароком фигуру...

И, конечно, зевнул...

Растерянно взглянул туда, где только что стояла его гордая ладья...

Ему хотелось зареветь с досады! Что же теперь делать?!

— Ну, делай ход, щенок! Или сдавайся! — злорадно рыкнул рыцарь Туйма.

Что делать?! Сашка в панике смотрел на доску, и не находил ответа... Кажется, всё кончено! Так быстро...

Нежата ловко сунул ему в руку большую глиняную кружку. С холодным, золотистого цвета питьём. Сашка отпил, машинально...

«Вкусно... Апельсинчиком пахнет... И чем-то ещё...»

Он глотнул ещё раз. Посмотрел на доску, заслонившись спасительной кружкой.

Он успокоился. Пришёл в себя.

«Ладно. Сдаваться ещё не пора!»

Сашка подумал немножко, и сделал свой ход.

Рыцарь Туйма, полностью уверенный в победе, кинул своё войско добивать врага. И, увлечшись атакой, сразу угодил в ловушку. Сам потерял фигуру. Затем — ещё одну. Занервничал. И — ничего не смог поделывать, когда Сашка, в свой черёд, обрушил на него своих коней.

— Мат! — сказал Сашка, в полной тишине.

— Вот как?! — Туйма в бешенстве вскочил. — Этот подлый щенок объявляет мне мат?! Это подлое лесное колдовство, а не игра! Ты за это заплатишь!

Он с яростью рванул из ножен длинный меч.

Сашка, заслонясь от рыцаря рукой, испуганно свалился с табуретки. Такого он никак не ожидал!

За спиной раздался лязг железа.

Сашку дернули за воротник, назад и в сторону. Кто-то заслонил его от яростного Туймы. Дарюш! И дружок его тоже!

— Ты что, ясный рыцарь, взбесился? На кого кидаешься? Не видишь, разве, он из пугных кметов! Значит, под княжьей защитой!

— Мне наплевать! — надменно бросил Туйма. — Кмету следует знать своё место!

— Да? А твоему повелителю, Ялмару, тоже будет наплевать, как ты тут мечом размахался?

Туйма скривился, как будто от боли. С силой вбросил меч обратно в ножны.

— Будь это дома, — запорол бы паршивца! — промолвил он, сквозь зубы. — Никто в этой вшивой стране не в силах победить меня в Игре!

— Теперь, выходит, в силах, — насмешливо сказал Дарюш, тоже убирая руку с рукоятки меча.

— Ну, это не считается, — надменно бросил рыцарь. — Я просто недооценил его. Надеюсь, мы продолжим наши игры? Завтра?

— Охотно. Если больше не станешь беситься после каждого проигрыша.

— Такому не бывать!

Окинув, напоследок, Сашку испепеляющим взглядом, Туйма двинулся к двери.

— Ух, как ты лихо его расклевал! — сказал, с восхищением, Дарюш. — Как будто ястребок мышонка!

Новая жизнь продолжалась. Продолжались приключения!

г. Сатка

Евгений Некрасов

Доколе ещё дуракам козырять на Руси?

Эх, Россия, Россия

Мы, как мыши в крупе —
 Столько много всего под ногами.
 Шаг не можешь ступить —
 Попадаешь то в россыпь, то в клад.
 Только топчем мы все
 Беспощадно и зло сапогами —
 Все равно пропадет,
 Или куча сгноит, или склад.

Или вор украдет
 И соседу продаст за бесценок,
 Иль небритый пропойца
 В кабаке отнесет за глоток:
 Всю Россию дерут на куски
 Без цены и наценок,
 И стучит, и стучит, и стучит
 На торгах молоток.

Велика ты Россия,
 Но есть у тебя и пределы.
 Глубоки твои копи,
 Щедры и моря и леса.
 Да ряды копарей,
 Рыбаков, егерей поредели
 И на торге любом
 Все чужие звучат голоса.

Нету вскинутых рук,
 Лишь покорность согбенной спиной,
 Да тупое мычание
 Возле корыт и газов.
 Окоемом — стена.
 Говорят, что за этой стеною
 Люди с Богом живут,
 Да закрыты врата на засов.

Те б засовы сорвать,
 Порубить бы на щепы ворота,
 Да бежать в те края,
 Под собою не чувствуя ног.
 — Что, опять в топоры?
 Больно надо! Вот сделал бы кто-то...
 Да не мы бы туда,
 А сюда бы пожаловал Бог.

Да вспахал бы нам поле,
 Да выстроил новые хаты,
 Накормил стариков
 И детишкам утер бы носы,
 Да бельишко б сменил,
 Стыдоба, на заплате заплате,
 Да раздал бы еще
 По сто грамм и куску колбасы.

Вот тогда бы и мы
 Низко в пояс ему поклонились,
 Вот и мы бы поверили
 В силу небесных творцов.
 Мы могли бы и сами,
 Да больно уж все обленились,
 Только храп над Россией,
 И плачи, и хруст огурцов.

Эх, Россия, Россия,
 Обида и давит, и глушит.
 Все века — нищета,
 Все века — бездорожье и дурь.
 Мы в кабаке заложили
 Штаны, и рубахи, и души,
 И хмельные с утра
 Затаились до громов и бурь.

Только гром громыхнет —
 И мы сразу по лбам застучали,
 Только молнии явь —
 Мы вопить: — Помогите и спасите!
 Сколько ж жить нам еще
 В нищете, суете и печали,
 Да доколе еще
 Дуракам козырять на Руси?

Встреча в Монреале

Я как-то был проездом в Монреале.
 Борт на Москву не подали пока.
 И, сидя на сверкающем вокзале,
 Увидел, или встретил, старика.

Он сел напротив, взял пакет с закуской.
 Открыл коробочку. Я пригляделся — соль.
 И, матюкнувшись чувственно, по-русски,
 Глотнул из горлышка какой-то алкоголь.

Взглянув в меня с улыбкой виноватой,
 Кусочек хлеба отломил — и в соль.
 В глазах его иссиние-мутноватых
 Увидел я отчаяние и боль.

И он как будто перед поркой сжался.
 И будто бы пощады запросил.
 Я на него смотрел и не сдержался:
 — Ну что, старик? — по-русски я спросил.

— Давно ли здесь?
 — Да лет уже двенадцать, как Родину
 покинул навсегда.
 — Так ты уже, наверно, стал канадцем?
 — Канадцем — нет, а проходимцем — да.

Когда в порту я сплюнул на Россию
В последний раз и обрубил канат,
Я был уверен: где бы ни носило,
Нас примут сто америк и канад.

Конечно, приняли и даже улыбнулись.
И деньги сунули, и стены под жильё.
И дни блаженные так славно потянулись,
Как будто в рай приехал, ё-моё.

Но вдруг подачи что-то реже стали,
И на столе уже не та еда,
И все вокруг намёками достали:
Мол, здесь не ловят рыбку без труда.

Мол, дурака вываливать не надо,
Здесь каждый сам куёт себе деньгу.
Подумать, так Канада очень рада,
Что я приехал к ихнему станку.

Ну, коли так — нашёл себе работку.
Квартиру снял на лучшем этаже.
На хлеб хватало, на табак, на водку,
Да видно всё у русских через «ж».

Поехал шеф в Россию за наваром,
И взял меня с собой, за толмача.
Мол, знаю что о чём — за самоваром,
И что почём за первой первача.

В чём наша сила, слабость иль бравада,
И в чём нас, русских, можно надрить:
Ведь всё-таки Россия — не Канада,
И там, в России, научились жить.

Эх, друг-приятель, господин, товарищ, барин!
Не знаю, как теперь вас называть.
Ну, был бы я какой-нибудь тугарин —
Мне было б на Россию наплевать.

Но я-то ведь — российская порода,
И хоть рванул на Запад по злобе —
Я плоть от плоти русского народа,
И душу русскую не вытравил в себе.

На трап я вышел чинно — фрак да шляпа.
Но лишь ступил на матушку ногой,
Застряло что-то в горле, вроде кляпа,
Слезу сдержать нет силы никакой.

Стою, рыдаю, шеф глаза таращит,
Понять не может — радость или боль...
Хватает за рукав, в машину тащит
И выгружает прямо в «Метрополь».

Отдельный номер. Рядом, но напротив.
Шеф разрешил до завтра отдохнуть.
А мне с чего-то всё нутро воротит,
Сдавило грудь — ни пёрнуть, ни вздохнуть.

Нажал на кнопку — появилась милка:
Улыбка, ножки, сделала книксет.
Я заказал закуску и бутылку —
По-русски самый главный антисепт.

Одну откушал — полегчало вроде,
Послал за новой: дело — до конца!
А после в баре, при честном народе
Запел про Хаз Булата-молодца.

Что пел ещё, признаться, помню плохо,
Но помню, появился метрдотель.
Явился шеф, кричал, шумел и охал
И кое-как воткнул меня в постель.

Наутро я шагал уже по трапу,
Такое чувство — будто весь в дерьме.
Шеф сунул мне зелёные под шляпу
И, дав пинка, послал к «едрёной м».

Вот так я погостил у нас в России,
Сражён, как говорится, наповал.
И только ощутил толчок шасси я —
Так сразу в безработные попал.

И понеслось по новой вкривь и косо,
Да много ли мне нужно одному?
Не то, чтобы я голоден и босый,
Да вот беда — не нужен никому.

А ведь Россия выжила... родная,
Без наших исключительных мозгов.
Мы хлеб канадский тоже уважаем,
Но все хотим российских пирогов.

Никто там о минувшем не жалеет,
Я видел лица радостных людей.
Там воздух стал и чище, и свежее
Без нас, козлов вонючих и б..дей.

Глотнул ещё, с улыбкой «Айм сори» ,
Побольше было б, он и мне б налил.
Наверно, хлеб его был очень горек,
Коль он его так круто посолил.

Ваше препохабие

Я блуждал в темноте — безголос и
пьяненький,

То споткнусь об ухаб, то по шею в грязь,
И с незримых сторон то кнутом, то пряником
Угощали меня то холоп, то князь.

Так понравилось всем — забавлялись истово,
И в плевках, и в шлепках упражнялась мразь.
Не осталось на мне даже места чистого:
То синяк, то шишак, то плевков, то грязь.

Я бежать. Впереди вижу воду омута.
Я в него головой — лучше уж сюда.
И пришёл бы конец здесь кому другому-то,
Но меня на песок вынесла вода.

Полежал, покряхтел — невредимый вроде бы,
Видно, жаркий июль, омут обмелел.
Вздумал в воду взглянуть, на себя уродину,
Подошёл и взглянул, да и обомлел.

Кто глядит на меня? Что за отражение?
Кто-то светел лицом и одеждой чист.
Я плясать — он за мной повторил движения,
Я куплет рассказал, да и он речист.

Да ведь это же я! Ишь, отмылся в омуте,
Враз почистил себе тело и мозги.
Я домой поспешил — свет лучистый
в комнате,
А вокруг, в трёх шагах, не видать ни зги.

Как же жить мне теперь? Надо бы по-новому.
Но куда постучать? Двери на замках.
Да и кто же возьмёт ко всему готовому,
Если я, хоть и чист, а хожу в ремках.

Вышел в город, гляжу, люд к базару ринулся.
Кто продать, кто купить, кто-то поглазеть.
Я за ним поспешил, богачом прикинулся,
Хоть в кармане денжат — только на клозет.

А торжище идёт — всё шумит да трескает,
Кто кого наедрит, кто кому всучит.
Стыд и Совесть ушли спать за занавескою,
И до фени права. И закон молчит.

Кто сукном, кто медком, кто пенькой
верёвкою,
Успевай загребай прибыль да навар.
Тут Россия стоит бойкою торговкою,
Там Россия лежит — ходовой товар.

По углам, по теньям кучи да зловония,
Здесь Хамло — фон-барон, будто на показ.
А на троне сидит Ваше Беззаконие
И порядок чинит, и чинит указ.

А на площади, глянь, девки в ряд построены,
То пройдут голяком, то чего спуют.
С виду вроде умны, да и ладно скроены,
Видно, замуж теперь строем выдают.

Я на девок смотрю — запрокинул голову.
Это надо же так, при честном народе-то:
Кто-то взглядом слюнит девку полуголую,
А жюрит красоту Ваше Приуродие.

А поодаль чуток, над толпой возвышено,
То ли сцена стоит, то ли место лобное.
Кто-то песню пропел — песня не услышана,
А в ответ не хлопки, а мычание злобное.

— Где Придурков, артист? Вы его почаще нам!
Что покруче давай, не уместен торг.
Всем пришлось по душе матерок
с похабщиной,
Сразу радость в глазах, на мурле восторг.

Это что ж за толпа? Озверела вроде бы?
Слева рыло свиньи, справа морда турия.
Видно правит и здесь Ваше Приуродие,
А за красным столом Ваше Бескультурие.

А в углу, в закутке развернулась скупщина,
Что-то много людей, и народец пьян.
Иль достали долги, время ли упущено,
Кто за грош, кто за штоф продают талант.

Да на кой он, талант, если кушать нечего.
Не до песен сейчас и не до стихов.
Если ходит поэт, и с утра до вечера
В нём урчанье звучит личных потрохов.

Эх, зашёл, залетел в кочки да ухабы я,
Не застрять бы совсем, опыт вроде есть.
Вижу, едет в авто Ваше Препохабие
И кричит в мегафон про мораль и честь.

А в машине при нём девочки элитные:
Волос бел, локон круг, южный туалет.
А народ трудовой, грязью облитые,
Вдоль дороги стоим и глядим вослед.

Эх, куда ж я попал? Отмывался зря ли я?
Видно нету уже совести на грамм.
И глядит на меня морда Аморалья
И с газет, и с витрин, и с телепрограмм.

Я назад зашагал, голова понурая.
Неужели опять в темень да дурман?
На душе — маята, да погода хмурая,
Да разнылась спина, да пустой карман.

Качусь я по жизни

Качусь я по жизни в разбитом дырявом корыте,
Качусь по наклонной, пока хоть наклонная есть.
Не счесть поворотов, ухабов, камней и рытвин,
Да только б на кол, на меня заострённый, не сесть.

А мимо. а мимо: и сзади, и слева, и справа
Другие такие же, только уже на колах.
За что же ты нас так жестоко караешь, держава?
Доколе в чертогах твоих будет царствовать страх?

О том ли мечтали мы в юностях наших беспечных?
Того ли желали себе и, конечно, тебе?
Искали мы истину в спорах, всегда бесконечных,
Не веря, что правим не мы, хоть и в нашей судьбе.

Не зная, что чья-то рука и недобрая воля
Уже расписали для нас каждый жест, каждый шаг.
Кого-то — наверх, а кого — на колени, не боле,
Чтоб каждый намек исполняли за право дышать.

Но многие наши, не выдержав доли презренной,
Свой голос подали и голову вскинули ввысь,
И Бога узрели, и бросили вызов Вселенной:
Мол, коль вы молчите — мы делаем ставку на жизнь.

Мол, коли от вас нет ни весточки, нет и подмоги —
Мы вычистим сами и прах нашей жизни, и тлен.
Мы знаем, что цепи нас ждут и заждались остроги,
Нам только на ноги подняться бы, только б с колен.

И было — поднялись. И было — восстали и встали,
И ветер свободы рванул наше знамя из рук.
Но грянули залпы, и пули нас всюду достали,
А сзади штыки в наши спины вонзились вдруг.

Такое не раз уж бывало в российских пределах.
То оттепель грянет и смотришь, откуда ж взялось?
И радость на лицах, и духом здоровы и телом,
И вроде ж забыты Измена, Проклятье и Злость.

Но что это? Снова за полночь скрипят половицы,
И шёпот зловещий, и звякает глухо булат,
И снова огонь заплясал на восторженных лицах,
И кровию брата умылся ликующий брат.

И вновь день и ночь раздвигают границы погосты,
Без казней и пыток опять не бывает ни дня.
И вновь наши судьбы вершат палачи и прохвосты,
И вновь кандалы на просторах России звенят.

Но песни поются, и пляшутся пляски и танцы,
И голову прочь, коль унылую тянешь с тоски.
На запах наживы слетелись уже иностранцы
И режут Россию на части, ломти и куски.

Им всё отдаётся без жалости и сожаленья.
И совесть, и стыд утопили мы в ихнем вине.
При въезде в Россию повесить бы нам объявленье,
Мол, всё поступило в продажу по сходной цене.

Все дружно рванули наверх, но сломались ступени,
И месивом красным толпа растеклась по земле.
Разбились носы, изодрались до крови колени,
И снова Надежда и Вера исчезли во мгле.

И всё понеслось, и поехало криво и косо,
Как будто взорвались котлы паровые в аду.
О Совести, Чести, Любви неуместны вопросы,
И жизнь потекла, как в горячечном, смрадном бреду.

И я покатился по жизни в разбитом корыте.
Качусь к Преисподней, не зря ж Преисподняя есть.
Не счесть поворотов, ухабов, каменьев и рытвин.
Да только б на кол, на меня заострённый, не сесть.

Эх, только б на кол, на меня заострённый, не сесть.

г. Челябинск

Николай Година

Царёнок

Новые страницы

Часовня

Нет, ты ошибаешься, часовня была на углу кладбища, а на том месте, где могила Дуни Святой. Говорили, что она сама просила там похоронить её. Мать рассказывала со слов старых верующих, что часовню построили ещё в 1908 году и Николай Фаддеевич Бабурин принимал в строительстве самое главное участие. Катерина Яковлевна Логиновская, дочь бабы Меланьи, помнит часовню хорошо. В ней отпевали покойников. Она была небольшая, входил только гроб и по бокам хватало места для родственников. Была впереди против дверей большая икона, и больше ничего. Бабурин завещал похоронить себя в Чудиново. И его отпевали, скорей всего, в церкви как человека важного и богатого. Рядом с часовней построили и склеп, который грабили много раз, в том числе и Царёнок. Я уже тебе рассказывал об этом. А сломали часовню где-то в самом начале тридцатых годов прошлого века, когда шла борьба за и против закрытия церкви.

Протоиерей Макаров

Слышал от родителей, что в годы создания колхозов шла война и между церковниками: какие-то обновленцы и тихоновцы были. Власти собирали списки за закрытие церкви, попы — за сохранение. В 1934 году в Чудиново приехал протоиерей Макаров Дмитрий Назарович. Стал выступать за сохранение церкви, собирал списки, призывал чудиновцев и окрестных жителей не идти против бога. Тогда его объявили кулаком, хоть и жил он бедно, одних детей было девятёрко. В конце концов обвинили в неуплате налога государству и в 1936-м посадили на четыре года. Умер Макаров в 1938 году в тюрьме.

Дарья

На краю деревни около кладбища в землянке жила, рассказывали, старушка Дарья. Фамилии не запомнил. Она прислуживала в церкви и после смерти Бабурина зажигала и поддерживала огонь в лампадке на могиле купца пока её не разрушили.

Колдуны

Я тебе рассказывал про свинью на берегу озера. А вот второй случай. Мама вспоминала, ещё жили единолично, ехали на конях с поля. А поле у них было за Солёным. Примерно нужно было проехать пол-озера и повернуть направо — возможно слышал про Езеву из-

бушку. Это далеко в лесах. Ехали они не по вагановской дороге, а через плотину немецкого прудка, по ближней дороге. Недалеко от прудка на пути появился телёнок, синяя тёлочка. Никого больше не было, ни табуна, ни людей. До деревни далеко. Вот этот телёнок встал на дороге и не даёт проехать. Кони не идут. Отец мамы стал его угонять, но он не уходит. Тогда отец взял кнут. Бесплезно, ни разу не попал кнутом, тот ловко увёртывался. Отец стал читать молитву и вдруг телёнок исчез, как и появился. И кони сразу пошли. Это не придумано, а больше я ничего не слышал. Но вот что было со мной. Я был в отпуске и пошли мы с Иваном на Барацкое болото на охоту с одним ружьём, стрелять по очереди. Дошли до болота и вдруг со мной сделалось плохо. За стойлом Иван убил двух чирков одним выстрелом. Моя очередь стрелять, но я не могу. Говорю я заболел. Меня ломает, голова болит, температура. Пришли домой, я сказал маме что заболел. Мама пошла к бабке Сергеихе. Та пришла, посмотрела, говорит меня сглазили. Спросила кто-нибудь встречался по дороге. А встретила бабушка Троегубиха, шла с водой. Ну эта, говорит Сергеиха, может. Я лёг в горнице на пол, она начала лечить водой: брызгала, шептала. Я уснул, спал часа два. Проснулся в холодном поту и пошёл в клуб.

Бросила детей

Рязанцев помнишь? «Как у нас в Рязани пироги с глазами... У Вахмистровых было одиннадцать детей. Когда их привезли в Чудиново — поселили на ферме вместе с Овечками. Позже им дали землянку около Зудовых. Андриан ушёл на войну ещё раньше, а Софья Ефимовна осталась с такой оравой у нас в деревне. В июле 1943-го она взяла семилетнего Ваню, пятилетнего Колю и девочку Пашу и увела пешком аж под Копейск. Там около какой-то свинофермы бросила ребят пока они спали, а Пашка вцепилась в мать и вернулась домой. Кормить-то было нечем тогда. Сама помучилась-помучилась и вскоре, будто от запровинного наказания, умерла. После окончания войны вернулся старший сын Василий. Василий Андрианович. Он в школе вёл военное дело. Весь в медалях и орденах. Ну вот, он сразу стал разыскивать тех братьев. И на-шёл в 1947-м в миасском детдоме. Вернул домой. Потом они учились в ФЗО. Такие хорошие ребята.

А я-то деревня

Раньше в нашей деревне народ жил хорошо. Даже ездили мыть золото на Урал. Тогда были золотоскупки. Они были до 50-х годов. В Миассе я много раз заходил. Зашёл в первый раз, смотрю стоит баян — 47 рублей, а сахар — 3 копейки, папиросы «Беломор» — полкопейки. Спрашиваю прочему так дёшево? Продавец говорит:

— Это, мальчик, на золото. А я-то, деревня...

Эти рязанцы

Когда приехали Мантровы, тоже из рязанских переселенцев, колхоз им благословил тёлочку. У себя на родине кроме коз они ничего не держали. Тёлочка выросла и давай тельиться. Прибежал ночью к Зудовым Ваня:

— Тётъ Стюр, айдате к нам. У нас кто базлом, кто воем, а что делать никто не знает. Оказалось, завели корову в избу привязали к столу. Она с этим столом туда-сюда крутится, орёт... Да я-то про другое хотел. Братья Иван и Егор Мантровы потом жили в городе. Держали болонок. Однажды Иван прогуливал свою псину. За ней погналась большая собака. Иван побежал спасать и умер на бегу от разрыва сердца. Года через три-четыре точно так умер Егор. А как они, эти рязанцы, белили в избах — ухочешься. Разведут глину с Саманных ям в вёдрах, возьмутся макать вениками и разбрызгивать по стенам пока всё кругом не уелозят.

Дарьины дети

А мать Царёнка звали Дарьей, а не Шурой, как я по ошибке тебе раньше сказал. Здоровая, толстозадая эта Дарья была. Прокопий — третий у неё мужик. Витька, старший сын, от первого, от Топалова. Лиза — от второго, Дашевского. А Вовка, как пить дать, Прокопьевич. Виктор Топалов на войне не был, а был в трудармии. В Мишкино что ли, в Курганской области. Лизу Дашевскую ты должен хорошо знать. Хромала немного. В клубе кассиром работала...

Умер не по-царски

Царь Прокопий умер как-то не по-царски. От грыжи, где-то около своего поля — слева перед Солёным озером как едешь в статью. Васельев колодец до сих пор жив, только вода в нём тухлая. Так вот, лошадь домой привезла уже мёртвого отца Володьки. Год, похоже, шёл 1934-й. У Прокопия брат был. Пёк знаменитые чудиновские пончики.

Уложил сверху Дарью

Царствовать Прокопию Васельеву приходилось немного. Были другие занятия. Одно время спекулировал водкой. Ну кто-то и донёс в сельсовет. Назначили комиссию, послали проверить сигнал. А Царь сложил бутылки на печь рядами, прикрыл старой кошмой и уложил сверху Дарью, бабу свою. Пришла комиссия, а та стонет, ойкает: спина, мол, замучила. Посыльные позаглядывали по пустым углам и ушли ни с чем.

Ульяшины

У Царёнка не было друзей. Я не в счёт, мне он покровительствовал просто. Даже с Ульяшиными ребятами, такими же хулиганистыми, не водился. А их было трое: Вовка, Борька и Мишка. Фамилия у них Левинские. Ульяна Михайловна работала на маслозаводе. Вроде жила или гадала, что ли. В последнее время жила в Кочердыке, там и умерла. В общем, семья какая-то несчастная. Старший Володька после войны сидел в тюрьме за что-то. Потом в Копейске проиграл в карты учительницу, но убить не смог. Уехал в Кочердык, стал работать в деревне Чернякино и однажды за деревней повесился. Боялся уголовников, в тюрьму проиграл. А до этого за восемь месяцев Мишка или Минька, как его у нас звали, в Магнитогорске куда он завербовался из Челябинска, бросился под поезд. Записку оставил: прощайте, простите и тому подобное. Тоже, говорили, из-за какого-то долга. Случилось это году в 68-м или в 69-м. Средний, Борис, помнишь, у нас в Чудинове физруком в школе работал. Красивый мужик такой. Женился на твоей учительнице Полине Алексеевне. Потом они уехали в Кочердык. Как-то вскоре после смерти Вовки и Миньки в Ченякино, где он работал механизатором, лёг на полосу и попросил напарника, чтобы задавил трактором. Но тот отказался. Что-то у всех Ульяшиных не всё в порядке было в головах. Отца их Михаила Ивановича Левинского в 1931-м году тайком забрало НКВД. Работал он в райпотребсоюзе. Его потеряли, а он, оказывается, сидел в тюрьме. Там и сгинул. Ульяна на тринадцать лет моложе была Ивана Михайловича. У него с первой женой, которая умерла, аж пятеро детей осталось. Я тебе говорил как-то про шуры-муры моего неродного отца с Ульяной. Старший Вовка Ульяшин отчаянный был. Ему, рассказывали, не понравился какой-то Филя, жених Ульяны. Зимой было. Тот пришёл к матери, разделся. Вовка, пока то да сё, вынес пимы на улицу, налил в них воды и оставил на морозе.

Когда умер Сталин

Когда умер Сталин в марте 53-го, от расстройства умерла жена директора Октябрьской школы Яковлева, двоюродного брата Димы Пахомова, твоего одноклассника.

Верещага

Помнишь, на Троицу вся деревня шла в дуброву. Тащили с собой брагу, разную закуску и таганки. На таганках жарили яичницу с луком и салом. Верещагой называлась. Верещала потому что.

И не вернулся

У Васи Заборникова был двоюродный брат Иван. Красавец, на баяне играл. Заведовал почтой. Когда его призвали на войну и повезли на полуторке в район вместе с другими мужиками, он как забарабанил по кабине. Соскочил на землю, упал на колени перед Кланей, женой своей, давай целовать ей живот — она ждала уже четвёртого ребёнка — и кричать: «Береги себя и детей, я уже не вернусь!» И не вернулся.

Бурковы

Царь Прокопий, не помню отчества, отец Царёнка, Шура Бурковой приходился родным дедом. Володька, значит, дядей. Шурина мать Анастасия Прокопьевна — родная сестра Царёнку. Замуж она вышла в своё время за Андрея Родионова. А Шура потом — за Василия Михайловича Буркова, который ещё со школы бегал за ней хвостиком. Даже ставлял своего друга шпионить, когда служил в армии. Николая, брата Василия, ты должен помнить, он мой годок и женился на Тоне Федорец. Вообще этих Бурковых — полдеревни. Жили у нас сестры Дрожженко, красавицы. Так вот Катя Дрожженко была замужем за Михаилом Бурковым. Потом Михаил умер, а из армии пришёл Павел, брат его. Катя вышла за Павла. А были ещё Санька Бурков, Лёнька Бурков — Дашин сын. В Хохлацком краю жили Бурковы...

Прохоровка

Послали как-то Шуру Буркову в командировку в Белгород. Она, кажется, тогда в Москве жила. Решила она наведаться в Прохоровку, где в 1943 году большое танковое сражение произошло. Увидела в списке погибших бывших чудинцев. Упала на колени, давай реветь. Любопытные туристы сбежались: что? почему? Да вот, мол, здесь лежат ребята, с которыми училась, с некоторыми за одной партой сидела. А в списке — Петренко Миша, Дзаков Ваня, Новосёлов Павел и Шамурин Павел...

г. Челябинск

Александр Поповский

И В НОВОМ ВЕКЕ КТО-ТО НА КОНЕ

***

Выставил железную кровать
За порог — ну вот оно настало
Время, чтобы руки потирать,
Щи хлебать, и есть вприкуску сало.

Пусть её родимую сдадут
За гроши акулам «Вторчермета».
Как у очевидицы минут
Сладостных истребуют ответа.

А потом в мечи перекуют.
И конец придет столетним войнам:
В спальне я почувствую уют,
И соседи станут спать спокойно.

Хорошо. О чём тут говорить —
Даже лучше, чем на сеновале.
Только-только начинаем жить.
О таком и сроду не мечтали!

Обойдемся в кухне без стола,
В зале — без потёртого дивана.
Если дальше так пойдут дела —
Защекочет до смерти Нирвана.

***

Я уже давно не молод,
И пора б смириться с этим.
За спиной собачий холод,
А в запасе — прах столетий,

Перепады настроенья,
Пересоленная пицца
И размеренность паденья.
Скукотища.
Скукотища.

***

А. Решетову

Я по колено в омуте проблем,
Возникших у меня на нервной почве.
Навечно обеспечен мне гарем
Из медсестёр — замужних, между прочим.

Уверен — в этот раз придётся пить
За здоровье различные лекарства.
Бессмертья не дожусь, но, может быть,
Со временем закончатся мытарства.

И жизнь спустя, меня переведут
Куда подальше, из шестой палаты.
Неловко пряча за спиною кнут,
Господь взглянёт с прищуром виноватым.

Налево и направо раздавал
Он пряники убогим и продажным.
За ними, каюсь, я не поспевал:
Ни наглостью, ни словом эпатажным...

И в новом веке — кто-то на коне,
А кто-то мылит ореол удавки.
Но, что по праву причиталось мне,
Испил до дна и не прошу добавки.

* * *

Не по себе мне в жизни брэнной.
Я кличу сам себе беду.
И чую чашечкой коленной —
Ещё немного — упаду.

Запнусь о край нелепой мысли
У ротозеев на виду.
И тут же загремят канистры
С бензином, будто бы в аду.

п. Первомайский

Михаил ФОНОТОВ

Губернатор и бомж

На работу я хожу мимо здания областной администрации. Был такой случай. Когда я спустился к улице Коммуны, шлагбаум, который ее перекрывает у здания областной администрации, поднялся и вереница — кортеж — «строгих» автомобилей передо мной выехала на середину улицы Цвиллинга и свернула на нее. У меня была минута предположить, что у губернатора очередная поездка по области. Загорелся «зеленый», я пересек улицу, вышел к аллее и здесь увидел отрешенно сидящего на лавке бомжа. Бомж и — губернатор! Какой перепад высот! Один — все, другой — ничто. Один — первый, другой — последний. Высшее признание и низшее падение. Всесилие: все могу и бессилие: не могу ничего.

Там, куда уехал губернатор, взволнованно ждут его, беспокоятся, как сложится встреча, готовы сделать для него все, что он пожелает. Его, как дорогого гостя, встретят хлебом-солью, ему скажут много лестных слов, проводят, усадят, выслушают, поблагодарят. И уж, конечно, накормят-напоят самым-самым, что у них есть.

А бомжа никто нигде не ждет. Он никому не нужен. У него ничего не осталось, кроме двух-трех физиологических потребностей. Например, проблема еды, которая у губернатора на последнем месте, у него — на первом. Губернатор может кого-то наградить, дать квартиру, направить на лечение. Приехать в детдом и привезти детишкам телевизор. Он может построить дорогу. Или ледяной дворец. Или музей. Или школу. А потом приехать на открытие новой школы и испытать минуты довольства: без него школы не было бы. Еще два года назад не было ни дороги, ни дворца, ни музея, но он решил и они, как по мановению, — есть.

А бомж? Никому ничего он не может дать. Даже и себе. Он все потерял. Даже и себя. Он на все махнул рукой. И на себя тоже. Пока утром он копается в мусорных ящиках, губернатор, может быть, разговаривает по телефону с каким-нибудь олигархом. Или с самим президентом. Но бомжу это — безразлично...

Первая реакция — какая? Губернатору — позавидовать, а бомжу — наоборот. Да, конечно. Но все ли так просто? Все ли дано губернатору и все ли отнято у бомжа? Губернатор и помечтать не может о таком счастье, как утром придти на аллею, сесть на лавку и ощутить, осознать, что тебе никто не нужен и ты не нужен никому, что у тебя весь день свободный — никаких хлопот, кроме того, чтобы найти чего пожевать. Бомж много свободней губернатора. Глава области зависим от тысяч людей, вплоть до того же президента. Его день расписан по часам и минутам. На нем висят сотни решений, которые надо принять. Он не принадлежит сам себе. Даже его досуг, его отдых — тоже по расписанию, какой-то искусственный, «сделанный». Вообще, может быть, губернатор — самый несвободный человек области. А бомж оборвал все нити зависимостей. У него только то и есть, что огромная свобода. То именно, чего лишен губернатор.

Губернаторское счастье, оно не такое безграничное, как многим кажется.

Легко разделить людей на счастливых и несчастных. Но и ошибиться легко.

Рычащие грации

Чего мы хотели? Увидеть косулю. И, если повезет, сфотографировать.

Косулю у нас называют дикой козой. Может быть, потому — ласковое «козуля». А самца косульего иначе, как козлом, не назовешь. Но косуля никакая не коза, она родственница оленям. Есть и другой вариант: косуля — от «косая». Оказывается, зрачки у нее косые. Кто-то когда-то заглядывал косуле в глаза...

Где уж так близко ее увидеть — хотя бы издали. Едем по Джабык-Карагайскому бору. Сидящий за рулем Владимир Васильевич Долматов успокаивает: сейчас увидим, не пройдет и минуты, а может быть, через секунду. И в самом деле, тут же — три косули. Справа, на опушке леса. Но — далеко. И сразу повернулись к нам задками, унося в лесную темень три белых круга своих «зеркал».

И так несколько раз: не успеешь фотоаппаратом прицелиться, а косуль — поминай, как звали. Но, говорят, бывает иначе: косуля остановится, замрет, как вкопанная, и стоит долго, будто не в силах оторваться от таинственных существ на двух ногах. Тут-то и успевай щелкать...

В косулях, и в козлах тоже, все — изящное, грациозное, пугливое, ласковое, женственное... Язык не поворачивается сказать, что косуля — зверь. Какой она зверь, если всех боится, а ее — никто? В лесу — самое безобидное существо. Что касается внешности, то особенно «удачна» косуля, если стоит прямо, анфас: голова, длинная шея и стройные передние ноги. Задняя часть мне не очень приглянулась: спина к хвосту горбом, зад как-то приподнят и выдвинут, а задние ноги согнуты, будто в полуприседе. А голова — прекрасна. Эти длинные уши торчком — сама настороженность, сама затаенность и сама трусливость. Рожки тоже торчат, чуткие, будто антенны. Эти человеческие глаза, полные застывшего любопытства. Эти дрожащие ноздри на черном носу...

Наш УАЗик в вираже взлетел на пригорок, и прямо перед нами пасущиеся на поляне косули разбежались в разные стороны. Большая их часть спряталась и притаилась березняке слева. Я осторожно пошел туда. И тут впервые услышал нечто такое, что никак не могло относиться к косулям. В лесу раздался громкий, отрывистый, хриплый то ли рев, то ли лай. Так реветь и рвать мог только очень крупный и очень свирепый зверь. Но Владимир Васильевич не дал сомневаться: так в тревоге кричат косули. Не поверить бывалому человеку нельзя, но для меня этот рык в лесу так и остался — отдельно от косуль.

Потом я кое-что понял. Косули предпочитают кормиться травой. То есть в степи. Но им нужна степь, близкая к лесу. Лесостепь. Степь — чтобы пастись, лес — чтобы прятаться. В голой степи они беззащитны. Правда, они — прекрасные бегуны (60 км в час). И прыгуны. Как в длину (до десяти метров), так и в высоту (до двух метров). На бегу они прыгают так, будто сама земля их подбрасывает, а зады как-то смешно подскакивают вверх.

Бегают косули быстро, но только на короткие дистанции. Поэтому хищники, особенно волки, настигают их довольно легко. От них, от врагов, косулям лучше прятаться. И выслеживать из укрытия. А если недруг что-то почуял, но не знает, кто спрячется в чащобе, то можно, на всякий случай, грозно зарычать-залаять — вдруг чужак напугается... Да, косули спрятались в лесу. Но один козел остановился между березами и уставился на меня. Он стоял долго, а я щелкал, щелкал, щелкал... Повезло, однако.

Хакима

Гимн восходящему солнцу

Жил-был художник один...

Из песни

Художник вышел из дома и пошёл по улице. Дорога шла мимо хорошо знакомых ему мест, где он прожил много лет — вначале с родителями, а потом он встретил ЕЁ. Всё было знакомо, всё постепенно отступало в вечерние сумерки и оставалось за его спиной.

Он шёл к реке.

Маргарита Солнцева (ИГРА)

Боль сковала всё тело и художника, как личности, почти не осталось.

Всё то, что можно считать как: «Я — личность» собралось в одной точке, не то в груди, не то внутри головы и вот этот осколок «я — личность» сейчас заставляло тело тащиться к реке. Правая рука болталась, как засохшая ветка дерева, в левой — ещё мнилась какая-то жизнь, каждый шаг во всём теле отдавался такой болью, что мышцы буквально выли. И вот этот

осколок «я — личность», когда-то бывший великим художником, тащило уже никуда не годное тело к Неве, уговаривая себя, что вот ещё чуть-чуть, ещё немного и воды Невы сомкнутся над головой и не будет ни этой дикой боли, ни этой муки, истерзавшей душу и сердце мыслими о своей ненужности, нет силы не то, что рисовать, даже самую лёгкую кисточку поднять.

Именно сейчас, когда ему нужна помощь физическая, ещё больше моральная поддержка, у него не оказалось ни друзей, ни родных.

Он шёл долго, каждый шаг давался с трудом, хотя вышел из дома с наступившими вечерними сумерками, к Неве пришёл, когда на востоке небо начало светлеть.

То, что когда-то было великим художником стояло по щиколотку в воде. Тёмные воды Невы, тяжело перекачивали мелкую рябь, что-то нашептывая художнику. Распахнуть бы сейчас душу, открыть сердце, чтобы понять что же хочет сказать Нева. Нет сил, нет сил.

В это время, что-то тёплое мягко коснулось его левой руки, в которой ещё сохранилась частичка жизни.

— Вы тоже пришли встретить свой день рождения здесь?

Звонкий детский голос заставил его оторвать взгляд от тёмных вод Невы и повернуть голову. Рядом, доверчиво вложив свою тёплую ладошку в его безжизненную руку, стояла девочка. Веснучатое лицо, волосы цвета спелой соломы, две тощие косички задорно торчали в разные стороны, на одной косичке синий бантик, на другой зелёный. Девочка улыбалась, показывая немного кривые зубы, ничего особенного, если бы не глаза, нет не глаза, а взгляд. Взгляд был полон радости, той детской непосредственной радости, когда ещё нет ни зависти, ни злобы. И вся она была окутана теплом, тем мягким теплом, от которого не хочется уходить, не хочется отрываться.

Ответить что либо тоже не было сил.

— А я каждый год встречаю здесь свой день рождения.

Тёплая ладошка лежит в руке художника напоминая, что жизнь ещё не кончилась.

— Вы тоже узнали, что солнце сегодня играет?

Помолчав, чуть-чуть продолжила:

— Сначала появляется зелёный луч, — в левую ладонь художника начало вливаться тепло от детской ладошки, — он держится всего чуть-чуть, потом уходит.

Не обращая внимания на молчание художника, девочка продолжала весело щебетать. Тепло, наполнив ладонь, медленно пошло к плечам. Мир, для «я — личности» теперь сосредоточился в этом детском голосе.

— Потом выскакивает солнышко, как мячик!

Тепло дошло до плеча, согревая и мышцы и кости. Начало вливаться в грудь.

— Солнышко сияет и пульсирует, и ещё оно делает шаги.

— Как это? — удивилась «я — личность», ставшая размером больше бобового зерна. Вслух художник не мог это произнести, у него мышцы на лице тоже не двигались.

— Оно делает небольшие шаги, шагов пять-шесть туда-обратно, оно ещё пульсирует, мама говорит: «это солнышко радуется».

— Ой, зачем я вам всё рассказываю, надо подняться на этот пригорок, оттуда видно горизонт, а город как бы остаётся внизу, а на горизонте видны верхушки деревьев. Пойдёмте быстрее, а то опоздаем, небо там совсем посветлело.

Художник с трудом заставил себя повернуться в сторону пригорка. Он тяжело переставляя одеревеневшие ноги, стал взбираться на не такой уж высокий пригорок. Тёплая ладошка продолжала лежать у него в руке.

Девочка как будто не замечала его слабости. Она щебетала своё.

— А я учусь в музыкальной школе. Наша учительница говорит, что я хорошая ученица, иногда слышу музыку красивую и даже могу её записать, но это такие короткие аккорды.

Тепло продолжало наполнять грудь. Наконец они добрались до вершины пригорка.

— Мы вовремя, смотрите, верхушки деревьев стали алыми, сейчас начнётся.

— Сегодня я попросила маму отпустить меня одну, она там внизу со своей подругой. Ждут меня.

Тепло, прокатившись по телу, стало вливаться в ноги. «Я — личность» выросшая размером в пинг-понговый мячик, оторвало внимание от своих ощущений, в нём начала просыпаться какая-то неосознанная надежда.

Верхушки далёких деревьев на востоке пылали алым светом.

покрутила головой. Первое, что она увидела, был букет ярко красных роз, потом она застыла на месте, веря и не веря своим глазам, посередине проспекта шёл он: молодой, сильный, красивый. «Как? Как?» — Женщина топталась на месте, словно забыла кто она, как будто потерялась среди светлого дня. Грубый оклик вернул её к действительности: «Что шары вылупила, садись в машину, некогда!»

Художник шёл домой, вернее, в свою мастерскую. Мастерская не была закрыта на замок, он зашёл, положил розы на стол, огляделся — тёмные шторы, он не помнил когда их открывал. Остановился перед окном, выходящим на восток, раздвинул шторы, стекла так запылены, что даже солнечные лучи не могут пробиться через насеившую пыль. Нашёл банку, поставил розы в воду. Налил в ведро воды и начал мыть окно.

Хлынул солнечный свет, разгоняя сумрак безнадёжности, возвращая яркость краскам. Художник мыл окна.

д. Краснокаменка

Анатолий Кухтурский Легенды

Разрыв-трава

Поверье существует с давних пор:
На старых пепелищах близ озер
Средь конопли, крапивы, дряхлых верб
Растет травица. Ни коса, ни серп
Ей не страшны. Она сидит в земле.
Цветок ее, как уголек в золе,
Сверкает ярко. Листья в мелкий крест.
Никто из жителей окрестных мест
Не находил траву, но слух о ней
Сквозь тьму веков дошел до наших дней.
Разрыв-трава — так окрестил народ
Волшебную траву. И кто сорвет
Ее горячий огненный цветок,
Тот станет сокровенных тайн знаток.
— Откроет он любой старинный клад
Без всяких затруднений и преград.
В траве той мощь земли заключена,
И этой силой властвует она.
Любая крепь не устоит, едва
Ее коснется хрупкая трава.
Искать траву выходят по ночам,
Когда не спится совам и сычам.
С молитвою святою на устах
Обходят нечисть в корчах и кустах.
На пепелище ищут острый сук
И, помолясь, очерчивают круг —
Препона богомерзкому врагу.
Берут косу и косят в том кругу.
Работают под божьи словеса,
Пока не переломится коса.
Тут сразу стой. Дает травица знак.
Но средь травы ее спознаешь как?
Всю кошенину надобно стрести
На этом месте и к пруду снести.
Охалку бросить в бездну синих вод.
Трава простая тут же поплывет

По воле волн, а вот разрыв-трава
Задержится, сбиваясь в круг сперва,
Но тоже поплывет, да только вспять.
Вот тут ее и можно будет взять.
Охотников за колдовской травой
Всегда хватало, говорят, с лихвой.
И ныне есть такие чудачки,
Которые рассудку вопреки
В лесу или у болота наяву
Хотят найти волшебную траву.
И, если не находят, — не беда,
Ведь в сказку верить хочется всегда.

Ярмарка в Ирбите

Чудо-ярмарки России!
Вы не знаете какие?
Не слышали никогда?
Ну, послушайте тогда.
Будет путь у нас не ближний
В Оренбург, Ирбит или Нижний.
Посмотреть так посмотреть,
Да в делах поднатореть.
Ближе всех — таки Ирбит.
Путь труда и предстоит.
Чудо-ярмарка в разгаре.
А людей... Как на пожаре.
Суматоха, шум, галдеж —
Ничего не разберешь
Лавки, брички, балаганы,
Силачи, шуты, цыганы.
Толпы знатных и невежд
В разноцветии одежд.
В куньих шубах, армяках,
В перелатанных портках,
В шапках черных и лохматых
И в халатах полосатых.

Покупают, продают,
 Спорят, вздорят, в морду бьют,
 Зазывают, предлагают,
 Заковыристо слагают.
 Калачи! Горячи!
 Только что из печи.
 Не зевай! Налетай!
 За две щеки уплетай.
 Сапоги! Сапожки!
 На любые ножки,
 Из юфти и сафьяна
 Продам без обмана.
 Напиток медовый
 Бочка — целковый,
 Ковшик — пятак,
 А понюхать — за так.
 Что за ярмарка без смеха?
 Целый день идет потеха.
 Скоморохи и Петрушка
 Рассмешат вас за полушку.
 Тут гимнасты, там борцы,
 Есть танцоры и певцы,
 Заклинатель змей и маг,
 Звездочёт, глотатель шпаг,
 Толкователи примет —
 И кого здесь только нет.
 Веселись честной народ!
 Чудо — ярмарка идёт.
 А товары здесь какие!
 Свезены со всей России.
 Невозможно перечесть,

Заграница даже есть.
 Кипы, горы, вороха.
 Рыбы, ситец, ель, меха,
 Лён, пшеница, плиты чая,
 Словом, что душа желает.
 Но среди вещей несметных
 Самый нужный и приметный
 Не московский, не бенгальский,
 А товар земли Уральской.
 Наших местных мастеров
 Кузнецов да столяров,
 Камнерезов, земледельцев,
 Многочисленных умельцев.
 Соликамские замки,
 Оренбургские платки,
 Сундуки невьянские,
 Вентеря оханские,
 Сапоги кунгурские,
 Ложки верхотурские.
 Из Кыштыма и Каслей
 Ворохи литых вещей:
 Плиты, вьюшки, котелки,
 Утюги, колосники.
 Аргинские косы,
 Тагильские подносы,
 Кузовки бурзянские,
 Кушаки узьянские,
 Рукоделье Лальское
 Наше всё — Уральское
 Чудо-ярмарка в Ирбите!
 Поезжайте, посмотрите.

с. Чудиново

Олег Ник Павлов

Бурный век автора «Тихого Дона»

*Ой ты, наш батюшка тихий Дон!
 Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?
 Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!
 Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
 Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит.*

Такими вот чистыми, глубокими, истинно народными стихами старинных казачьих песен открывается одна из величайших книг двадцатого века — «Тихий Дон». Немногие из современников автора этого романа могли угадать в скромном, невысокого роста, сухощавом паренке будущего великого писателя. Мировое признание романа тоже пришло не сразу, но завершилось триумфом русского гения на церемонии вручения Нобелевской премии.

А сегодня со дня рождения этого замечательного человека исполняется целый век, сегодня его юбилей с гордостью отмечает вся Россия, весь образованный мир. И имя этому человеку — Михаил Шолохов.

Двадцати с небольшим гаком лет появился Михаил Александрович на столичном литературном небосклоне. Близкие московские друзья отмечали его несомненные способности, многие зачитывались его «Донскими рассказами», вскоре вышедшими отдельной книгой. Известно, что А. С. Серафимович, в то время редактор журнала «Октябрь», объявил зарубежным гостям, среди которых были Анри Барбюс и Мартин Андерсен Нексе: «Друзья, запомните новое имя — Михаил Шолохов. Скоро оно станет известно всей России, а затем — и всему миру...». Словом, Шолохова уже знали литературные круги, но явление широкому читателю двух первых книг «Тихого Дона» в 1928 году стало, без преувеличений, одним из всенародных потрясений.

Роман сразу приняли все — и русские, и украинцы, и другие народы Советского Союза; его приняли и красная, и белая стороны недавно отгремевшей Гражданской; им зачитывались и казаки, и совершенно далекие от казачества читатели; его приняли и власть, и народ; и русская эмиграция, и просто заграница. Произошло одно из редких, но совершенно оправданных чудес, когда всех и вся примирило, побороло, спаяло высокохудожественное, правдивое и одновременно поэтическое, единственно справедливое, близкое к самой истине слово писателя.

Автора в то время мало еще кто знал. А узнавая, непременно удивлялись контрасту его молодости и уровню писательской зрелости. Хотя примеров такого же раннего творческого становления было немало и до того. Во времена исторических катаклизмов это становится чуть ли не нормой. К примеру, повесть «Разлив» была опубликована Александром Фадеевым в 22 года, а роман «Разгром» — в 25 лет; Леонид Леонов в двадцать с небольшим завоевал признание. Рано начали и Николай Островский, и Аркадий Гайдар.

Казалось бы, что мешает современникам достойно встретить явившегося к ним нового великого писателя? Воздать по деяниям его, по таланту, создать ему наилучшие условия для творчества, чтобы читать и наслаждаться его произведениями! Однако — вот парадокс! — нет в литературе двадцатого века писателя, испытавшего на себе большего количества хулы и наветов от своих современников, чем Шолохов!

Писатель и ученый, директор Института мировой литературы, член-корреспондент Российской академии наук Ф. Ф. Кузнецов — исследователь не только творчества Шолохова, но и его судьбы, так пишет в своей книге «Шолохов и Антишолохов»:

«“Тихий Дон” трагедия не только по своей художественной сути и историческому пафосу. Трагедия его судьба. Трагедия судьба его автора. Так случилось, что беспощадные ветры истории с полной безжалостностью прошли по этой великой книге, нанеся тяжелейший удар М. А. Шолохову. Дважды — в конце двадцатых годов и на переломе семидесятых — было поставлено под вопрос авторство Михаила Шолохова.

Норвежский литературовед Г. Хьетсо писал по этому поводу: “...Обвинение, предъявленное Шолохову, можно считать уникальным: этот автор в такой степени является предметом национальной гордости, что бросить тень сомнения на подлинность его *magnum opus* (главного произведения. — Ф. К.), «Илиады» нашего века, значит совершить деяние, близкое к святотатству”.

И тем не менее это святотатство было совершено. Вся мощь мировых (и отечественных) средств массовой информации была использована, чтобы закрепить это «святотатство» в умах, превратить криминальную версию из гипотезы в якобы научно доказанную реальность...»

Давно известны печальные истины: «Нет пророков в своем отечестве», «Большое видится на расстоянии...». Не все современники Михаила Шолохова, даже осознавшие гениальность романа «Тихий Дон», смогли увязать его с признанием гениальности автора, на их взгляд, слишком молодого и слишком обычного, уж никак не величественного. В самом деле, Шолохов — не граф, не дворянин, не священник. Не интеллигент, наследующий поколениям литераторов, композиторов, философов, а выходец из рядовой казачьей среды. К тому же, он чурается богемы, не стремится осесть в столице, ухватиться за «полезные знакомства», а все время продолжает жить на своей малой родине, не отрываясь от ее корней, от просторов тихой вешенской станицы, наезжая в шумную Москву лишь по крайней необходимости.

Все это не могло не раздражать людей мелких, бездарных карьеристов, стремящихся в суеде литературных кругов доказать свою дутую значимость. Скорее всего, это раздражение, непонимание, неприятие и послужило причиной появления целой школы литературоведов, не один десяток лет бьющих прямо в сердце писателя, ставящих под сомнение факт его

авторства, а порой и прямо обвиняющих его в фальсификации. Слухи катились, обрстая все новыми несурзидцами. Основная версия: «Шолохов — не автор романа «Тихий Дон», в его руки попали черновики белого офицера, которые он использовал, неумело переключив на советский лад...».

Для любого непредвзятого, но литературно грамотного читателя уже тогда это обвинение выглядело нелепостью — роман никак не создает впечатления раздвоенности, сборности, несурзидности. Это единая, в одном стиле, одним языком сотворенная духовная материя, берущая читателя в плен с первых строк и не отпускающая долго после прочтения строк последних.

Возьмем наугад любой отрывок из этой книги. Вот как, например, описан здесь эпизод обычной рыбалки, по сути, бытовая картинка:

«Баркас, черкнув кормую землю, осел в воду, оторвался от берега. Стремя понесло его, покачивая, норовя повернуть боком.

Григорий, не огребаясь, правил веслом.

— Гребани, что ль.

— А вот на середку выберемся.

Пересекая быстрину, баркас двинулся к левому берегу. От хутора догоняли их глухие на воде петушинные переключки. Чертя бортом черный хрящеватый яр, лежавший над водой урубом, баркас причалил к котловине. Сажень в пяти от берега виднелись из воды раскоряченные ветви затонувшего вяза. Вокруг него коловерт гоняла бурые комья пены.

— Разматывай, а я заприважу, — шепнул Григорию отец и сунул ладонь в парное зевло кубышки.

Жито четко брызнуло по воде, словно кто вполголоса шепнул — «шик!». Григорий наизнал на крючок взбухшие зерна, улыбнулся.

— Ловись, ловись, рыбка большая и малая...»

А вот другая зарисовка, выхваченная из жизни казацкого селения:

«К вечеру собралась гроза. Над хутором стала бурая туча. Дон, взлохмаченный ветром, кидал на берега гребнистые частые волны. За левадами палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром. Под тучей, раскрылатившись, колесил коршун, его с криком преследовали вороны. Туча, дыша холодком, шла вдоль по Дону, с запада. За займищем грозно чернело небо, степь выжидая молчала. В хуторе хлопали закрываемые ставни, от вечерни, крестясь, спешили старухи, на плацу колыхался серый столбище пыли, и отягощенную вешней жарою землю уже засевали первые зерна дождя.

Дуняшка, болтая косичками; прожгла по базу, захлопнула дверцу курятника и стала посреди база, раздувая ноздри, как лошадь перед препятствием. На улице взбрыкивали ребятишки. Соседский восьмилеток Мишка вертелся, приседая на одной ноге, — на голове у него, закрывая ему глаза, кружился непомерно просторный отцовский картуз, — и пронзительно верещал:

Дождюк, дождюк, припусти.

Мы поедем во кусты,

Богу молиться,

Христу поклониться...»

Заметьте, Дуняшка не просто прошла — она «прожгла», и в одном этом слове выявлен задорный образ ее.

Обратите внимание, как ждет земля грозу — она «выжидая молчит», принимая ее с достоинством, как неминуемое испытание, сопутствующее благости дождя. Все здесь живое, все наполнено одушевленностью — и «шикающее» жито, и пенящаяся коловерт, и раскоряченный вяз, и дышащая туча, и пляшущий «столбище пыли». Это поэтическое оживление самого мира и всего, что есть в этом мире, напрямую восходит к изначальному космосу мифологии, к родникам, питающим тихую, но могучую реку вечности. А знакомые с детства прибаутки «о рыбке большой-малой» или о «дождюке» делают происходящее в романе близким и понятным любому чистому и чуткому сердцу.

Это не вычурная, выращенная в алхимических ретортах модернистов проза, на которую сейчас так щедро современная литература, не намеренно упрощенное детективно-боевиковое событийное повествование. Это — пример истинной литературы, живой ступок жизни и истории, веры и любви, страданий и страстей великого народа.

Основой всякой литературы, всякой культуры является мифология. Принято считать, что славяне, не имеющие стройной иерархической системы мифических образов — такой, какая была у древних греков — не имеют и своих великих мифологических произведений (вроде финской «Калевалы»). Полагаю, это не совсем справедливо. Такими мифологическими памятниками у нас являются и народные сказки, и песни, и былины. Особенностью же нашей культуры является то, что полотна, могущие считаться памятниками мифологии, у нас не безымянны. Зачастую они имеют конкретного автора. К ним можно отнести и «Слово о полку Игореве», и чудные, многоплановые сказки Пушкина, и «Конек-Горбунок» П. Ершова...

Ряд современных литературоведов относит к таковым памятникам и роман «Тихий Дон». Трудно с ними не согласиться. Образ Григория Мелехова действительно вырастет до космических высот народного героя, богатыря, скитальца, не умеющего с выгодой для себя, а могущего лишь по велению сердца приложить свою богатырскую силушку. Через это ждут его и муки, и раскаяние, может быть, даже и казнь, но и возвышение его духа.

С. Семанов, автор многих широко известных работ о творчестве Шолохова, рассматривает художественные произведения на стыках архивной документалистики, истории и филологии. Этот метод, по мнению Марка Любомудрова, оказывается наиболее соприродным роману «Тихий Дон», который сравнивают с крупнейшим эпосом древности — «Илиадой»: «С. Семанов... наиболее убедительно... показал исключительно высокую историческую достоверность шолоховского произведения, в котором органически сплавлены правда событий, реальность судеб исторических персонажей и художественный вымысел. Характернейшая, фундаментальная особенность русской школы реализма!»

Роман «Тихий Дон» нельзя назвать ни советским, ни контрреволюционным. Он выше классовых отношений, выше временных политических распрей — он о вечном. Он повествует о духовных поисках великого народа через мытарства одного из ярчайших представителей этого народа — казачества, которое издавна играет не последние роли в катаклизмах России. Достаточно вспомнить и восстание Степана Разина, и бунт Емельяна Пугачева.

Правдоискательство, видение судьбы человеческой как судьбы народной (Пушкин) — основа русского классического искусства. «Тихий Дон» в этом смысле произведение глубоко национальное. Перед нами не беллетристика, не капризная фантазия своенравного мастера, а широчайшее историческое полотно, «классический народный эпос», ярчайшая летописно-исследовательская панорама эпохи революции и гражданской войны.

Слов нет, «Тихий Дон» в этом не одинок — рядом с ним «Хождение по мукам» А. Толстого, «Белая гвардия» М. Булгакова. И все же среди подобных по теме и силе произведений он и сильнее, и глубже, и народней. Интересная деталь — Шолохов тринадцать раз отмечен в книге приглашенных в кабинеты И. В. Сталина. И к Толстому, и к Булгакову вождь также проявлял интерес, но интерес к Шолохову оказался значительнее и постояннее.

Кстати сказать, менее всего сомневающихся в авторстве Шолохова было как раз среди его земляков, казаков по ту и эту сторону советских границ. Белоказачество, эмигранты, такие как руководитель Вешенского казачьего восстания Павел Кудинов, высоко оценили роман, приняли его с благодарностью, для многих из них он стал школой покаяния. Кудинов, например, всю жизнь поддерживал связь с Шолоховым, гордился тем, что писатель увековечил его среди героев романа.

Однако, вернемся к вопросу о нападках на Шолохова. Необходимо отметить, что для любого писателя литературная кража — плагиат — это самое страшное обвинение, практически граничащее с уничтожением автора как творческой личности, как самостоятельной мыслящей единицы. Для многих незаслуженно обвиненных это оборачивалось трагедией, ведь «дурная слава крепче доброй», порой из нее нельзя и вырваться, даже юридически доказав свое авторство.

Поначалу Шолохов даже не отвечал вражеским голосам, то ли не приняв их всерьез, то ли просто не желая ввязываться в скандал по своей природной мудрости, силе характера, духовной состоятельности. Такая позиция писателя только распалая «мосек» от литературы, его молчание они принимали за неспособность защищаться, за подтверждение их клеветнических «открытий».

Только когда по решению ЦК в 1929 году была создана специальная комиссия во главе с писателем А. Серафимовичем, Шолохов представил ей рукописи первой и второй части романа, абсолютно доказывающие его авторское право.

«Письмо в редакцию», подписанное А. Серафимовичем, Л. Авербахом, В. Киршоном, А. Фадеевым и В. Ставским, опровергало всякую клевету. «Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении, — говорилось в письме. — Всякий, даже не искушенный в литературе читатель, знающий ранее изданные произведения Шолохова, может без труда заметить общие для всех его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей.

Пролетарские писатели, работающие не один год с т. Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над «Тихим Доном», материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописей».

По мнению авторов письма, клевета имела политическую подоплеку и стремилась компрометировать молодого талантливый писателя.

Появление «черновики рукописей» ударило по всем очернителям артиллерийским залпом — они замолчали надолго. Надолго, да не навсегда. Человеческая память, оказывается, коротка.

Шолохов, успокоенный победой, даже не повез рукописи назад, в Вешенскую, а оставил их в Москве, на квартире своего давнего друга, писателя Василия Кудашова, и практически забыл о них. В начале войны Кудашов ушел добровольцем в ополчение, попал в немецкий плен и там погиб. Шли годы, о рукописях Шолохов не вспоминал.

А между тем, после вручения писателю Нобелевской премии (1965), поднимается новая волна так называемого «антишолоховедения». Вновь вытаскивается наружу миф о присвоенных офицерских черновиках, ткань романа пытаются деструктурировать, дабы доказать его «неоднородность», выискиваются несоответствия дат, имен, названий с действительной историей. Возникают все новые претенденты на «авторство»: то это донской журналист Крюков, то малоизвестный фельетонист Севский (он же Краснушкин), то даже известный русский поэт Николай Гумилев. Кто-то добавляет сюда родственника (и даже родственницу) жены Шолохова, кто-то говорит о Серафимовиче, якобы решившем вдруг написать за Шолохова (!) книгу. Не обошли вниманием и другие произведения писателя. Роман «Они сражались за Родину» вздумали с чего-то приписать Андрею Платонову(!)

«Создается впечатление, — пишет Ф. Кузнецов, — что им все равно кто автор, лишь бы не Шолохов».

Тут-то бы и появиться рукописям вновь, чтобы вторично и навсегда развеять мифы о плагиаторстве. Но именно здесь начинается практически детективная история. Супруга Кудашова, Матильда Чебанова, отказывается вернуть Михаилу Александровичу рукописи, объясняя, что те «затерялись при переезде». При этом она прекрасно знала о переживаниях писателя и страданиях его семьи в связи с обвинениями в плагиате. Нет никакого сомнения, что второй инсульт, случившийся с М. А. Шолоховым в мае 1975-го (первый случился в 1961 г.), — прямое следствие этой травли.

На этот раз писатель остался беззащитным перед развернутой зарубежными литературоведами травлей. Власть же делала вид, что ничего не происходит, нападавших как бы не воспринимали всерьез. Они же, не встречая никакого отпора, все нагнали. В стране не приветствовались даже выступления иностранных шолоховедов в защиту писателя, так как их публикация означала бы необходимость говорить о антишолоховской клике как о реальной, действенной опасности.

«М. А. Шолохов замкнулся. — читаем мы в книге Ф. Кузнецова, — Все последние годы жизни он носил эту боль глубоко в себе. Боль, которая, вне всякого сомнения, свела его раньше времени в могилу...»

После 1974 года М. А. Шолохов уже не появлялся в ЦК, хотя в мае 1975-го шли парадные торжества по поводу его 70-летия. Всюду публиковались юбилейные статьи, и ни одна даже не обмолвилась по поводу грязных обвинений в адрес писателя. Следом еще один юбилей — полвека «Тихого Дона» (1978), опять заздравные статьи, посвященные роману, но ни слова о клеветниках.

В 1986-м в Ростове-на-Дону прошел советско-американский симпозиум «Михаил Шолохов и Уильям Фолкнер», где также ни слова в защиту Шолохова, в то время как злопыхатели требовали отобрать у него Нобелевскую премию.

В угоду установке М. Суслова молчали советские шолоховеды: Л. Якименко, А. Метченко, В. Гура. Только А. Калинин в статье «От «Донских рассказов» к «Тихому Дону» в газете «Известия», показал органическую связь великого романа и ранних шолоховских рассказов, однако сделал спор безадресным, не называя имен оппонентов.

В 70—80-е годы на защиту Шолохова активно встают зарубежные литературоведы. Глеб Струве в своих статьях доказательно разбивает клеветническую книгу «Стремя “Тихого Дона”» И. Томашевской. Американский славист, профессор Принстонского университета Г. С. Ермолаев, рожденный в 1924 г. на Дону, также обвиняет «Стремя» в необъективности и предвзятости.

В 1984 г. в Осло вышла книга, где с помощью информационно-математических методов была опровергнута гипотеза о плагиате. «Но, — пишет Г. Хьетсо, — все экземпляры, посланные советским коллегам, были конфискованы на границе. К счастью, 28 декабря 1983-го мне удалось послать М. А. Шолохову один экземпляр из Москвы за полтора месяца до его кончины».

Феликс Кузнецов утверждает: «Святотатство, которое на глазах нашего народа и всего мира совершилось над М. А. Шолоховым и его великим романом «Тихий Дон», может быть сравнено разве что только с позором похорон великого русского писателя.

М. А. Шолохова хоронили, как когда-то Пушкина, — закрыто и келейно...»

Только в начале 90-х появляются первые работы в защиту Шолохова наших, отечественных литературоведов: В. Васильева, Л. Бирюкова, С. Семанова, П. Бекедина и др.

Но в это же время, а еще активнее в годы «постперестройки» вспыхивает и новая ярость атак на М. А. Шолохова — уже со стороны отечественных СМИ. Они взхлеб, перелаивая друг друга, накидываются на классика низложенной, по их мнению, советской литературы.

А в 1995-м вдруг вышла любопытная книга под названием «Кто написал “Тихий Дон”». Хроника одного поиска», где давалось описание пропавшей рукописи, приводились отдельные ее страницы. Книга подтверждала: рукопись «Тихого Дона» существует!

Автор книги Л. Колодный отказался назвать местонахождение рукописей и имена ее владельцев, но предложил свои услуги в качестве посредника купли-продажи. Начальная сумма составила 50 тысяч, а некоторое время спустя — 500 тысяч долларов. Очевидно, что Л. Колодный и его сообщники (конечно же, вдова и дочь В. Кудашова, все это время скрывавшие рукописи Шолохова), называя столь баснословную сумму, просто не допускали возможности продать рукопись в нашей стране.

Детектив развивается по законам жанра. М. Чебанова-Кудашова в 1995, а двумя годами позже и ее дочь, Н. В. Кудашова, умирают от рака. Л. Колодный безуспешно пытается завладеть рукописью единолично — милиция по просьбе АН России бдительно стережет «нехорошую» квартиру.

К счастью, у новой наследницы, племянницы М. Чебановой, хватило разума признать существование рукописей и продать их государству за первоначально названную сумму. Деньги были выделены Минфином по специальному поручению президента РФ В. В. Путина.

Ф. Кузнецов, сделавший немало по поиску и возвращению черновиков Шолохова, восклицает: «мы... столкнулись... с угрозой вообще утратить эту бесценную рукопись, которая для нашей страны и нашего народа имеет принципиальный, я бы сказал — знаковый характер. А потерять ее в этих условиях ничего не стоило, — уйди рукопись в частные руки, недоброжелательные к русской литературе и Шолохову, или в руки частных коллекционеров, за рубежом она могла быть навсегда скрыта от глаз людских, а то и вовсе пропасть.

Будем радоваться тому, что этого не произошло!»

Теперь-то защитники Шолохова обладают более чем весомым аргументом. Лучше уж поздно, чем никогда.

А все «антишолоховедение» — и раннее, и позднее — строилось практически на «зере», на полной пустоте. Нет и никогда не было ни одного убедительного доказательства существования некоего «праавтора» романа, а все лже-доказательства легко разбиваются элементарной проверкой, так как основаны не на истории и не на литературном исследовании, а на явных, неприкрытых чувствах злобы, ненависти, зависти. Для них Шолохов виноват изначально — безо всяких сомнений — и вся их деятельность есть стремление доказать его вину. Особенно яростным и непримиримым «антишолоховцем» является бывший советский, а ныне израильский литературовед Зеев Бар-Селла. Вот, к примеру, один из его выводов о существовании некоего «прототекста» романа:

«Затуманенный и далекий взгляд Корнилова бродил где-то за Днестром, по ложбинистым увалам, искромсанным бронзовой прожелтенью луговин.

Романовский проследил за его взглядом и сам, неприметно вздохнув, перевел глаза на слюдяной глянec застекленного безветрием Днестра, на дымчатые поля Молдавии, покрытые нежнейшей предосенней ретушью...».

Бар-Селла утверждает: Шолохов, переписывая чужой текст, все перепутал! Город Могилев, где происходит действие, в самом деле, на реке Днепр, но полей Молдавии из него увидеть невозможно. У истинного автора, дескать, разговор этот происходил на Днестре, в городе Могилев-Подольский, откуда до Молдавии рукой подать. При этом его не смущает, что штаб Корнилова в действительности был в Каменец-Подольском. «Настоящий автор романа, — объясняет Бар-Селла, — стал жертвой чьей-то ошибки, перепутав Каменец-Подольский с Могилевом-Подольским. Могилев, мол, был у всех на слуху. А уж потом этот текст попал в руки Шолохову, который запутал все окончательно». Словом, кто бы ни ошибался, всюду Шолохов виноват.

Ф. Кузнецов легко разбивает этот надуманный «довод». На самом деле Шолохов, описывая разговор Корнилова с Романовским, стремился передать глубину переживаемого им потрясения. Корнилов только что узнал: армия в Петербурге его не поддержала. Он говорит: «Рушится все! Нашу карту побьют...» и «...суетливо выкидывая руку, пытался поймать порхавшую над ним крохотную лиловую бабочку...» «Сегодня я видел сон... Мы шли в горах, и уж как будто бы не в Карпатах, а где-то в Афганистане, по какой-то козьей тропе...»

«Легкий сквозняк шевелил на столе бумаги, тек между створок раскрытого окна. Затуманенный и далекий взгляд Корнилова бродил где-то за Днепром, по ложбинистым увалам, искромсанным бронзовой прожелтенью луговин...»

Романовский проследил за направлением его взгляда и сам, неприметно вздохнув, перевел глаза на слюдяной глянec словно застекленного Днепра, на дымчатые поля Молдавии, покрытые нежнейшей предосенней ретушью».

Только глухому к образной литературе читателю не ясно, что «затуманенный и далекий взгляд Корнилова», а следом — Романовского — не реальные взгляды из окон Ставки Верховного главнокомандующего, а воспоминание из глубин человеческой души. Текст этой сцены неоднократно переписывался Шолоховым, имеет множество вариантов и поправок.

«Перед нами — утверждает Ф. Кузнецов, — тайный, составляющий святая святых художника мучительный творческий процесс, воочию раскрывающий рождение высокой прозы».

Еще одно из расхожих суждений «антишолоховедов» о романе: третья и четвертая книги значительно ниже в художественном отношении, чем две первые. По их мнению, они написаны «другим языком», что, якобы, и доказывает присутствие в первых книгах романа «другого, первичного» автора.

Справедливости ради, надо признать, что некоторая разница между первыми и последними частями «Тихого Дона» действительно имеет место. Но следует иметь в виду, что и написаны они с разницей в десяток с лишним лет. Роман заканчивал уже не юноша, но взрослый человек. Здесь больше внимания уделено действию, изложению реальных событий. Но ни художественности, ни поэтического языка автор ни в коей мере не утратил.

Вот начало одной из глав третьей книги:

«Снег падал и таял на лету. В полдень в ярах с глухим шумом рушились снежные оползни. За Доном шумел лес. Стволы дубов оттаяли, почернели. С ветвей срывались капли, пронзали снег до самой земли, пригревшейся под гниющим покровом листа-падалицы. Уже манило пьяным ростепельным запахом весны, в садах пахло вишенником. На Дону появились прососы. Возле берегов лед отошел, и проруби затопило зеленой и ясной водой украинцев...»

А вот отрывок из четвертой книги:

«Вечерами горели на западе вишнево-красные зори. Из-за высокого тополя вставал месяц. Свет его белым холодным пламенем растекался по Дону, играя отблесками и черными переливами там, где ветер зыбил воду легкой рябью. По ночам, сливаясь с шумом воды, так же неумолчно звучали над островом голоса пролетающих на север бесчисленных гусиных стай. Никем не тревожимые птицы часто садились за островом, с восточной стороны его...»

Сравните эти фрагменты с предыдущими, что мы рассматривали выше, и вы ясно увидите, что это, несомненно, один язык, один голос — ясный и сильный, с широчайшим руслом и чистой глубиной, подобный водам самого Дона.

Последняя часть романа, в основном, посвящена душевным терзаниям главного героя. Человек земли, он не может жить без земных радостей — мирного труда, забот о семье, любви к детям. Гражданская война лишила его всего, ради чего он, собственно, и участвовал в ней. Война отняла у него дом, детей, убила его жену. Как затравленный волк, рыщет он по лесам и степям, не умея вернуться с повинной и не в силах более жить без родных.

«А однажды, бесшумно подойдя к берегу, Григорий увидел неподалеку от острова большую стаю лебедей. Еще не всходило солнце.

За дальней грядиной леса ярко полыхала заря. Отражая свет ее, вода казалась розовой, и такими же розовыми казались на неподвижной воде большие величественные птицы, повернувшие гордые головы на восход. Заслышав шорох на берегу, они взлетели с зычным трубным кликом, и, когда поднялись выше леса, — в глаза Григорию ударил дивно сияющий, снежный блеск их оперения...»

Так непрямолнейно, через сторонний, казалось бы, образ вольных лебедей Шолохов показывает пришедшее все же к Григорию прозрение и покаяние. Словно ангельский свет озарил его. Любовь к детям, к родной земле оказалась сильнее гордыни, сильнее страха. Все сразу стало легко и просто. Он должен вернуться домой, даже если там его ждут суд и наказание.

«Григорий бросил в воду винтовку, наган, потом высыпал патроны и тщательно вытер руки о полу шинели.

Ниже хутора он перешел Дон по синему, изъеденному ростепелью, мартовскому льду, крупно зашагал к дому. Еще издали он увидел на спуске к пристани Мишатку и еле удержался, чтобы не побежать к нему.

Мишатка обламывал свисавшие с камня ледяные сосульки, бросал их и внимательно смотрел, как голубые осколки катятся вниз, под гору.

Григорий подошел к спуску, — задыхаясь, хрипло окликнул сына:

— Мишенька!.. Сынок!..

Мишатка испуганно взглянул на него и опустил глаза. Он узнал в этом бородатом и страшном на вид человеке отца...

Все ласковые и нежные слова, которые по ночам шептал Григорий, вспоминая там, в дубраве, своих детей, — сейчас вылетели у него из памяти. Опустившись на колени, целуя розовые холодные ручонки сына, он сдавленным голосом твердил только одно слово:

— Сынок... сынок...»

В этой, чисто и пронзительно выписанной, финальной сцене Шолохов поднимается до высот библейской притчи, переосмысливая ее на свой лад, в соответствии своему времени. Покаяние блудного сына заменяется здесь покаянием коленопреклоненного перед сыном отца. Мифологический, праязыческий мир книги, обожженный пламенем схватившихся насмерть страстей и гордынь, завершается христианским прозрением.

Последняя фраза «Тихого Дона» содержит в себе еще один мощный, парадоксальный, будоражащий воображение читателя образ: «огромный, сияющий под холодным солнцем мир». Мир с холодным солнцем, мир, совершенно непригодный для жизни без тепла человеческих чувств и света сердечных радостей, мир, с которым роднит Григория единственно доверенная ему душа — сидящий на его руках маленький сын.

Не видеть действительного величия писателя Шолохова — или от глухоты, или от лукавого.

Однако и Бар-Селла, и Л. Кацис, и И. Томашевская, и господа Макаровы, и другие из их компании не ограничиваются чисто литературными придираками. В ход идет все — и оскорбления личности, и издевательства, и откровенная клевета.

Читаешь весь этот бред, и невольно возникает мысль: а зачем им все это? Что заставляет примыкать к ним историка Р. Медведева или писателя А. Солженицына? Что, например, этому, нашедшему свое место на исторической родине, «литературоеду» Бар-Селле до *нашего* романа и до *нашего* писателя?

Ответ напрашивается простой — непонимание, зависть и ненависть. Так некогда салтыково-щедринский Угрюм-Бурчеев стоял на берегу вольной реки, смятенный ее силой и свободным течением. «Не понимаю, — повторял он без конца, — не понимаю... Зачем?» И никаких других мыслей не было у него, кроме как «остановить, завалить, уничтожить» то, что он «не понимает».

Великий роман, великий писатель — всегда как бы тело кита для сонма рыбок-прилипал. Чем крупнее произведение или автор, тем больше возможности пожить в его тени, изучая, анализируя, систематизируя. Тут тебе и кандидатские, и докторские, и просто возможность прокормиться. Но это еще не беда. Рыбки-прилипалы стараются бегать своего кормильца.

А вот их аналоги в мире человеческом все чаще действуют наоборот. Они умудряются делать себе имя и на разрушении, на уничтожении того, за чей счет живут и кормятся.

Примеров тому все больше и больше. Далеко не один Шолохов пострадал от такого рода литературных пираний.

На самом-то деле, кто написал «Тихий Дон», было всегда хорошо известно всем здравомыслящим и недугавым людям, в том числе Нобелевскому комитету. Но теперь, когда рукописи найдены, выкуплены и обнародованы, имя Шолохова надежно защищено от оговоров и клеветы.

И все же рано успокаиваться: «антишолоховедение» не сложило свое нечистое оружие. Они жизни свои, свои карьеры построили на очернительстве, они просто не могут, не имеют права признать свое поражение. Они еще нацелят и на Шолохова, и на других недоступных их пониманию и потому ненавистных им народных гениев свои злобные перышки.

Будем же начеку! Давайте научимся защищать свои святыни. Будущее народа определяется его отношением к вечным ценностям. Обережем наше лучшее для будущих поколений, чтобы и они могли «зачерпнуть шеломами чистой воды из «Тихого Дона».

г. Еманжелинск

Юлия Ёлгина

И в праздничную пору благодатную

Встреча с детством

Присыпаны инея пудрой
Кафтаны зелёные сосен.
В одно ясноглазое утро
Стал Северным Южный Урал.
Жар-птицею поздняя осень
Махнула крылом над запрудой,
И тенью по горным откосам
Скользнув, её образ пропал.

...И с неба сначала рассеянно,
Потом всё дружней и дружней
Мукой, через сито просеянной,
На свет городских фонарей
Летели снежинки морозные,
Уютнее делая ночь.
И взрослые люди серьёзные
Спешили от снов своих прочь

На встречу желанную с детством,
И радость не знала предела,
Ведь первенец — снег — чудодейство,
Дарящее всем волшебство.
Он чёрное делает белым,
В подарок, припрятав наследство
С гирляндами праздничных елей
И добрым смешным озорством.

...Тем временем в звёздной галактике,
От дремлющих крыш высоко,
Зима убедилась на практике —
Счастливыми быть так легко.
Снежинки летели без усталости
С прогнозом погоды в разлад,
Но вкупе с прекрасными чувствами,
И каждый был этому рад.

В шаре новогоднем

Пряничные домики в сахарной глазури
Медленно листают красочные сны,
Только мои мысли и чувства не уснули —
Искорками в небе теплятся они —
И зовут меня вернуться в детства дни.

Месяца небесного жёлтая гондола
Ночью пришвартована к звёздным островкам.
В сердце моём поровну радости и боли.
Спешно возвращаюсь к сладким миражам
По едва приметным давешним следам.

Светится от счастья дом надежд чудесных.
Заходить не стану — посмотрю в окно:
Бабушка за прялкой. Ей с подругой-песней
Запускать сподручнее в пляс веретено.
...Вот оно — любимое, кровное, моё.

Ветер на печной трубе соло исполняет.
Жаром огнедышит беленый камин.
Только сердце точно чувствует и знает —
Грусть в осадок ляжет от таких смотрин.
Два окошка смотрят вслед из-под седин...

...В шаре новогоднем за стеклянной стенкой
Так похож на детство сказочный макет,
Что средь будней скучных звонкой

переменкой

Выманил в счастливость беззаботных лет
Память — долголетия верного секрет...

Зимнее катание

Привет тебе, мой маленький философ!
Куда направишь бойкий бег полозьев,
Под кручу с полировкой наката?
Позволь, я встану сзади: буду рядом
Своеобразной частью кормовой
Для подстраховки или равновесья,
А ты в дуэте будешь — рулевой.
Рывком коротким трогаемся с места.

Зажмурился в упоении глаза,
Летим, забыв про ноги-тормоза,
Сердца несутся с гиком под обрыв.
Вдруг ветер, наши санки закружив,
Роняет нас в лоснящийся сугроб.
Под варежки крадущийся озноб
Нам руки холодит, но греет смех.
Ну, что, мой друг, в обратный путь — наверх?!

Садись: я старше, стало быть, сильнее.
Везу тебя по скользкой колее я.
Сегодня всё на свете для тебя —
Восторг и вкус ледышки на губах.
Пока ты мал, никто тебе не скажет:
Коль любишь ездить, саночки вози.
Наследуй каждый миг, всё будет важно
Во взрослости, маячащей вблизи.

Берёзка от Сваровски

Словно этой ночью сам Сваровски
Наше захоlustье посетил,
Платьице хрустальное берёзке
С роскошью по-царски подарил.

Утро в окна нам явило чудо
В облике берёзки колдовской.
Ветер, на реке морщинки сгрудив,
Думает о ней, забыв покой.

Смахивает с плеч её снежинки,
В кроне примостившись половчей.
Королевой — не простолюдинкой —
Быть ей до полуденных лучей.

Кто-то скажет: — Просто заморозил
Оттепель вчерашнюю октябрь,
Оттого застыл кристальной грёзой
Дерева ветвистый канделябр.

Это всё логично, несомненно,
Только не желаю в сказку нить,
Доводом таким обыкновенным
Рвать, позвольте вымысел продлить:

Радостным, чудесным настроением
Тихо волшебство прокралось в мир —

Людам на восторг и загляденье
Деревце украсил ювелир.

Денди зимы

Берёзы из слоновой кости
Притихли в муфтах снеговых.
Декабрь, — денди с белой тростью,
Фанат костюмов щегольских,
Не пожалев своих фантазий,
Придал земле жемчужный блеск,
Чтоб белый свет разнообразить
Добавил толику чудес.

И лес, снегами зачехлённый,
Напоминает старый дом.
Ручей, весной неутомонный,
Спокойно дремлет подо льдом.
В просторной липовой аллее
Деревья, как на дефиле,
Их, взглядом бархатным лелея,
Идет декабрь — кутюрье.

И расстилается дорога
Ковром персидским перед ним,
И зимних кружев недотрога
Витают в воздухе. Томим
Декабрь нежным вдохновеньем.
Снежинки в лёгкий снегопад
Рифмует он прикосновеньем
Души к тому, чем светел взгляд.

Торжество загадочных любителей,
Триптиха зимнего поэт,
Счастливых свадеб покровитель;
С ним снова моден белый цвет.
Встречаем новых будней снежность
И ждём с восторгом детским мы
Плывущий парусник надежды
По белым застругам зимы...

На площади Парадной

На площади Парадной диво — дивное:
Там ёлка новогодняя стоит.
На ней надета роскошь магазинная —
Такая, что в глазах слегка пестрит.

И ёлочки с пригорочка за городом,
Завидую той ели, говорят
Упрямо с нарочито звонким гонором:
— Нам тоже бы пошёл такой наряд.

— И не одна она такая статная;
Мы тоже и пушисты, и стройны.
И в праздничную пору благодатную
На месте этой ели быть должны.

И ёлочка-дюймовочка сказала им
 Не по годам серьёзно, но светло:
 — Она сумела радость подарить другим,
 Не пожалев отдать своё тепло.

— Быть центром волшебства легко?!

Так кажется

В мельканье броских красок и одежд;
 Не каждая из нас решит отважиться
 Исполнить чей-то перечень надежд...

Вальс снегопада

Раз-два-три, раз-два-три — в вальсе снежинки
 Плавно спускаются с низких небес.
 На безупречном снегу ни морщинки.
 Поздней зимы чёрно — белые снимки
 Сквозь снегопада легчайшую взвесь

чётко видны. Но не кажется строгой
 Внешность двухцветных гравюрных картин.
 Снежным бинтом растелилась дорога,
 По сторонам в одинаковых тогах
 Ели стоят в окруженье рябин.

Зиму напрасно ругают за колкость
 Хрустких морозов и выюг перепляс.
 Осени кляксы и смога прогорклость
 Мягко покрыла собою, и блёклость
 Красок размытых исчезла тотчас.

Снег безупречный — по детски раним он,
 Чутьочку грустен от нашей ходьбы.
 Птичьи следы, что канвой еле зримой
 В строки растянуты, кажутся мнимо
 Пробой пера чьей-то новой судьбы.

До наступления праздников шумных
 Есть ещё время предаться мечтам.
 Перебирая души своей струны,
 Стать хоть на йоту добрей и разумней
 От снегопада, летящего к нам...

Заснеженная Русь

Из дома светлым утром
 В карете я умчусь
 Взглянуть как перламутром
 Зима одела Русь.
 Встречай меня, хозяйка,
 Готовь свои дары.
 Пуховая лужайка —
 Вся в отблесках зари.

Берёзки-недотроги,
 Закутавшись, стоят,
 На белые дороги
 Задумчиво глядят,
 А в поле снег кристальный
 Сверкает, как слеза.
 Полны волшебной тайны
 Лесные голоса.

Мне зимняя природа
 В застывшей красоте
 Запомнится на годы
 И вспомнится везде.
 О радости недаром
 Писать я не берусь,
 Пусть вам её подарит
 Заснеженная Русь!

г. Сатка

Галина Федорова-Косарева

Кленовые листья

Оказаться в этой квартире Александру Александровичу, видно, было суждено судьбой. Здесь, где на стенах нарисованы летящие кленовые листья. Нет, листочки не падают, а летят, качаясь, потому что они не мертвые, они живые, играющие с ветром. Просто растут на ветвях какого-то большого дерева, не видного отсюда, из этого мира. Сан Саныч иногда задумывался: где же стоит это волшебное дерево?

Там, в том лесочке, под иным солнцем, наверное, он бы заранее все знал о своей жизни. И не делал ошибок. А в нашем мире понять мотивы поведения госпожи-судьбы для обычного смертного весьма затруднительно.

Да и что такое судьба? Есть некий промысел божий насчет твоего пребывания на этой грешной земле. И ты либо укладываешься в предложенный вариант жизни, либо не тянешь, — и эти же задачи, которое не решишь сейчас, придется еще не одно воплощение решать да сдавать перед высокой комиссией в посмертии. Быть двоечником совсем не стыдно. Особенно если этого закона не знать и о смысле жизни не слишком задумываться. Лишь о ее материальной стороне. Которая важна, конечно, кто ж спорит, но... Большинство на планете — двоечники. По несколько воплощений сидят в одном классе. Зато у них дачи, квартиры, машины... А по нынешним меркам еще и собственность где-нибудь в Ницце или Лондоне.

Впрочем, есть и другой вариант. Человек, как резвая лошадка, раньше срока проходит всю дистанцию, и время, ему отпущенное, экономит. И может много чего еще успеть в этой жизни, пока последний звоночек прозвенит. О таких говорят: состоявшийся, успешный человек. Талант. А то и гений.

Александром нравилось думать, что и насчет него у Создателя были далеко идущие планы. Он с самого начала попал в клан резвых лошадок. Вернее, родился в семье авиатора уже как член этого клана. Клана кадровых офицеров. Несколько поколений мужчины в семье были отличными служаками. Дед-генерал — героем Отечественной. Отец пошел по его стопам, стал военным летчиком. Отслужив положенное, не простился с небом, ушел в гражданскую авиацию. И сыну сказал: сначала погоны наденешь, а дальше решаешь сам. Вот Александр, особенно не трепыхаясь, после школы подал документы в военное училище. Определился в танкисты. Кажется, его линия жизни была прочерчена весьма определенно. Никаких отклонений ни вправо, ни влево.

Дитя царицы будет царевичем, а дитя кухарки — в лучшем случае продавщицей в супермаркете. И грозит ей — продавщице — незавидная судьба жены алкоголика, вечный мат вокруг и сплошная безнадежность. Закон клана действует жестко и бескомпромиссно.

Исключения из этого правила бывают, но всякое исключение только подтверждает правило.

Но в какой-то момент все изменилось. Это случилось, когда после училища положенные годы были честно отданы военной службе, и на Кавказе он уже отслужил, на собственной шкуре ощутив этот ужас, — все офицерство новой России направляют на Кавказ, как на практику. Пропускают через Кавказ. Чтобы почувствовали вкус крови. Прививочка такая. Защищать интересы олигархов, воевать за нефть, жизнь положить готов ли? Всегда готов! Была уже и жена с вычурным именем Гора-Гортензия и двое детей. Все, как и должно быть у нормальных людей, — и вдруг судьба Александра легла на крутой вираж.

Он демобилизовался и вместе с семьей вернулся в большой город, где жили родители.

Нужно было начинать новую тыловую жизнь. Начинать, можно сказать, с нуля.

Большинство бывших сослуживцев подались в бизнес или в охрану бизнеса, кормились возле криминала. Его такой расклад не устраивал. «Прощай, оружие!» — название популярного когда-то западного романа.

Пошел работать на завод, к станку. Благо технические дисциплины в училище преподавались на совесть, в голову на всю жизнь крепко запали. И проблем не было. Станочек, правда, высотой чуть не с трехэтажный дом, но ничего, он быстро освоил эту работу. Премудрость для танкиста-артиллериста небольшая.

Нужно было решать и проблему жилья. Родители звали к себе, трехкомнатная квартира. Места хватит. Но он уперся. Решили с Гортензией и детьми пока пожить на съемной.

Вот тут-то и возникло Дерево. В полуторке, которую они сняли в довольно удаленном районе, чтоб подешевле, стены были побелены и украшены серебристыми кленовыми листьями. Такой вот доморощенный дизайн прошлого века. Он хотел было заняться ремонтом, перебелить, обои, может быть, поклеить современные, но Дерево попросило его пока погодить.

Оно заговорило с ним, когда жена и дети уснули, а он все перебирал в мозгу свою жизнь, тасуя события, как карты, пытаюсь понять, почему в его-то зрелые годы он оказался у разбитого корыта. Такое вот нелегкое испытание выпало. Да, в стране все меняется, перестройка, коррупция, криминальный бизнес процветает... Но тем не менее нельзя же все валить на обстоятельства. Он сам-то когда, где, в чем опростоволосился?

— Вспомни, Сан Саныч, по молодости о чем мечтал? — вдруг услышал он голос. Шелестящий, несущий свежесть и чистоту.

Вначале ему показалось, что это он разговаривает сам с собой, и на автомате ответил:

— О театре.

Одноклассница тогда ему нравилась, умница-разумница со редким именем Климентина-Тина, все бегала в самодеятельность школьную заниматься, и он тогда за ней потянулся.

И Гортензия его сначала своим именем поразила, таким необыкновенным. Впрочем, Гора — это уже совсем другая история. Из другого времени, когда они, курсанты, готовы были на все, чтобы только женское тело ощутить, его запах вдохнуть. Непреодолимое притяжение округлостей. Ах, как она порхала в столовой, как летала по залу. Какие у нее были руки, когда она ставила на столы или убирала тарелки! В то время он еще не умел отделять физическое влечение от истинного чувства. Казалось, вот это оно и есть, большое счастье.

Лови его! Перед выпуском они сыграли веселую свадьбу — и вместе поехали в далекий гарнизон.

— Ага, вспомнил, Театр. И что же ты никогда так и не попробовал себя на сцене?

Тут уже Александр понял, что он разговаривает с Деревом. С Кленом. Что он не в квартире своей на кухне сидит, а на берегу реки расположился, на лужайке. И зеленое солнышко смотрит на него, а дерево — Господи, Дерево! — разговаривает. Как у Толкиена в его романах-фэнтези.

— Как же не попробовал?! — ответил он собеседнику, как бы не очень и удивляясь, и даже наслаждаясь новым пейзажем и этим странным ночным разговором. — Я во всех воинских частях, где служил, такую самостоятельность разводил, сам всегда и пел, и плясал... Помню, вышли ночью на лед Амура, в Новый год, и такой спектакль поставили... Какие были звезды над нами...

— Да ты романтик! Я искренне рад познакомиться, очень доволен, что судьба свела нас. Трудно жить, когда и поговорить не с кем. Слушай, а, может быть, ты пока никакого ремонта делать не будешь?! Иначе заклеишь обоями все стены — мы больше и пообщаться не сможем.

Человек мягкий и добрый, как многие люди богатырского телосложения, истинно мужественные, Александр не мог отказать своему новому Другу.

Но тут начала обижаться Гора. Она привыкла жить в ведомственных квартирах, безо всяких проблем, и, выйдя замуж еще молоденькой официанткой, уже более не работала, занимаясь детьми и домом. А тут, похоже, надо самой зарабатывать деньги. Мужу одному не потянуть. И куда идти?

— На курсы компьютерные! — это опять подсказывает Александру Клен. — Без компы нынче как без рук. Никуда!

Он-то откуда знает? Однако совет хорош.

Гора начала заниматься на курсах секретарш — и все даже пошло у нее очень неплохо. Только детьми ей теперь было некогда заниматься. Училась целыми днями.

Родители предложили, чтобы внуки пока пожилы у них. Временно. А на выходные будут приходить домой. Скрепя сердце Александр согласился. В самом деле, бабушка с дедушкой во внуках души не чаяли, а годами не видели. И детишки были на седьмом небе от счастья.

После курсов, которые стоили немалые деньги, — тут уж пришлось тоже у родителей в долг брать — лучшим из лучших слушателей было обещано трудоустройство. Гортензия оказалась среди самых смысленых, быстрых и аккуратных. И ведь трудоустроили. Гора, которая и всегда, как нормальная офицерская жена, тщательно следила за собой, стала мазаться еще ярче, одеваться еще тщательнее, благо пока у нее хватало тряпок, оставшихся от прежней жизни. Но она уже поговаривала, что мода не стоит на месте. И надо бы что-нибудь подкупить. И это новенькое появлялось. Блузочка. Туфельки. Сапожки. Александр говорил комплименты по поводу обновок. Но старался при этом особенно не вникать, почему и где что куплено. Не концентрировать внимания. Обманывал себя, наверное. Ну, работала жена. И покупает. Деньги она все равно не вкладывала в общий бюджет, в дом. Все заработанное оставалось у нее. На булавки, так сказать. Семью по-прежнему содержал и кормил отец. Как повелось издавна.

Но однажды Александр обратил внимание на новый перстень. Явно не дешевая бижутерия. Золото. И синий глубокого тона светящийся камень. Кажется, он называется сапфир.

— Гортензия, (в серьезные моменты он изредка называл ее полным именем, подчеркивая тем значительность, важность разговора) зачем ты так швыряешься деньгами? Это кольцо, наверное, стоит целое состояние. Мы же с тобой берем кредит на покупку квартиры. Я уже все разузнал, договорился, можно сказать. Давай обсудим... Я тут и планчик принес...

Гортензия однако совсем не проявила интереса к теме.

— Ах, какое состояние! Безделушка обыкновенная из газетного киоска. Что ты ко мне придираешься?! То не покупай, о поездке на Канары не мечтай! Машинешка какая у нас драная совсем! Садиться в нее стыдно! Не умеешь деньги зарабатывать, так лучше бы молчал!

Прежде от жены таких монологов он никогда не слышал. Всегда была внимательна, каждый его шаг угадывала... Старалась обеды повкуснее приготовить... С детьми уроки делала, книжки читала. А теперь и не спросит, как у Коли и Анюты дела в школе... И на столе теперь лапша, одна лапша!

— Сходи-ка с кольцом в ювелирный магазин-ломбард, спроси цену, — посоветовал ему как-то Клен, когда он, не в силах более жить в атмосфере подозрений, поделился своей болью с другом.

Сходил, спросил. Застонал от ответа ювелира. Эта безделица стоила столько, сколько он за всю свою жизнь не заработал и не сможет заработать никогда в будущем. Никогда.

Вернулся домой и тихонько положил перстенок на его обычное место на прикроватной тумбочке. Кажется, жена не заметила его отсутствия. А ведь надо жить дальше. Что же теперь делать? Гора ни в чем не признается, все идет как прежде. Но как прежде теперь просто быть не может.

Как же он так промахнулся с выбором самого близкого человека? Вот она, вторая его ошибка.

— А первая? — тихонько вступает Дерево. Оно все время тут, рядом, качает листьями, успокаивает. Утешает.

— Но ты уже знаешь, Клен, что первая — это неверный выбор профессии. Послушались родителей. Они, конечно, хотели как лучше. Продолжить династию. Но у меня ведь в жизни были совсем другие интересы. Теперь это мне ясно. Хотя служил я и сражался не хуже других, и ордена на груди. И сколько крови пролито! Разве об этом я мечтал в детстве, юности... Но так распорядилась судьба...

— Не терзай себя, не думай, что совершал ошибки. Это не ошибки, это этапы жизни. И ты был бы уже не ты, если бы что-то пошло по-другому. Ни одной строчки, ни одного дня не вычеркнуть. Военная служба — в гарнизонах и горячих точках — заранее запланированная часть твоей линии судьбы. Ты же сам, еще до рождения в этом мире, выстраивал ее. И Гортензия — тоже не ошибка. Ты в юности не сумел бы оценить другое, более нежное и возвышенное существо. Сломал бы, как дети ломают игрушки.

Теперь же все по-другому. Мирная жизнь. Что ж ты до сих пор в центр культуры ваш, заводской, не идешь? Там тебя все уже заждались.

— Соберусь, соберусь. А с Гортензией-то как быть?

— А зачем ты меня спрашиваешь? Ты ведь уже все решил.

Вот что он умел — принимать решения. Профессия научила.

Супруги развелись легко и без скандала. Оказывается, у Горы уже был составлен подробнейший бизнес-план ее дальнейшей яркой и богатой жизни. И Александру, Коле и Анюте в этом плане места не нашлось. Они остались за скобками. Потому Гортензия даже и не собиралась забирать детей у Александра. Вернее, у свекра и свекрови.

Оставшись один, Александр все свободное время стал проводить в центре культуры. Там занимался народный театр, ставили мюзиклы, а бывший офицер, умеющий петь и двигаться артистично и легко, вполне подходил на роли героя-любовника. Очень скоро Сан Саныч стал своим на заводской сцене, самым, можно сказать, необходимым человеком.

И детей отец решил к культуре приобщить. В школу искусств отвел. Чтоб учились петь, танцевать, музицировать. Он уже понял, как много потерял, не получив в детстве этих знаний.

Александр хотел, чтобы в будущем они могли сами, свободно, выбрать для себя ту стезю, которая сможет дать им счастье. Потому что заниматься любимым делом — это счастье. И еще, конечно, семья. Офицер знает, что значит надежный тыл. Его тыл оказался, увы, ненадежным.

Он стал рабочим на заводе. И очень неплохим артистом в народном театре. Так ему удалось преодолеть закон кланов. Он вырвался из границ своей касты, могучей, уважаемой касты воинов. Вышел за ее пределы. Хватит касте пользоваться им! Он больше не будет кормить ее своей кровью, своей жизнью. Отец в ее рядах пожизненно, как и дед был. А он вырвался! Он победил!

— Да что ты такое говоришь, Сан Саныч?! — засмеялся Клен, когда он поделился с ним своими размышлениями на эту тему. — Ты вырвался из касты? Да нет! Хотя, конечно, такое в принципе возможно. Если бы ты учился, учился, учился и стал, допустим, академиком. Тогда ты поднялся бы ближе к вершинке пирамиды. К Водителям человечества. Вошел бы в слой времени.

Или, напротив. Спился бы, отчаялся и опустился к основанию пирамиды, в слой пространств, попал в разряд бомжей, бродяжек, перебивающихся отбросами на помойках. Но ты, слава Богу, выстоял!

Это каста спасла тебя. Хотя я не люблю слов — каста, клан. Просто братство добрых Сил Света. Ты думаешь, по чьему приказу я тут веду с тобой душеспасительные беседы? Кто устраивает тебе отдых в санатории под зеленым солнцем? Иначе ты бы не выдержал тех стрессов, какие подкидывает тебе жизнь ...

Дело в том, что ты уже выполнил поставленную тебе в этом воплощении задачу. Ты мог бы погибнуть в последнем бою. Но ты ухватил себя за волосы и выжил! И теперь, тут, уже на гражданке, ты осваиваешь новую программу. Как бы другую уже жизнь живешь, но в том же теле. Вот тебе и трудно.

Тебя поддерживает братство воинов духа. Мы наставники лучших сынов нации, кадрового офицерства. Не оставляем и не оставим никогда своих друзей в беде. Ты вырвался из касты воинов? Смешно, право! Нет, ты был и остаешься солдатом, хотя и числишь себя по военному билету в запасе. Кстати, по-моему, тебе дали в последнем спектакле роль капитана корабля. Как ты думаешь, почему?! Да, совсем забыл тебе сказать. Уже подготовлены документы на выкуп этой квартиры. Да, в кредит. Но ты справишься.

Удивительные слова, утешительные слова, укрепляющие Дух слова. И это говорит просто Клен? Или он только ретранслятор чьих-то мыслей? Александр встал. Он обнял Дерево, как обнял бы друга.

— Спасибо.

Вечером на репетицию в театральную студию пришла заниматься новенькая — симпатичная, крепенькая, вся как наливное яблочко, девушка — по профессии своей на заводе программистка. Такая вот продвинутая молодежь. Почему-то она вдруг напомнила ему Климентину-Тину — девчужку оттуда, из давней его школьной юности. Глаза их вдруг, как бы ненароком, встретились, и между ними явно, ощутимо, зримо побежала светящаяся ниточка. Как будто кто-то ставил множество тире... Александр ощутил, что дыхание его вдруг сбилось. И подумал только, видна ли эта ниточка Света другим в этой комнате?

Вечером он хотел рассказать об этой встрече, о новом ощущении огромного счастья своему другу Клену. Однако Клен не отвечал. Уснул, наверное. Они, Деревья, такие сони... Александр тихонько погладил листья, летящие по стене. Шелестящие на ветру. Там, в мире, где солнце зеленое.

г. Челябинск

Галина Черепанова

Источный луч

Дорога в кротость

Положу я через пропасть
Боевой доспех.
Столь дорог! Дорога в кротость
Мне дороже всех.

Столь врагов! Снуют сквозь сердце,
Что порой невмочь.
И куда не знаешь деться,
Как себе помочь.

Плат Державной и молитва
Родом из огня!
Да очистит эта битва
Грешную меня!

Уфалейское гнездо

Бел туман над храмом тает,
Купол в небо прорастает,
Как лучами солнышка
Маковое зернышко.
Маковое зернышко,
Что живет на донышке,
Что на самом донышке
Во Центральном Солнышке.
Волчий Камень, Красный Камень.
Сполз туман в пихтову рамень,
В отчепамятный раздол —
Уфалейское гнездо.
Изумительный простор —
Царство леса, царство гор.
Глянь, какой сосновый бор —
Чистый дядька Черномор!
А туманец сонной птицей
Уже в городе гнездится.

Уфалейское подворье —
 Это сказка межигорья.
 Воробьиные края,
 Да хоромы воронья.
 Под заботливым крылом
 Скрыл туман их Белый дом.
 Воскричу, восплачу я :
 Ты ли, Родина моя!?
 Так и знай! Взойдет Ярило,
 Пламекрылое светило —
 Каждый тварный грешный дом
 Опалит святым огнем.
 Возликую в духе я:
 Здравствуй, Родина моя!

Смотрящий из меня

Ты тайну зришь, Смотрящий из меня.
 Мне ныне так нужна Твоя опека!
 А если Ты никто иной, как я,
 Но страдающая в чине человека.
 А если Ты — начало всех начал,
 Дитя Творца Божественной Природы?
 То кто ж меня воистину начал
 Рабой греха на паперти свободы?
 И волю дал. Что горная река,
 она летит во свет и мраки ада.
 А в сердце словно дышат два цветка:
 Один благой, другой исполнен яда.
 Я узник страха. Кто приговорил
 Мою на свет родившуюся душу?
 О, дайте мощь непобедимых крыл
 Взлететь, чтоб не трясли меня, как грушу.
 Не я ль смогла божественно любить,
 Не ублажая похотью утробу.
 Но дайте сил и время искупить
 Всю огненного духа тьму и злобу!
 А наша жизнь — подобие креста,
 Что принял ИИСУС в святые руки.
 Кто не давал уверовать в ХРИСТА,
 Как Бога, обреченного на муки?

Лицедей

Талантливый шептун, тушитель света
 В мильёнах отражений — жуткий спец.
 Я — ученица Нового Завета.
 Не заступай мне путь, проныра-бес.

Потомственный паяц превознесенный
 В своей гордыне сам себе не рад.
 Не заступи тропы благословенной
 — Несу в руках ключи от Божьих врат.

А что верней и круче Божьей воли
 — Восчувствуй, лицедей и дух астрал.
 Я отменяю все твои гастроли
 И закрываю вход в зеркальный зал!

Источный луч

Я Солнышко домой с собой несу
 Тебе, мой свет, мой милый сын, в наследство.
 Смотри, какую Бог создал красу,
 Зажег очаг, чтоб каждый мог согреться.
 Во всех мирах повыстроил дома
 Для тварей от червя до человека.
 Засыпал хлеб в пустые закрома.
 Живи, мой сын, и славь Творца от века.
 Мой светушка, умерим терпкий нрав —
 Пусть каждый нерв наш ровностию дышит.
 Дух-лихоим бесстрастию поправ,
 И ты, и я оплот воздвигнем выше.
 Не мысли в дебрях страха и судов —
 Один Судья, один Законодатель.
 Он праведен и в милости суров.
 Будь вечной совести и друг, и соискатель.
 Доверь ей все сокровища души .
 Нас учат, что Премудрость миром правит.
 Однажды мне пришлось быть жертвой лжи —
 И ты пришел в сей мир без всяких правил.
 Но знай, что я — твой вечный херувим,
 Источный луч земли обетованной.
 Прощу отца — ты был им так любим!
 А я — другим любима несказанно!
 А я тогда прелестницей слыла,
 Самолюбивой юной птичкой певчей
 И от себя, как тень, его гнала,
 А он опять искал со мною встречи.
 Я знаю, уготован нам венец
 Там, где воркуют сказочные реки.
 Прости, мой сын, что он — не твой отец,
 А я — не мать, счастливая вовеки!

Поклон

Зажгу свечу бесценную
 На праздник у икон,
 И маме в даль надземную
 Пошлю земной поклон.
 Рей, песня Херувимская,
 От Пресвятых Начал!
 Горит иерусалимская
 В моем дому свеча.
 Живой цветок трехпламенный —
 В три лепестка огня,
 И праздничный, и знаменный,
 И в сердце у меня.
 Вдруг молнией в безбрежное —
 Гнев Ангела времен:
 «Склонись, душа мятежная,
 Пред кротостью знамен!
 Возрадуйся, невольница,
 Избранница креста:
 Твой всякий грех покроется
 В святых очах Христа!»
 Горит свеча священная
 На праздник у икон.

Родная, драгоценная!
Дошел ли мой поклон?

Рождество 2009 года

Дитя леса

Я смотрю в свое окно
Прямо в лес, а там темно.
Все здесь непривычное —
Ведь окно больничное.
В скорбь увитые края!
Деревце, краса моя —
Глазки света ясного,
Листики атласные.
Что ж! Благослови меня,
Мальчик леса из огня,
Из огня зеленого —
Выйти исцеленною.

Матерь Мира

Дух Солнца заключил с Луной завет —
Дарить и отражать свой царский свет.
На Землю тайновидица в ночи
Ниспосылает царские лучи.
Внезапно в воздухе божественно возник
В живых лучах и стан, и женский Лик.
И вот, как говорят, ни дать ни взять —
Стоит передо мною Божья Мать!
И снежный кашемировый узор
На плечи упал Ей с лунных гор.
Весь облик — Слава, радость и восторг,
В очах — любовь, страдания и скорбь.
Как будто вся краса святых небес
Спустилась к нам предстательством чудес.
А на ладонях Девы Преблагой —
Как жертва Богу — хрупкий шар земной
И лестница спасения, что мост,
От жертвенника в лоно солнцезвезд.
Как свечка пред иконою стою
Душой и плотию в загадочном раю.
Светлым светло. И свет не превозмочь!
Всем приведи, Господь, такую ночь!
И слышит дух мой глас издалека,
Что жизнь и смерть ведет одна Рука.
Для вечности есть поприще креста —
Во искупленье кровию Христа.

Не имею права

Вещает православная держава:
Любить тебя я не имею права
Как я могу любить и как хочу.
Державный подвиг мне не по плечу.
Я говорю: иду на свет небесный
Сквозь огонь земной!
И это путь мой крестный.
Не зависать в неволе наслаждений,

А жить в пречистом трепете каждений.
Любить, как свет, касаться беспорочно —
Союз любви двоих Творцом упрочен.
За нелюбовь дороже я плачу.
Я в нежности твоей тонуть хочу.
А ты, как миф, как образ, как икона,
Как жребий свыше всякого закона.
Как персонаж из лучшей в мире сказки...
Где грань любви и грань мирской привязки?
Твой приговор звучал поныне дважды.
Как скажете! Уйти? Уйду однажды.
Уйду — совсем — смиренно — без возврата.
Лишь Бог поймет — безвинно виновата,
Ему судить, где страсти, где пороки.
Созреет дух в суждѣнные мне сроки!
И вот тогда Христос тебе откроет—
Какою я была и есть какою!
И примешь ты святую неизбежность —
Всю красоту души моей и нежность.
Но без меня! И в этом крест твой — тоже,
А мне ты стал и будешь всех дороже.
И не почти за брѣнность оправданья.
Как исповедь прими, и покаянье.

Душа сокровенная

Пресвятейшая тайна безвременья,
Полноты и движенья времен...
На вершине вершин, как на темени,
Расцветает всей Жизни Бутон.
Пресвятая София Премудрая —
Преподобная Матерь Небес!
Солнце — радость светов новоутрия —
Отражает Твой Облик и Блеск.
Ни моя ли душа сокровенная
Чудодейной Твоей лепоты
Воссияла святыней бесценною,
В дни зимы у меня во плоти.
Так от Солнца надземными вехами,
Искроносно межзвѣдно пыля,
Прилетели, приплыли, приехали
Мы на остров с названьем Земля.
Свет тебе, воздухов океания!
Благостыня Уральским горам,
Городку Уфалей, где в изгнании,
Обрели мы спасительный храм.

Росы

Знал мой бедный грешный пращур —
Род держающий,
Как бряцал кимвал звенящий
И сверкающий.
Главартист в планетной роли
Соблазнителя,
Что иголка в тѣмном поле —
Скрыт от зрителя.

В нашей доле больше горя.
Волей странною —
Все пути мои в просторе
Под охраню.

И на мой киот полночный,
Сердце радуя,

Непонятно как, но точно —
Росы падают.
Божье миро на иконах
Источается,
И душа святым канонам
Очищается.

г. В. Уфалей

В моей руке огонь любви священной Все не так

Все не так... Все не так... Все не так...
Все не так...
До огромной Вселенной раздули пустяк —
В ней нет света, а только лишь холод и мрак.
В студень дня, по живому, резак — все не так...
Я не та... Ну, прости же меня, я не та...
И в поступках, и в мыслях сквозит маета.
Мало места в бездонном провале листа.
Неужели опять все с нуля? Я не та.
Я тебя не виню... И себя не виню...
Я уже никого и ни в чем не виню.
Я сгорела в аду и воскресла в раю.
Как же сладостен миг — постоять на краю...
Может скажешь забытое слово: Люблю...

Неоконченный разговор

Когда прижмется отрешенность
К груди твоею головой,
Я дум своих неразделенность
Пытаюсь разделить с тобой.
Пространство скрадывает время,
Где в комнате лишь ты и я,
Там счастье в призрачном забвеньи
Само замкнулось на себя,
Там странных снов осуществленьи
И фраз непрерыванный полет,
Замысловатые сужденья,
Импровизация острот.
Там о любви без слов немало:
Движеньем говорят тела...
И я опять не досказала.
И что — то недопоняла...

Между явью и сном

...по хрупкой кромке сна блуждать
С намереньем — остановиться.
И обреченность проклинать,
И невозможность провалиться...

Ирина Светлова

Экспрессия

Разбей меня на тысячи осколков
И собирай нечаянность вина,
Среди воинствующих кривотолков
Не обретешь меня...

Зашторь дождями бесприютность ночи,
Допей осадок горьковатый дня.
Среди других, таких же одиночеств,
Не обретешь меня...

Поверь, когда последний жребий брошен,
Ждет памяти коварной польньи...
В далеко — близком неизбывном прошлом
Ты обретешь меня.

Потери

Не верю любимый, не верю
Ни солнцу, ни смеху, а жаль...
Потери, любимый, потери
Несутся в заклятую даль.

Усталость, мой милый, усталость...
Смириться бы, да вот беда:
Похоже, и я потерялась,
И с вихрем несусь в никуда.

А осень раскинула сети
И ловит нас — павших, живых...
Мы — странно — приемные дети
Невольных скитаний своих.

Зерно Истины

Оно внезапно обрело себя:
Проснулась память, всколыхнулись чувства,
Рождая из глубин небытия,
Путем деления клеток, плотный стусок.
И он ростком пробился сквозь асфальт
Привычных догм и строгих постулатов:
Бетонный горизонт и вертикаль —

Зеленая, по мареву заката...
 Возник толчок эфирно — волновой,
 Разрушив кристаллические звенья,
 И где — то там, под головной корой
 Все зерна спящие пришли в движение...
 Все Сущее, несущее в себе,
 В зародышах своих, Творца частицы —
 Творило Жизнь...
 Так было на Земле.
 И будет.
 И вовек не прекратится.

Июль. У озера

Когда вода — парное молоко,
 И у воды, в жару, все люди — братья,
 Вскипает в каждой клетке H₂O,
 Толкая в вод желанные объятья.
 На страже, за спиной, трепещет лес —
 Он к самой кромке берега подкрался,
 Ступил бы в отражение небес,
 Да слишком долго с духом собирался.
 А мы вошли. На выдохе. Легко...
 Нырнули в облака и плыли, плыли...
 Нас рыбами в глубины увлекло,
 Мы птицами над вечностью парили.
 И мы объединили все и вся,
 Сшивая солнца крепкими лучами,
 Весь этот мир замкнули на себя,
 В конце концов соединившись сами.

Не срок

Внутри бурлила и хрипела
 Измученно-больная кровь.
 Душа рвалась, рвалась из тела
 И в тело возвращалась вновь.

Но был не срок. И Там — не ждали,
 А здесь — бригада медсестер
 Стерильно — чистыми бинтами
 Пыталась потушить костер.
 И был не срок... Пылали свечи
 Зажженные на образах,
 И был событиям предтечный
 Взгляд Богородицы в слезах...
 Да, был не срок — часы очнулись,
 Мигнули, ускоряя ход,
 И здесь — все радостно вздохнули,
 А там — все знали наперед.

Центр Вселенной

Я — женщина, я — мать, я — центр Вселенной.
 Вокруг меня вращение миров.
 В моей руке огонь любви священной,
 Зажженный с незапамятных веков.

Мне кажется, хоть прошлое сокрыто,
 Но верится с годами все сильнее —
 Рожденная из пены Афродита
 Была родоначальницей моей.

К моим ногам склоняются герои,
 Стихи поэты пишут в тишине,
 Мне все дары — я знаю, что их стою,
 Но плач ребенка ночью тоже мне.

Мне вечное за всех переживанье,
 Семья — моих трудов мемориал,
 Моя забота, гордость, испытанье,
 Мой старт и утешительный финал.

Создателем придуманная хитрость:
 Адама с Евой неустанный спор.
 Но женщине — божественная милость:
 Ребро всем телом правит до сих пор.

Закон неизменности

Не горжусь... Не стыжусь... Да, бывали сомнения.
 Да, казалось, неправильно выбран был путь.
 В тридцать лет обрела вдруг свою точку зрения
 И об этом теперь не жалею ничуть.
 Изнывая от правды, от лжи с увереньями,
 В безысходности дней и ночном полусне,
 В сорок лет навсегда распрощалась с сомненьями
 И об этом сполна благодарна судьбе.
 На изломе пути вдруг пронзит озарение:
 Как же красочен мир и исполнен чудес...
 Кто-то станет молиться и жаждать спасения:
 В пятьдесят осознаешь — есть воля небес.
 Есть другие, незримые, вечные ценности,
 Как ни долог был путь, но к тому же придешь.
 Голос жизни звучит, как закон неизменности:
 Относись к людям так же, как сам того ждешь.

г. Еманжелинск

Валерий Мякушко

Последний рейс

Этот теплоход мне не понравился сразу — рваные пятна ржавчины на давно некрашеных бортах, растрескавшийся деревянный пол, одетая во что попало команда... Да и название «Баратя» вычурное и замысловатое, что обычно свойственно фирмам с сомнительной репутацией.

Такое настроение сказалось и на оценке соседа по каюте. Вполне приличный интеллигентный мужчина чуть старше пятидесяти, что меня вполне устраивало, ибо сближало интересы и пристрастия — я и сам уже близок к этому возрасту, но что-то в нём мне сразу не понравилось. Павел Трофимович, как он представился, снял свой пиджак и галстук, неторопливо и обстоятельно расположился со своими пожитками у койки напротив и в пространстве вокруг неё, корректно заняв ровно половину шкафа со своей стороны.

Если бы я купил путёвку на этот круиз сам, то, может быть, тут же её бы и сдал, но досталась она мне от профсоюза почти бесплатно, что стало большой редкостью, а, выходя, должна быть использована, раз взята. В конце концов, решил я, важен не корабль и сосед, а те места, которые собрался посетить и посмотреть в этом круизе. А сейчас собрался отдохнуть с дороги, после чего осмотреться обстоятельнее, узнать распорядок, маршрут и прочее из предстоящего путешествия.

Павел Трофимович, к моему сожалению, оказался разговорчивым человеком, что соответствовало, видать, его профессии учителя. Даже директора школы в последнее время перед выходом на пенсию, как я понял, чего он лишился в связи с ростом конкуренции за эту должность: в школах, преобразованных в муниципальные образовательные учреждения, директора стали получать зарплату в десятки раз больше коллег-учителей. Общая тенденция разрыва оплаты руководителей и остальных сотрудников! Павел Трофимович принёс кучу газет, взятых в припортовом киоске, и, прочитав что-то, сразу принимался комментировать вслух. О политике государства, его истории, культуре и нравственности, об образовании, конечно. Занудный человек!

— Знаете, как воспитывали в дореволюционной России? — вслух развивал он мысль, навеянную только что прочитанным. — Умели петь ноты с листа, знали наизусть авторов, начиная с древности. Такое образование обеспечило прорыв в культуре XIX—XX веков. Породило таких гениев как Толстой и Достоевский, Глинка и Чайковский, Шаляпин и Собинов... Всё это рухнуло после революции 1917 года.

— Гм! То, что вы говорите, Павел Тимофеевич, относилось только к избранным, к сожалению, — возразил я, несколько удивлённый такими рассуждениями профессионала образования. — А миллионы людей были безграмотны! Вот почему царская Россия не могла ответить на вызов времени, не могла осуществить технологический прогресс и бездарно проиграла все войны начала XX века. И вляпалась в полосу революционных потрясений. И лишь при советской власти вся страна села за парты и очень скоро, по историческим масштабам, почти не стало не умеющих читать и писать. Да и изучали больше физику и математику, чем древности. Отсюда победа в Великой Отечественной, выход в космос, и всё прочее. Правда, сейчас не умеющих читать и писать становится всё больше. Как и умеющих, но не желающих читать.

Спорить со своим соседом, да и кем либо вообще, в отпуске я не собирался. Хватало того и на работе, и дома. Тем более, что очень быстро у нас с Павлом Трофимовичем обнаружили весьма противоположные воззрения и убеждения. Не только на прошлое, но и настоящее. Поэтому, как только назревала дискуссия, приличия ради отделившись парой фраз, одевался и выходил на палубу прогуляться по кругу или постоять у перил да посмотреть на реку и её берега. Находясь там, невольно обратил внимание, что корабль наш идёт с каким-то небольшим креном, всё кажется будто поворачивает влево, хотя на самом деле идёт прямым курсом. Может, потому что, как я понял из разговора проходивших мимо членов команды, один двигатель барахлил. Потому и пришли на последнюю экскурсию с большой задержкой и прошлись по историческим местам галопом.

Вот и в тот вечер у нас назрела дискуссия. Павел Тимофеевич вдруг заговорил о преимуществах современной жизни, чем меня уже не удивил.

— Честно признаюсь — не вижу абсолютно ни одного, хоть малейшего, преимущества! — не выдержал я. — Хотя, объективности ради, пытался это сделать.

— А свобода?! В тридцатые — миллионы жертв...

Болтовню про эти миллионы я слышу уже двадцать лет! Особенно перед выборами. А если бы не читал газет и книг, то мог бы сказать, что вообще не было репрессий. Потому что нет ни одной знакомой мне лично семьи, где кто-то бы пострадал от них. Да, вот так! Но, поскольку всё же читаю, и не только вот это, — показал на его газеты, — то могу сказать, что шла борьба со всякого рода проходимцами, взяточниками и казнокрадами, окружавшими себя разного рода привилегиями карьеристами, бандитами и прочей сволотой. Типа той, что развалила СССР и ныне процветает на его обломках. А в борьбе, понятно, гибнут с обеих сторон, и виновные, и невинные. И праведники, и грешники. Да и развалили же не СССР тридцать седьмого года, а восемьдесят седьмого, когда была дана такая свобода, какой не было нигде, никогда, и нет донныне.

— А неэффективная отсталая экономика? — решил дожать меня собеседник.

— Экономика отсталая? Да мы до сих пор не можем достичь её уровня! — одеваясь, прервал я его. — А эффективность частной собственности вы можете оценить по этой посудине, — кивнул я на ободранную краску на стенах, пошатал сидением. — Заглянул я перед отъездом в Интернет и поинтересовался его собственниками. Владелец, по-русски — парходчик, раздал всё в аренду десяткам дочерних предприятий, а сам живёт за границей и стрижёт с них деньги. Вот и всё его «эффективное управление». Паразит самый настоящий! А тем, дочерним однодневкам, плевать на всё, лишь бы сорвать за навигацию куш побольше, а там — трава не расти. Вот никто и не ремонтирует эти суда, пока не сгниют. Лицензию на плавание либо за взятку получили, либо вообще её не имеют. Да так везде! Самолёты летают, пока не упадут, трубы ржавеют, пока не рванут... И так далее. Алчность — вот единственный их стимул!

И вышел. «До чего же тупой!» — поднимаясь на палубу, со злостью подумал про своего соседа, а успокоившись, стал размышлять — откуда у этого человека, всё получившего в советское время, и ничего сейчас, судя по его положению, столь неадекватное мышление. Директорская привычка безропотно смотреть начальству и власти в рот? Мазохизм русского человека, готового, или даже стремящегося к страданиям ради своей веры? Так и ничего не поняв, решил как буду вести себя дальше, чтоб избежать неприятных эмоций — вернувшись в каюту, скажу: отныне разговариваем только о футболе, хоккее, или в этом роде. О женщинах, в конце-концов. Вон сколько их ходит по палубе, обнажённых больше некуда, с интересом поглядывают даже в мою сторону. Мужчин почему-то значительно меньше. Да и те ходят слегка подвыпившими, или же сидят в каютах, как Павел Тимофеевич.

* * *

Так я стоял у борта, окончательно успокоившись и глядя на темнеющий контур пустынного берега. Зажглись бакены. За спиной проходили туристы, многих из них я уже узнавал — как сидящих рядом в столовой или по совместным экскурсиям. Бегали туда-сюда дети, излишне резво для судна на воде. Играла музыка, всё та же, с поднадоевшими вездесущими эстрадными звёздами.

Я стал подумывать, что пора вернуться в каюту, как вдруг почувствовал, что палуба под ногами поднимается вверх. Поначалу мне показалось, что это просто крен при развороте, но уж очень крутой; когда же противоположный берег поплыл вниз, меня пронзило предчувствие какого-то страшного происшествия. Раздались крики, звон битого стекла и глухие удары, ноги мои соскользнули с пола и уперлись в стенку кают, а перила, за которые я держался, с нарастающей скоростью взлетали вверх. Сели на мель? В следующий момент ноги мои потеряли опору, руки мгновенно разжались от перегрузки и я полетел в неизвестность, едва успев сгруппироваться. «Оверкиль!» — промелькнула страшная догадка. Удар о воду на некоторое время лишил меня сознания, но в прохладе быстро пришёл в себя и вынырнул. Картина страшная — корабль на боку, всё ещё сияющий огнями, даже из-под воды, истошные крики, женские и детские, и кругом едва видимые в темноте головы людей, которых сносило течение. Первая мысль была о том, что, раз я на плаву, надо бы кого-то спасти. Но течение сносило и рассеяло всех, и совершенно непонятно было кто где, и что с кем. Тогда я понял, что надо выбираться из этой кутерьмы самому. Прикинул, что до берега, судя по расстоянию, доберусь без проблем, но тут почувствовал резкую боль в левом плече — где-то всё же зацепило при падении. Значит, придётся грести одной рукой, плыть на бок. Впереди просматривалось поворачивающее направо русло реки, и я сообразил,

что надо брать влево, чтоб течение прибило к берегу. Оглянулся — кругом уже никого не было видно, и теплохода тоже. Неужели утонул?!

Меня снесло на несколько километров, прежде чем я нащупал ногами дно. Теперь можно сказать, что я спасся, но не было радости, а скорее чувство исполненного долга перед собой. С трудом вышел на пустынный, поросший мелким кустарником берег. Устал и продрог, сел на песок. Обуви на ногах не было — стряхнул кроссовки для облегчения, вместе с носками. Мобильный телефон выскользнул, но зато кошелек запутался в боковом кармане мокрых брюк, и документы застёгнуты в рубашке. Значит, будет на что добраться домой. Сумка со всем остальным, конечно, пропала, но сейчас нет никакого сожаления о ней.

Отдышавшись, я решил отжать одежду и двинуться куда-то, и тут заметил, что к берегу прибило какой-то округлый предмет. «Кто-то с теплохода!» — догадался я и ступил в воду. Точно, это был человек, недвижимый и, очевидно, утопший. Я нащупал холодную скользкую его руку, и потянул его из воды, потом за две руки вытащил на берег. Вглядевшись в лицо под слипшимися волосами, клетчатую рубашку, я... узнал своего соседа по каюте. Присмотрелся к руке — точно, перстень на правой руке, который я видел, когда он держал газеты. Не удалось выбраться из каюты! Да и возможно ли было это сделать в опрокидывающемся судне?

Теперь уже следовало ожидать утра и появления спасателей.

Я сидел рядом с телом Павла Тимофеевича, временами поглядывая в его сторону. «А ведь он спас мне жизнь!» — вспомнил, что как раз из-за начавшегося спора с ним ушёл на палубу. «И вот так определилось кто из нас в том споре был прав!» — подумал с горечью.

* * *

Остаток отпуска я проводил на Украине. И, конечно, поинтересовался как там обстоит с безопасностью на водных магистралях. Оказывается, нет проблем — речные перевозки давно прекращены, порты закрыты. Разве что возят отдыхающих вдоль берегов Чёрного моря (теперь дайвингом то называется), и недавно там опрокинулся катер — загрузка втрое превышена, ни одного спасательного средства на борту, капитан без права управления, да и пьян.

г. Снежинск

Любовь Власова

Стану я колючая, как роза

Недоступная

Я крашу губы ярким цветом,
Стрелки на глазах я подведу,
И с прической новой этим летом
Всех мужчин подряд с ума сведу.

Я надену юбку по колено,
Туфли на высоком каблуке
И себе понравлюсь откровенно
С маленькою сумочкой в руке.

Ногти я крашу перламутром,
Подберу красивое колье.
Я хочу затмить всех этим утром,
Быть хочу достойной королей.

Выйду, по тебе еще скучая,
И пойду по городу одна,
Все косые взгляды замечая,
На губах улыбка, как струна.

С виду недоступная такая,
Чтобы каждый это мог понять,
Прямо и уверенно ступая,
А в душе волненье не унять.

Если я тебя с другою встречу
И хоть будет все в душе кипеть,
Я пройду и просто не замечу
И смогу обиду всю стерпеть.

Стану я колючая, как роза.
Также больно уколоть смогу.
Знаю, неприятно, ну и что же,
Не останусь у тебя в долгу!

* * *

Сколько лет? Сколько зим?
Ты с другой, я — с другим
Разделяем семейное ложе,
Как чужие живем,

Врозь и ночью, и днем,
На счастливых совсем не похожи.

Много весен подряд,
Тусклый пристальный взгляд
Видит каждый случайный прохожий,
Сколько зим? Сколько лет?
Тот затерянный след
На далекую юность похожий.

Все по-своему чтут
Свой семейный уют,
Лишь душой ощущая потерю,
После встреч и разлук,
После длительных мук,
Я в любовь, к сожаленью, не верю!!!

Лиственница

Лиственница в парке пожелтела,
Все иголки выкрасила хной,
Очень посонерничать хотела,
С молодой красавицей сосной.

А сосна не красила иголки.
Осень мало краски развела,
Не хватило краски и для ёлки,
Что с березкой стройною росла.

Экспериментировала смело,
Осень, разукрасив все леса,
После краски вскоре облетела,
Лиственницы чудная краса...

Лиственница так переживала,
Что совет просила у сосны.
Лишь зимою плакать перестала,
Грустной оставаясь до весны.

А весна всех дождиком умыла,
Будто только этого ждала
Всех водой весенней напоила,
И опять всем косы заплела.

Лиственница снова красовалась,
Распустив иголки на ветру,
И к сосенке нежно прижималась,
Узнавая в ней свою сестру...

Лопух-барон

Средь табака и мальв лопух один,
Вальяжно рос в тени, как господин,
Закрыв своими листьями газон,
Он этой ночью видел дивный сон:

Приснилось, глупому, что он — барон,
Что в мальву он в высокому влюблен,

Она была стройна, мила собой,
И потому, довольная судьбой.

Своим соседством он один гордился,
Доволен был, что рядышком родился,
И не гадал вальяжный наш лопух,
Что средь цветов переводил лишь дух.

Он рано утром с солнышком вставал,
Его садовник местный поливал.
Себе казался он — барон, и вот,
Его заметил главный цветовод.

А я признаюсь вам, как на духу,
Завидовал напрасно лопуху,
Его обильно вроде бы полили,
И как сорняк ненужный удалили...

Такой неутешительный финал,
Лопух-барон никак не ожидал!

Послание дождя

Дождь пишет мне посланье на окне,
Я, как назло, не разберу ни строчки,
А вдруг оно написано не мне?
Какие-то все точки, да кружочки.

Слова шифрует мне осенний дождь,
А я не знаю дождевого шифра,
Никто не может в этом мне помочь,
Ни буквы не знакомы мне, ни цифры.

Я постою немного у окна,
Поскольку все еще сомненье гложет,
Сегодня ночью полная луна,
Мне разгадать послание поможет.

А дождь стучит по мокрому окну,
И усыпить пытается, как прежде,
Но я сегодня долго не усну,
Знать истина рождается в надежде.

Дождь пишет мне посланье на окне
Слезами по стеклу о жизни личной,
А вдруг оно написано не мне?
Читать чужие письма неприлично!

Не простил

Все прошло, и душа отболела,
Но в глазах появился укор,
Как любила, страдала, жалела
Вспоминаю с тоской до сих пор.

Этот взгляд, что до боли знакомый
Стал колючий, холодный, чужой,
Ненасытный, набитый оскомой,
От того, что не стала женой.

Я по взгляду его понимала,
Много лет он обиду таил.
От волнения сердечко сжимало,
Что меня он еще не простил!

Отпусти, не держи зла, не надо —
С губ пытались сорваться слова,
А в душе появилась досада,
Может быть я была не права?

Жестокая память

Одна паутинка из бабьего лета
Напомнила мне о былом,
Как будто бы тонкая ниточка эта
Хлестнула по ране кнутом!

Я думала рана уже затянулась,
Оставив лишь тоненький след,
Но снова о прошлом немного вскружну-
лось,
Хоть много прошло зим и лет.

Казалось простила, казалось зажило,
Но вновь разболелось, хоть плачь,
И все, что когда-то у нас с тобой было,
Напомнила память-палач.

И снова на миг мне опять показалось,
Как будто идем мы вдвоем,

Опять на руке паутинка осталась
И вспыхнуло сердце огнем.

Опять бабье лето меня обмануло,
Капкан паутинка сплела.
Она меня в прошлое вновь затянула,
Напомнила мне, как могла.

Тучи-кони

Словно бешеные кони,
В тучи сбились облака,
Их по небу ветер гонит,
Да осенняя тоска.

Им бы вволю порезвиться,
Только больно хлещет кнут,
Не желая покориться,
Кони в небе громко ржут...

Эхом грозным отдается,
Звук раскатистый с небес,
Это кони насмерть бьются,
Словно в них вселился бес.

Мечет огненные стрелы,
Громогласный злой горбун,
От того, как ошалелый,
Гонит ветер свой табун.

п. Красногорский

Валентина Харько

Хуторские рассказы

Эх, солома, ты солома

Очень любили мы играть на соломе, особенно в марте, когда снег начал подтаивать днем, а ночью подмерзал, образовав прочную ледяную корку. За деревней — поле, а там в ряд стоят стога соломы. До ближнего стога дойти проще, но здесь нас увидят и прогонят, поэтому мы уходили к третьему или четвертому стожку. Вот и сегодня — выходной, делать нечего, и мы, девчонки, потеплей одевшись, отправились кувыркаться на солому. Мы шли по твердому снежному насту, который кое-где проваливался. Оказавшись по пояс в снегу, звали на помощь, а потом уже всей гурьбой, звонко смеясь, барахтались в снегу, выползая на четвереньках на твердый наст. Вот и намеченный для игры стог. Галка достает тонкие длинные вожжи. Стожок крутой, заматан по всем правилам, хоть и присел за зиму, но со всех сторон, как непреодолимые стены. Мы завязываем на два-три раза узлы на обоих концах веревки. Галя, сильно размахнувшись, бросает узел, как камень, через стожок. Таня бежит на ту сторону. «Нет, не перекинула!» Кидаем все по очереди. Наконец получилось! Двое держат за узел веревку с той стороны стога и с этой стороны, натянув веревку и перебирая ногами, как альпинисты, остальные карабкаются наверх. Потом мы затаскиваем, стоя наверху, тех двоих. «Ура, мы на соломе!» Прыгаем, падаем, как на батуте. Но, разыгравшись, забыли про конспирацию.

— Нас заметили, — шепчет Таня, — бригадир верхом едет по дороге.

— А дорога от стога далеко, ему на лошади не проехать, в снег провалится, — засмеялась я.

И правда, копыта проваливаются, конь спотыкается. Мы сидим и наблюдаем, что же бригадир будет делать? Он слез с коня и пешком пошел к нам, что-то кричал и грозил кулаком.

— Эх, дядь Ваня, солому пожалел! — сказала Галя, и, взяв в руки веревку, первой скатилась на спине вниз. За ней скатились остальные, и пошли дальше от стогов в другую сторону. Бригадир, увидев нашу капитуляцию, вернулся, и уехал обедать. А мы, конечно, сдаваться не собирались!

— Пока все обедают, пойдем в прятки возле конюшни поиграем, там такие соломенные ямы, прятаться хорошо, — предложила я.

— Я боюсь, — сказала Зина, — отец увидит, накажет, знаете, какой он строгий.

Отец ее работал конюхом и гонял нас от конюшни беспощадно. Галя посмотрела на часы:

— Да он еще до двух часов будет дома.

И мы пошли. За конюшнями стояло много маленьких стожков, поставленных с осени. Но за зиму коням скормили почти всю солому. На месте стожков были ямы до земли, а вокруг из снега виднелась солома. Снег подтаивал, солому вилами конюх выдергивал и увозил своим лошадям. Кое-где соломы было еще много, можно было на ней попрыгать. Мы посчитались и пошли прятаться. Сыграв два-три кона, мы увидели, что за поворотом показался Зинин отец. Он нас заметил и так рассердился: одной рукой держит вожжи, погоняя лошадь, а в другой руке — вилы. Размахивая вилами, он кричит: «Сейчас я вас всех догоню, пузами вилы прокалю!» Он хотел сказать «вилами пузо прокалю», а получилось наоборот. Нам стало смешно, а Зина чуть не плачет:

— Спрячьте меня, а то он меня потом гулять не пустит, если сейчас здесь увидит.

— Давай мы тебя в солому зароем, ты только лежи там и не шевелись!

И мы побежали к дальнему стожку, который был вывезен наполовину. Мы разгребли с одного края солому, сделав глубокую яму, и закидали там свою подружку, потом спрятались за кучки соломы и стали ждать. Вот лошадь подъехала к первому «отметку», ко второму. «Ну что ж ты, дядя Коля, тормози, ведь там много еще соломы», — шепчу я, лежа в своем укрытии. Но он упорно едет дальше и останавливается там, где спряталась его дочь. Взяв вилы, ничего не подозревая, он втыкает их в солому, подхватывает навильник соломы и кладет на сани. У нас — мороз по коже, мы даже глаза руками закрыли. Кинув еще навильников пять, конюх развернулся и поехал на конюшню. Мы, не дожидаясь, пока он скроется, ползем к Зине, разгребаем ее и начинаем тормошить:

— Зинка, миленькая, ты живая, тебя отец вилами не проколол?

— Да нет, вилы втыкались рядом, меня не задело, но, знаете, как было страшно! Я больше никогда не пойду играть на солому! — сказала она, вставая и отряхиваясь. Мы переглянулись, тяжело вздохнув, пошли домой обедать, и уже точно на солому играть больше никогда не ходили.

Отомстили

Наконец-то наступила весна! Снег сошел быстро, ручьи отзвенели, появилась первая травка. Лес стоит еще голый, но на березах начали разворачиваться бледно-зеленые нежные листики. Они такие липкие и пахнут «веником», запаренным в бане. Природа, не торопясь, просыпается от зимней спячки.

Мы, старшекласники, учимся в первую смену, после зимних каникул смены поменяли. Встав пораньше, мы идем по лесной дороге, приглядываемся по сторонам: вдруг увидим подснежник или стародубку! Но цветов еще нет. Слышится утренняя перекличка птиц: вот кукушка считает нам года, а вот дятел простукивает дерево, там запел трелью соловей, а скворушка по-своему ему вторит. Солнышко уже взошло и первыми, еще косыми лучами осветило макушки деревьев.

Саша подошел к молодой березке и легонько пнул сапогом по стволу. Что это? Сверху вниз посыпались как маленькие ледышки майские жуки, звонко шлепаясь жесткими спинками о землю. Совсем еще сонные, недовольно журча и неохотно расправляя крылья, они ползали по земле, чуть взлетали, снова падали.

— Они еще не выпались! — засмеялась я. Галка наклонилась ко мне:

— Давай наберем жуков в промокашку и напугаем в классе кого-нибудь!

Мы достали промокашки, завернули в них по пять-шесть жуков и пошли в школу. На большой перемене я достала жуков и, взяв одного, посадила на голову мальчику. Жук запу-

тался в его кудрявой шевелюре, мальчик крутил головой, не понимая, почему окружающие на него смотрят и смеются. Потом жуков взяли пацаны и подшучивали над девочками. К концу перемены жуки все слетелись на солнечные стекла окон, жужжали и просились на волю. Ребята открыли створки рам и выпустили их. Прозвенел звонок на урок. Началась биология. Мария Викторовна, строго окинув нас взглядом, сказала:

— Так, начнем с домашнего задания. Отвечать пойдет... — она провела пальцем в журнале по нашим фамилиям, — Плетнев Гена.

Мы обрадовались: Генка учился хорошо, он за всех отговорится. Но что-то он мямлил, видно было, что не успел выучить.

— Подведи итог, какие бывают почвы? — подсказала учительница.

— Почвы бывают суглинистые, песчаные, черно... черно... чернозольные.

— Надо было сказать: черноземные.

Все засмеялись, а Мария Викторовна, побагровев от злости, закричала:

— Садись, два!

— За что двойку-то, я же все рассказал? — заныл Гена.

— Давай дневник, за поведение поставлю единицу, чтобы не грубил мне! — продолжала она кричать.

Мы опустили головы, внутри каждого кипела злость на такую несправедливость. Прозвенел, наконец-то, звонок. Каким длинным показался этот последний урок. Нужно было собираться домой, но мы сидели молчаливые, опустошенные.

— Ну зачем она так делает? Ведь она — учитель, должна быть доброй и справедливой! — сказала наша отличница Галкина.

— Доярка она, ей с коровами работать! — грубо изрек Сашка.

— А помните, что она вытворяла, когда мы в сентябре на картошке работали? — сказала Галя. И я вспомнила отчетливо ту неприятную историю.

У нас так заведено: в сентябре дети с пятого по восьмой класс работают на уборке колхозного картофеля. Директор объявил: «В понедельник приходите к школе с ведрами в рабочей форме, будем убирать картошку». В понедельник в восемь часов все четыре класса со своими классными руководителями пошли за деревню на поле. Там тракторист, прицепив картофелекопалку, ездил по полю по рядкам, и картошка крупная и мелкая ложилась поверх земли. С нами была Розалия Рудольфовна, наша милая и обожаемая классная.

— Ребята, объединитесь, кто с кем хочет, чтобы трое собирали, а один носил ведра, — сказала она, — и каждое звено займет три рядка.

Мы, три хуторянки, позвали Бориса, он согласился с нами работать. Работа шла скоро, мы собирали, а Боря носил по два ведра и вываливал в общую кучу, где сидел учитель и записывал, какое звено сколько ведер собрало. Устроили соревнования, все торопились, ребята с ведрами бегали бегом. Когда подвели итоги, оказалось, что наше звено намного опередило остальных. Кто-то нас хвалил: «Молодцы, хуторяне!» А кто-то подшучивал: «Работа дураков любит!» Никто ни на кого не обижался, главное, было весело, а еще нам привезли из столовой горячий обед. Пообедали и пошли домой. В таком темпе и в таком составе мы работали четыре дня, учителя каждый день менялись.

Вот наступил последний день, пятница. Нами руководить пришла Мария Викторовна, биолог. Начала свой рабочий день так:

— Так, хуторяне, вставайте по одному в отстающие звенья, научите их работать!

— Мария Викторовна! Картошку собирать все умеют, а вот подгонять их, я не буду. Кто как хочет, так и работает, — возразила я.

— Я кому сказала? Еще поговорите у меня! — закричала она. Мы молча разошлись по другим звеньям. Мои новые напарники нехотя собирали крупную картошку, а на мелкую наступали сапогом, вдавливая ее в землю. Я посмотрела, улыбнулась, а Сашка сказал: «За каждой мелочью кланяться — спина отнимется». Я тоже работала, как они, медленно, только мелочь не закапывала, а собирала, настроения не было. После двух часов работы Мария Викторовна пошла и посмотрела записи, какое звено сколько собрало. Злющая, прибежала к нам, собрала наше бывшее звено и начала читать мораль:

— Вы почему сегодня так плохо работаете?

— Работаем пятый день, устали, спина болит, — ответил Борис.

— А вчера не устали? Почему ваши звенья не лучшие, а худшие, отстающие?

— Если бы нас не разъединили, — возразила Галка, — мы и сегодня были бы лучшими.

— Ах, вы еще переговариваться со мной будете? Вон отсюда! Я вам по труду всем по двойке поставлю!!!

Мы взяли молча ведра и пошли домой. В понедельник мы утром сами пошли к директору и все ему рассказали. Он сказал: «Я уже все знаю. Спасибо за хорошую работу, идите на уроки в класс». Борис тоже все это вспомнил, говорит: «Девчонки, наберите в спичечные коробки майских жуков, да побольше, завтра у нас ботаника, увидите, что будет», — и хитро улыбнулся. На следующий день мы, взяв дома по три коробка, набрали жуков, принесли в класс и все девять коробков отдали ребятам. Вот и ботаника! Мария Викторовна вошла, поздоровавшись, села на стул и открыла журнал. И тут началось! Ребята выпустили из двух коробков жуков, жуки уже давно проснулись и охотно полетели искать себе пропитание. Жуки жужжат, и мальчики охотно им помогают: «Ж-ж-ж», вертят головами, следят за полетом. В классе шум, возня: кто жужжит, кто хихикает. Учительница встала, отошла от стола, посмотрела вверх: «Что это такое?»

— Не что, а кто, Марь Викторовна. Это жуки майские! — громко произнес Юра, — Давайте сегодня жуков изучать!

В это время с первой парты прямо на журнал вывалили жучков и прикрыли промокашкой. Марья Викторовна, взяв себя в руки, села на стул:

— Давайте заниматься, — но, увидев расползающихся по журналу жуков, снова вскочила, — откуда в классе жуки?

— В форточку залетели.

— Быстро закройте все форточки и начнем урок, — еле сдерживая гнев, громко сказала она.

Мальчики, неспеша, влезли на парты, создавая стук, шум, закрыли на шпингалеты форточки во всех пяти окнах, шумно слезли, сели, хлопнув крышкой парты. А те, что сидели за партами, опустошили еще шесть коробков. Жуки огромным роем кружились над нами, летели к солнечным окнам, стукались о стекла, падали. Учительница несколько раз пыталась начать урок, но ее голос тонул в этом жужжанье, да и мы делали вид, что наблюдаем за жуками, вертели головами и смотрели вверх. Нервы учительницы не выдержали, она стукнула кулаком по столу, схватив журнал, выбежала из класса и сразу — в кабинет директора. Хорошо, что он был на уроке, он вел историю. А мы, поставив к дверям «шухера», раскрыли все створки окон, благо на улице было уже тепло, жуки с радостью полетели на свежий воздух, ближе к природе, солнышку. Закрыв окна, мы сидели и улыбались, наконец-то мы отомстили! Прозвенел звонок и тут же вошел в класс директор, за ним покрасневшая от гнева, Мария Викторовна. Мы встали.

— Садитесь! — сказал он и, подняв глаза вверх, спросил, — А где же майские жуки?

Мы все, пожав плечами, весело смотрели на него: «Какие жуки?» Он вопросительно перевел взгляд на Марию Викторовну, та сконфуженно опустила глаза. Он конечно обо всем догадался, погрозил нам пальцем и ушел. А Мария Викторовна изменила к нам отношение: стала заискивающе-ласковой, угодливой и терпеливой, за что мы ее простили и даже полюбили.

с. Дубровка

Лидия Алексеенко

Счастье — в его ожидании

* * *

Уже мне никто не пришлет телеграмму,
Где будет одно лишь короткое: «Жду».
Роман этот жизнь переделала в драму,
В ней я к тебе мысленно вечно иду.

Уже никогда не прочту телеграмму,
Где давний твой зов, словно рана в груди.

Бывает, приснишься — как падаю в яму!
И сердце стучит безнадежное: «Жди»...

* * *

А мне отрадно быть свободной!
Легко нести давно зажженный свет,
И трепетно, любовью безысходной,
Любить того, кого на свете нет.

После праздника

Еще не сняли праздничный наряд,
Еще мерцают огоньки на елке,
А мысли прочь от суеты летят,
И за столом звучат о службе толки.

Мы привыкаем долго отдыхать,
Хоть можем и за сутки «оторваться».
Отметить так, что будет год «икаться».
Потом над этим долго хохотать.

Пленяет город праздничным убранством.
Но почему (мне не дано понять),
Гуляя, с неизменным постоянством,
Мы о работе думаем опять?

* * *

Праздник — в его ожидании.
Счастье — в мечтаньях о нем.
Что я скажу на прощание
Вам на перроне пустом?
Город, оставшийся в детстве,
Вы — незнакомый почти...
Будет наш «шарик» вертеться,
Но не сойдутся пути!
Вы ль задержались с признанием?
Я ль, в нетерпенье, ушла?
Счастье — в его ожидании,
Сколько хотела — ждала.

Замужество

Мы в бездне космоса пропали —
Осколки двух миров погибших,
Мы изначально не совпали:
Из двух — один был «третьим лишним».

Вечное

Любит — не любит... Все повторяется.
Вновь на ромашке судьба проверяется.
Счастье — несчастье, удача — беда...
Что с нами станет, где и когда?
Молодость знает — уверенно, смело,
Что невозможное сможет проделать.

Старость боится спугнуть ненароком
Хрупкий покой, уготованный роком.
Любит — не любит... А сердце все то же.
Сердце твое на мое так похоже!
Будем добрее друг к другу, мой друг!
Будет поменьше несчастных вокруг.
Любит — не любит... Все повторяется.
Только в любви наша жизнь продолжается.

Несбывшееся

(Читая А. Грина)
Несбывшееся все еще зовет,
Порой глядит печально издалёка,
Я в том уже не чувствую упрека,
Лишь сердце в этот миг слегка замрет.

Несбывшееся снова промелькнуло.
Как тень от птицы, у моих окон.
Хоть я давно не плачу ни о ком,
Но сердце бьется, сердце не уснуло.

Несбывшееся... А могло бы быть!
Как поздно вдруг приходит озаренье,
Что есть полет в мгновении паденья.
Который невозможно повторить.

Зимняя сказка

Играют переливы света.
На солнце снег горит слепяще,
Засыпав прошлого приметы.
Оставшись явью в настоящем.
Как накрахмалена, скрипит
Меж соснами лыжня, синяя.
И сердце радостно стучит
И вдруг печально цепенеет.
Во взрослой жизни нет чудес,
Увы, мне не вернуться в детство.
Не убежать на лыжах в лес,
В твои глаза не наглядеться.
Лишь неизменна синь небес.
Ах, эта глубина без края! !
Ведет лыжня в волшебный лес,
И я тебя там догоняю...

г. Еманжелинск

Я по улице гуляла

Разговариваем с внучкой

Разговариваем с внучкой,
Говорим и говорим.
Песню новую разучим,
И раз десять повторим.
Внучка задает вопросы.
И попробуй не ответить.
Ох и трудно нынче взрослым —
Любознательные дети.
Почему мурлычет кошка?
Как устроен телефон?
Ведь сегодня, точно мама,
Говорил с Ариной он.
Человечек в Мир приходит
И не знает ничего.
Как вокруг все происходит? —
Интересно для него.

* * *

Новый год. Я и внучка.
Нам совсем не скучно вдвоем.
Обняла маленькой ручкой —
Наполнился радостью дом.
В этой крошке все мирозданье,
Свет далеких планет в глазах.
И приходит вдруг осознанье,
Что качаю я мир на руках.

Первый снег

Для Арины снег, как чудо:
Каша манная повсюду.
«Столько каши я не съем.
И холодная она, и не вкусная совсем».

Колобок

Ну-ка внучка, помоги
Испечь бабуле пироги,
И ватрушки, и пампушки,
И извилистые плюшки.
Получилось все красиво.
Ешьте, ешьте — будет сила.
Внучка очень помогала,
Колобок сама скатала.

Вот испекся колобок. —
У него румяный бок.
Он от нас не убегает,
А во рту приятно тает.

Аппетит

С дедом мы пошли гулять,
Аппетита нагонять.
Так нам бабушка велела.
Тут же мы взялись за дело.
Я по улице гуляла,
И в песочнице играла.
Всю округу обежала,
Аппетита не встречала.
Нет, его я не боюсь,
Почему-то лишь смеюсь,
Думаю какой он? Маюсь.
Просто я его стесняюсь.
Я пришла домой, сказала:
Аппетита не видала!
А обедать с дедом села,
Все, что было, быстро съела.

Компьютер

Мой дедушка не знает,
как компьютер изучить
А я на нем играю,
все знаю, где включить.
И дед мой не на шутку
расстроился всерьез.
Спокойно разрешим мы
совместно тот вопрос.
Я дедушке, конечно,
науку преподам.
Свой опыт по компьютеру,
как есть, весь передам.
Ведь это все так просто
нам взрослых не понять,
Всю сложную науку
играючи познать.

с. Кичигино

Татьяна Ядренникова

Остудит слезы ветер февраля

Воскреси!

Подари свои признанья,
Как дарил мне их когда-то.
Воскреси во мне желанья
Невозможного возврата.

Чтобы снова закружилась
Голова моя от счастья,
Чтобы снова подчинилась
Я твоей великой власти.

Ты верни мне глаз сиянье,
Чтобы нежность излучали.
А твои слова признанья
С новой силой прозвучали.
И душа бы вновь запела
Широко и вдохновенно,
И легко бы полетела
К дальним звездам над Вселенной.

Прощанье

Я не забыла тот вокзал,
Твое лицо в полоске света.
И те слова, что ты сказал,
Не собираясь ждать ответа.
Твои слова свисток прервал,
Накрыла тень твоё лицо.
И медленно поплыл вокзал,
Блеснуло лишь мое кольцо.
А сумасшедший стук колес
В душе и сердце отдавался.
И поезд вдаль меня понес,
А на перроне ты остался.
Смотрю в вагонное окно,
Но ничего уже не вижу.
Все это минуло давно,
А мне становится все ближе.

Я не забыла то лицо,
Мелькнувшее в полоске света.
Зачем ты подарил кольцо,
Зачем, зачем? Но нет ответа.

Моя потеря

Печальный свет идет от фонаря,
И город спит под белым одеялом.
Ты уходил во вьюгу января,
А я тебя считала идеалом.
Прямую нить предательских следов
К утру прикрыла вьюга осторожно.
Под толщиной безжалостных снегов
Найти следы в сутробе невозможно.
Закружит ветер, жалобно скуля,
Оплакивая так мою потерю.

Остудит слезы ветер февраля,
И вот тогда в беду свою поверю.
В знакомый сад я выйду налегке,
Где в воздухе остатки вьюг летают.
Нет, это не слезинка на щеке,
А просто от тепла снежинки тают.

Ожиданье

(романс)

Унылость дождливой погоды
Уставшую душу томит.
Простились на долгие годы,
А память забыть не велит.
Живу с незакрытой калиткой,
Хоть время давно истекло.
И дождь с монотонной молитвой
Стучит мне ночами в стекло.
Считаю с сердечным надрывом
Морщинки на грустном лице.
А хлесткого ветра порывы
Смывают следы на крыльце.

Знакомые глаза

В людской толпе все лица, лица...
Гудят вокзала голоса.
И время длится, длится, длится,
И вдруг... — знакомые глаза!
И что-то в памяти проснулось,
Волной в груди отозвалось,
Как будто прошлое вернулось —
Стрелой мгновенно пронеслось.
Но те глаза пленяли душу,
Смотрели нежно на меня,
А эти смотрят равнодушно,
Спокойно, грустно, без огня.
И я не очень удивилась:
На склоне лет такой финал.
Я тоже, видно, изменилась —
Меня он даже не узнал...

Мои зеркала

Постарели мои зеркала,
Отражают потухшие взгляды.
Позабыли, какой я была,
И теперь мы друг другу не рады.
Не скрывают морщинки у глаз,
Не стараются спрятать тревогу.
Огорчая меня каждый раз,
Изменяют черты понемногу.
А ведь было, они иногда
Несравненную радость дарили.

И совсем не скрывая года,
Комплименты в лицо говорили.
Оказалось, себе я лгала,
Проявляя простую наивность.

Как любила я вас, зеркала!
И надеждой жила на взаимность.
п. Красногорский

Татьяна Оленева

77

Графоман № 34

И вот иду лихая, бесшабашная

А.С. Пушкину. Воспоминание о сказке...

Волшебной сказки дивный сон...
Красавицею покорён,
Влюбленный юноша, едва дыша,
Не сводит глаз с неё: «Как хороша!»
Но дар — цветок — небрежно теребя,
Та молвит: «Нет, я не люблю тебя».
Любовным жаром обожжён,
На поле боя рвётся он,
Не смерть, но славу возлюбя...
«Герой, я не люблю тебя».
О чаровнице возмечтав,
На годы книжным червем став,
Он ворожил, чтоб магию употребя,
Узнать: «Теперь люблю тебя!»
Но старицы седой горячий взор
Лишь напугал его — и он, как вор,
Ушёл украдкой, тяжело дыша...
«...А в юности была ты хороша...»

* * *

Атакует жёлтою россыпью
В лобовое стекло — листва:
Осень шествует шёлковой поступью,
Позолотой кропя дерева.

И летят телеграфные стрелы,
Остриём синеву буров'я,
К облакам, нарисованным мелом,
Или выше, взлететь норовя.

И несётся душа под 120,
Шар земной под колёсами мчит.
Может, чур! — от земли оторваться,
И айда на юга — как грачи?..

Где были ножки?

Где были
Ножки?
Топали
По дорожке,
Свернули
На тропинку,

Перепрыгнули
Ложбинку,
Вбежали
На мосток —
В ручеёк —
Скок!
Мокро,
Холодно,
Скользкое
Дно!
Бежать!
Домой!
Замёрзли!
Ой!

Диалог на конкурсе «Мисс бюст»

— Надутой кукле — виват, Россия!
— В чем сила, брат?
— Так вот в чем сила...
Глазей, Америка, жируй, Европа!
Арбузы — груди, две дыни — попа!
— А ткнёшь — пустая. Души-то нету.
Прос...ли душу. Дай сигарету...

Лимерики

*

Стихотворцам из города Сатки
Не проторены тропки, не гладки.
Есть стихи для души —
Меценат не спешит!
Вот и кажется жизнь не сладкой.

*

Повариха из города Сатки
С поваренком затеяла прятки.
Он потел, он страдал,
Но нашел, что искал —
Повариху, с капустою в кадке.

Казахстан. Степь

*

Розовый восход — чист и свеж,
Серебрятся инеем рощи цвета беж,
Голубая скатерть полей — гладка.
По степи дорога моя — далека...

*

Огненной лужицей закат — плавится.
Облака — в ряд. И глазу — нравится
Сиреневая нежность — горизонта,
Бездонная безбрежность — небесного зонта...

Канатоходец

Над бездной, через пустоту
Шагами точными бегу к заветной цели,
И руки сообщить сумели
Уверенность и моему шесту.

Толчок, прыжок и кувырок
Я сделаю легко на тонкой нити!
Мечта и Вера — Вы меня ведите,
И Бог, азартнейший игрок!

Дыханье затаив, народ
За мной следит влюбленными глазами
И ахает в один слитыми голосами,
Считая сальто каждый оборот.

Мне рукоплещет шапито —
Я твой кумир, неискушённый зритель!
Но шаг — и неба покоритель
С высот свержён — никто, ничто...

На лыжах

Пойдем гулять!
Снежки пулять,
На лыжах кататься,
С горы спускаться!
По лесу лыжня
Ведет меня —
Сосны, березы.
И не страшны морозы!
Шаг — другой,
Взмах рукой,
Палкой — отмашку,
Душа — нараспашку!
Вот спуск —
И сугроб!
Приехали. Стоп.

Ночь-хозяйюшка

Звезды смотрят сквозь прорехи
В темно-синем покрывале;
Ночь-хозяйюшка — огрехи
Зашивать начнет едва ли.

Ей опять неслышной песней
Непосед идти баюкать,
Веять сны поинтересней,
Глухо совушкой ухать;

Ветерком по веткам надо
Босоногой пробежаться
И туманною прохладой
К росной травушке прижаться...

Лишь потом усталым ликом
К небу Ночь оборотится —
Опоздала! Птичьим криком
Гонит Утро прочь сестрицу...

Одна на краю

Одна — на краю. И ветер ярится.
В нем — рокот волн и рык тигрицы.
Он зол и дик, и не просто свиреп —
Он равнодушен и глух, и слеп.

Ему все равно — листок ли унёс,
Иль человек покинул утёс.
И мне все равно — боль унёс мой вор.
Мой недобрый друг память сердца стёр.

Сценка из семейной жизни

— Анфиска, кушать. Что есть? Борщец?
Пойду прилягу, устал, капец.
Ну что ты встала, не заслоняй.
Там Быков нашим дал нагоняй,
Теперь начнется... Врагам — каюк!
Хоккей поднялся! Дай соль и лук.
Не мельтеши, не видишь — я шайбу жду.
Хоть наши в счете пока ведут,
Но результат же надо нам закрепить.
Анфиска, чё у нас есть попить?
Неси-ка водку. И стол протри.
Овечкин, друг! Четыре-три!
Красавец, шайбу еще давай!
Не стой, Анфиса, ну, наливай.
Чего застыла? Какой сериал?
Бразильское «мыло»? Хочешь скандал?
Я чё, под тачкой корячусь зря?
Я водку не видел еще с января.
И чё, что февраль, так третье пошло!
Расслаблюсь, и точка! Хочешь в мурло?
Кино ей подай, ишь, осмелела.
А чтой-то ты в будни наряд надела?

Бусы и серьги, и каблуки,
Прическа, и перстень блестит с руки...
Какая свадьба? Каких двадцать пять?
Что — наших? Иди... Охренеть, не встать.
Вот и жизнь пролетела. Да ты присядь...
Эх ты — мазила! Четыре-пять!!!

* * *

От планеты прыжком оттолкнусь,
Тонко крылышками звеня.
Обещаю, я скоро вернусь,
Чувство неба в себе храня.

Бабулино счастье

Рдею,
Млею,
Таю ...
До встречи минуты считаю —
Так растрёпанная, немного дурная,
Молодая бабуля смешная,
Бегу к центру мира я,
Лечу, растопырив крылья,
Переваливаясь, как утица,
С авоськами, где рыба и птица,
И хлеб насущный наш,
То ль лаваш, то ли матнакаш,
Туда, где мои птенцы —
Сами матери и отцы —
Но голодные, куда ж без меня?
И, последний этаж кляня,
Я взбираюсь в поту и пыли —
Далеко от грешной земли
Моё дитяtko свило гнездо!
Но усталость — на после, не до.
Волю ловко сожму в кулак:
Всё о`кей у меня, всё — так!
Ведь главное всего — она,
Опьяняющая без вина —
Нежность
К крохотному человечку,
Моей ласточке, рыбке, сердечку.
Моя внученька, мой малыш...
Ты пока только ешь да спишь...
Мой? Присвоила, как же. Наш!
Ты меня уже любишь, Саш?

С вдохновеньем я на «Вы»

Синекрылым дуновеньем,
Юным запахом листвы —
Прилетает вдохновенье,
С вдохновеньем я на «Вы».

Затаю на миг дыханье,
Все желанья затаю...
Краткий миг воспоминанья
По фужерам разолью.

Этот тост — за треволенья,
За рыдания души,
Волевой и дерзновенно-
строгий окрик мне: «Пиши!»...

Я Вам, гостя, очень рада,
Жду вас чаще, но увы,
Вы мне — редкая награда.
С вдохновеньем я на «Вы»...

Пятнадцатилетнему сыну

Той метельной зарею бессильной,
Зубы сжав, чтобы не закричать,
В дом единственно важный — родильный
Уходила я сына встречать.

Он неистово рвался к рассвету,
Я просила чуть-чуть потерпеть,
И короткую тропочку эту
Лишь за час я смогла одолеть —

Перебежками или вприсядку —
Меж сугробов одна голова —
Чтоб осилить жестокую схватку,
Замереть — чуть дыша, чуть жива...

И опять — не спеша, осторожно,
Опираясь на мужье плечо,
Я иду — только губы тревожно:
«Я смогу — мне же все нипочём...»

...Только час — и вся жизнь человечья
На развилке, распутье судьбы,
И уже не прошепчешь беспечно —
Вот и если бы, мол, да кабы...

Ты — моё неостывшее счастье,
Я тебя, мой родной, так ждала!
Я надену любимое платье
В этот День. «Здравствуй!
Мама пришла».

Хмельная и отвязная...

Хмельная и отвязная — прекрасная —
Развинченно-небрежно вдоль по улице —
Иду, с закатом не согласная,
И горизонт горушкой сутулится,

И облака кучны на удивление,
И небо фиолетово-прохладное.
А у меня — шальное настроение,
Я сладкая себе и мармеладная.

И на моё амбре как пчелы манятся,
Улыбкой озорной разбужены —
Все как один — красавцы и красавицы,
В соседи и сограждане мне сужены.

И вот иду, лихая, бесшабашная,
С разлету перепрыгивая лужицы,
Живая, ценная, и вся такая важная,
Развинченно-небрежно вдоль по улице...

Сто ролей

Потянусь в сладком полусне —
Евою в первый день творенья;
«С добрым утром», — зеркальной мне.
Приступаю к преображенью...

Поп-звездой с крыльца шагну,
Топ-моделью пройду валяжно,
Рысью ловко в такси шмыгну,
В офис дамой прошествую важной.

Буду «синим» весь день «чулком»,
При очках и прическе строгой.
«Мой дружочек, ты мне незнаком —
Неприступной сухой недотроге».

Солнце — к лесу. А я — к пальто
Крысой офисной просеменила.
В «море» жизни, как Ива Кусто,
Любознательность поманила.

Выйду «в люди», как Горький М. —
Потереться среди народа,
Слухи выслушать, и кое-с кем
Обсудить это время года.

В супермаркете возле касс
Олигархом пройду неспешно,
У меня будто всё — высший класс,
А сюда я — случайно, конечно...

Дома. Вечер. Легко вздохну:
Упахалась, как три лошадки.
Гибкой лаской в постель скользну,
Эмбрионом свернусь в кроватике...

Голод на лица

Голод на лица...
Тех, кто умеет мечтать,
Кто летает во сне,
И кому приключение снится,
Кто желает волшебником стать...
Хоть пошарь в океане на дне,
Хоть взлети,

Не найти —
Среди тех,
Кому идол — успех,
Кто уже не живёт, а лишь длится...

Художник

Свой мир творишь, себя не помня,
Зачем вода? Еда и сон?
Душой Господней окрыленный,
Влюбленный Маг — Пигмалион.

Ты ловишь кистью миг сомненья,
Прозрачную мирскую тишь...
И на палитре сожаленье
С надеждою соединишь.

Округло линия ложится,
Косым дождем спадает штрих,
Реальность плоской притворится —
Творится твой, художник, стих.

Твой Стих и Музыка, и Танец,
И страсть и мука — на холсте.
Но средь толпы ты — иностранец.
Изгой. Не понят — в суете...

Отпущу

Отпущу, подожди, отпущу.
«Несвобода, ответственность, верность...» —
Я тебе и измену прощу,
Ты — реальность моя, достоверность.
Так легко унести к небесам
С легкокрылой мечтой огневою.
Но журавль не ловится сам,
Не заменишь синицу совою.
Я к тебе на рассвете приду.
Не во сне, а пешком, по асфальту.
«Не журавль», — имеешь в виду?
Превращусь! За отдельную плату.
За безмолвный объятия шёлк,
За глаза с бархатистой негой.
Ты давно в эту ночь ко мне шёл,
Ты не знал — это тропка на небо.
Отпущу, подожди, отпущу,
Лишь послышится крик журавлиный.
Я тебе и измену прощу —
В третьей жизни. Идем! — Путь неближний.

Я сгорела с восторгом...

Мой родной! Пробуждение было приятно...
Шаловливые ласки ввергли тело в изысканный жар.
Ты спалил оготело, легко, безоглядно.
Я сгорела с восторгом, бесстыдно приняв царский дар...

Я люблю. Любите и вы

Ты пришел в этот свет в одиночку и с болью.
Вдох — и крик. Но едва научившись дышать,
Ты почуял, что мир весь наполнен любовью!
Береги ее. Нет! Научись умножать!

Страшно больно порой — прорасти в другого,
А потом словцо — и живьем отдираешь
Что давно вплетено — корнем, кожей и кровью.
И «держать лицо», будто роль играть.

Как же трудно в одно одинокое утро
Только кожей на миг ощутить холодок,
Сделав шаг от любви — возвратиться и мудро
Не заметить разлад, дать терпенья урок.

Просто вспомни тогда, как же все начиналось!
Среди многих глаз — видел лишь одни.
Ты глядел — в них легко читалось:
«Я хочу лишь с тобою прожить свои дни»...

Вы пришли в этот мир. Радуйтесь и дивитесь!
Светлячками в ночи — людские сердца.
Я люблю. Любите и вы. И друг другу снитесь!
Будьте целым, одним — навсегда, до конца.

Учительские мечтания

Нам бы сто рук бы! Нам бы сто глаз бы!
Нам каждый день бы — компьютерный класс бы!
Бумаг бы поменьше, а творчества — больше!
Из школы — пораньше, а в школу — попозже,
(Чтоб выспаться, с подушкой, с супругом, —
Не с кипой тетрадей и ручкой-подругой);
И чтоб успевать все за 40 минуток —
Детей научить лишь на «пять»! Да, без шуток!
И чтобы учебники были роскошны,
А к ним методички — мудры невозможно!
Чтоб канцелярка и книги — бесплатны,
С директором чтоб отношения — ладны;
Детей чтоб — приятных, спокойных, усердных,
Родителей их — меценатов примерных;
Нам школу-дворец бы, с бассейном, музеем,
Чтоб — гордость за то, что разумное сеем,
Без усталости растим с талантами грядки!
И, может, немного бы больше зарплатки?

Михаил Рудковский

Операция

Из жизни хирурга-эндокринолога

— Ты понимаешь, Вася! Операция на щитовидной железе очень тонкое дело. Может быть несколько серьезных осложнений, но самое страшное — повреждение нервов ответственных за подвижность голосовых связок. С одной стороны повредишь, у больного будет сильный голос, а если с двух, кранты, дышать он не сможет.

— И что тогда, все?

— Тогда спасает только трахеостома, но эта трубочка на шее уже на всю жизнь, ну вот мой патрон и лопухнулся.

— А говорят — он классный хирург.

— Конечно, классный. Но от этого осложнения не застрахован никто, хоть супер классный... всякие неожиданности: технические, анатомические...

— Переживал, наверное.

— Еще бы!

— Ну ты и выбрал специализацию, попроще ничего нельзя было?

Этот разговор двух интернов: будущего хирурга и терапевта я случайно услышал в нашей ординаторской. Они не видели меня, и разговор был откровенным. А лопухнувшийся патрон — это обо мне. На всю жизнь я запомнил тот случай, который стоил мне душевного самоистязания, нервного срыва и административного наказания.

Заслуженный художник народных промыслов Мария Михайловна, маленькая женщина с избыточным весом и короткой шеей поступила к нам с тяжелым тиреотоксикозом. Ее щитовидная железа была резко увеличена. Этот орган вырабатывал огромное количество своих гормонов и ими отравлял весь организм. Такое состояние развивается у некоторых людей после сильно нервного потрясения. У Марии Михайловны муж и двое детей погибли в автомобильной катастрофе. В ее организме не осталось ни единого органа, который бы не пострадал от этой болезни. Слишком долго эндокринологи пытались таблетками справиться с недугом.

Все тщетно! Короткие периоды улучшения быстро сменялись очередным обострением. Тяжелый, запущенный случай. На консультации хирурги-эндокринологи долго совещались. Операционный риск предельный, но не оперировать нельзя. Решение было принято — брать на операцию по жизненным показаниям. Так Мария Михайловна попала в наш межобластной центр хирургической эндокринологии. Длительный предоперационный период и наконец-то завтра операция. Я выкроил специально полчаса чтобы еще раз поговорить со своей бедущей пациенткой. Таких больных, как заведующий отделением, я всегда старался оперировать сам — Мария Михайловна, как самочувствие?

— Спасибо, Семен Александрович, значительно лучше.

— Это хорошо, но не надолго. Кратковременное улучшение, которое дает нам возможность вас прооперировать.

— Я понимаю, Семен Александрович. А надежда есть... я выдержу?

— Надежда всегда есть, но вы должны понимать, Мария Михайловна, что это серьезный риск.

— Но вы же говорили, что выхода нет, только операция

— И хочу сейчас это же повторить.

— А кто будет оперировать? — спрашивает, а в глазах щемящая безысходность.

— Если не возражаете, то я.

— Ну что вы, что вы, я очень рада, больные хвалят вас и все хотят, чтобы вы делали операцию. Мария Михайловна вдруг смутилась, покраснела и спрятала глаза.

— У нас все хирурги прекрасные специалисты.

Нервно перебирая край простыни художница почти прошептала.

— Семен Александрович... извините, а можно спросить?

— Конечно можно, я вас внимательно слушаю.

— Мне завещание писать сейчас или потом успею? У меня большая коллекция народных произведений народных умельцев, она очень дорогая.

Я внутренне весь сжался, как сдутый мячик. Что сказать этой женщине? Гарантий никаких. Естественно, я сделаю все, что в моих силах. Но выдержит ли ее измученное болезнью

сердце. Выхода нет. Надо брать огонь на себя. Опыт нескольких сот подобных операций дает мне право надеяться на успех.

— Не надо спешить, Мария Михайловна. После операции все тщательно обдумаете и напишите как надо. Дело-то непростое. Завещание! Тут спешка ни к чему. Правильно!

Я погладил ее руку и улыбнулся, а в душе вопль: «Господи! Что я несу. Ей надо же быть готовой ко всему. Но по-другому нельзя. Она же специально спросила, с подтекстом: умру или нет».

Спокойно выдерживаю ее сверлящий взгляд.

— Вот за это большое спасибо, Семен Александрович. Действительно, куда торопиться. Успею еще.

Говорит, а сама, как опытный физиономист, исследует мое лицо, отыскивая признаки малейшего сомнения. У меня перехватило дыхание. А вдруг!.. Подарил человеку надежду, что и было целью моего прихода, но какой ценой. Ценой собственной совести. Легче двое суток продежурить подряд, чем вести вот такие разговоры. Теперь я за все в ответе. И за ее сердце, и за печень, и, вообще, за исход нашей почти авантюрной затеи. Можно было было отказать больной в операции и никто бы нас не осудил, но это значило бы подписать ей смертельный приговор. А так есть все-таки шанс, вернее шансик. И я не должен его упустить. Проглотив ком в горле, деланно спокойным голосом сообщаю:

— Хорошо, Мария Михайловна, подписываем согласие на операцию, принимаем таблетки и спать, спать. Вам надо очень хорошо выспаться, набраться сил. Работа предстоит нам с вами серьезная.

Художница буквально пробуравила меня немигающим пронзительным взглядом, потом медленно взяла листок и размашисто поставила подпись.

— Я очень надеюсь на вас, Семен Александрович, очень... Вы уж постарайтесь.

Пришлось деланно расхохотаться.

— Вот теперь, Мария Михайловна, я точно буду очень стараться, а то можно было бы и схалтурить. Извините. Все будет хорошо. Отдыхайте.

Я вышел из палаты с камнем на душе, ругая себя последними словами. Какой-то корявый непрофессиональный разговор. Опять дал волю своим эмоциям и жалею пациентку, хотя не имею на это права. Я должен принять решение и работать спокойно, уверенно. Эмоции это потом, при выздоровлении.

Дома, вечером не спалось. Мысленно еще и еще раз перебирал все этапы операции, выискивая пути к сокращению времени вмешательства, к снижению риска. Многолетняя привычка перед сном продумывать завтрашнюю операцию мне всегда помогала в сложных ситуациях.

На работу я пришел пораньше, сделал обход и в одиннадцать часов уже был в операционном отделении. Передеваюсь и молча шепчу молитву мной самим придуманную.

Господи! Дай мне силы, и умения сделать все что умею и даже больше. Подари сегодня мне вдохновение, а больной жизнь. Она еще нужна здесь, на земле, а призвать к себе ты ее всегда успеешь. Господи! Ну если нужно, я готов на жертву. Карьера, здоровье, счастье — что тебе надо. Я готов...

Сажу на стуле, в раздевалке, спрятав лицо в ладони и вдруг понимаю, что пришло то необыкновенное состояние, когда тебе кажется, что ты можешь горы свернуть, что все страхи об исходе операции это блеф. Мышцы тела наливаются какой-то молодой энергией, а в мыслях удивительная ясность. Вдруг слышу, как старшая операционная сестра готовит сегодняшнюю.

— Будет САМ оперировать. Смотри, он очень не любит когда нити рвутся. Проверь все катушки. Будь готова к любой неожиданности. Кто ему ассистирует?

— Доцент и интерн.

— Хорошо! Он любит с ними работать. Нервничать не должен.

Дорогие мои сестрички! Как я люблю ваши все понимающие и всепрощающие глаза, вашу поддержку в трудный момент, за выдержку и терпение. Сегодня нам предстоит сложная работа, и я на вас очень надеюсь.

Два раза падало артериальное давление, появлялась аритмия, но наши анестезиологи молодцы, со всеми проблемами справились. Я оперировал, забыв обо всех волнениях, страхах. Удалось войти в такое состояние, которое я называю «хирургический кураж». Это когда все что задумал сделать получается быстро и красиво, без суеты и лишних движений,

а пальцы становятся нежными и ловкими. Два с половиной часа пролетели как миг. Закончили и вздохнули с облегчением.

— Семен! Ты работал сегодня отлично. Теперь все будет окей. Больная проснулась, голод есть. Молодец! — доцент пожал мне руку.

— Тьфу, тьфу, сплюнь, еще не вечер, — пошутил я, не предполагая, что шутка окажется пророческой.

Переоделся, посетил больную в реанимации. Дремлет. Дыхание спокойное. Повязка сухая. Можно заниматься другими делами. Записал операцию, перевязал больных, посмотрел вновь поступивших и подготовился к дежурству. Чашка крепчайшего кофе, сигарета и вперед на трудовые подвиги. Настроение отличное. Рискнул и выиграл. Двадцать лет варюсь в этом хирургическом бульоне, а до сих пор не освободился от преждевременных выводов. Торопыга нетерпеливый. Ведь знаю о возможных поздних осложнениях, а все равно радуюсь после операции. Все хорошо! Хорошо! Но судьба не дуручка, ее не обманешь.

Дежурство начиналось спокойно. В шесть часов вечера в ординаторскую влетела дежурная медсестра.

— Скорее в одиннадцатую!

Недослушав ее, я выскочил в коридор. Мелькнула мысль. В одиннадцатую перевели Марию Михайловну., место потребовалось в реанимации для более тяжелого больного. Неужели с ней что-то.

В палату вхожу спокойным шагом и сразу слышу шумное дыхание с хрипом.

Мария Михайловна что-то пытается мне сказать, машет мне рукой. Глаза наполнены страхом, широко распахнуты, губы беззвучно шевелятся, подернуты синевой, повязка сухая. Все ясно без слов. Нарастает стеноз, что-то мешает дыханию, еще несколько минут и наступит остановка сердца. Прибежал реаниматолог.

— Быстро в перевязочную, это рядом, в операционную можем не успеть. Трахеостому сделаем там.

Через минуту мы мы были на месте. Все действия на автопилоте: внутривенный наркоз, края раны разведены. В ране сухо. Рассекаю кольца трахеи и вставляю в нее трахеотомическую канюлю. Тут же глубокий вход и кашель с мокротой, залепляющий наши с ассистентом лица. Ничего, умоемся, главное успели. Марию Михайловну увезли в сопровождении врача вновь в реанимацию. Я опустошенно рухнул на стул. Мысли пульсировали в голове перепоня сознание.

— Что же это такое? Похоже на двухстороннее повреждение нервов во время операции. Пятнадцать лет не было у меня такого осложнения! Почему? Стоп! Был же голос. И доцент слышал. При повреждении нервов голоса быть не может и как она дышала в ближайшие часы после операции. Переводили ее в палату с нормальным дыханием. Ничего не понимаю. Завтра вызовем на консультацию ЛОР-специалиста, пусть посмотрит связки.

Все дежурство я был, как потерянный. Коллеги, понимая состояние, меня почти не тревожили. Утром я сам вызвал заведующего отделением ухо-горло-носа и затаив дыхание ожидал его заключения.

— Семен Александрович, обрадовать вас нечем. Осмотр был сложным, но впечатление такое, что связки неподвижны. Двухстороннее повреждение.

— Но у нее же был голос, и она дышала.

— Я говорю только то что вижу, не двигаются. Через несколько дней посмотрим еще разок.

Две недели на щитовидной железе я не оперировал. Появился невольный страх, а вдруг опять... Марию Михайловну я перевязывал несколько раз в день честно признавшись ей, что причину случившегося я пока не знаю. Ее состояние постепенно улучшалось, но дышала она только через трахеостому. Директор центра, профессор подписал приказ, в котором мне рекомендовалось от операций на щитовидной железе воздержаться до особого распоряжения. Сенсация случилась перед выпиской Марии Михайловны, после очередного осмотра ЛОР-специалиста. Он закричал прямо во время обследования.

— Двигаются, двигаются! Четко вижу, а под связками тканевые валики перекрывают просвет гортани. Семен, честное слово, двигаются, нет повреждения.

Я готов был его расцеловать.

— Что же это такое, что за валики в гортани?

— Я думаю — это специфическая реакция на наркоз в виде резкого отека подвязочно-го пространства, который развивался постепенно. Это все и объясняет, и голос и свободное дыхание после операции. Надо ждать. Отек пройдет, и трахеостому уберем.

Мария Михайловна несказанно обрадовалась такой новости, но, к сожалению Лор-врач ошибся в прогнозе. Шли недели, больная наблюдалась у ЛОР врачей, а картинка в ее гортани не менялась. Связки работали нормально, но просвет гортани не восстанавливался. Валики превратились в рубцы и художница могла дышать только через трубочку, а я стал получать от нее поздравления к каждому празднику.

«Семен Александрович, поздравляю Вас с Новым Годом! Вы, вероятно, празднуете в кругу родных и друзей, а я благодаря вашей операции обречена сидеть в четырех стенах, чтобы не пугать людей своей трубкой.»

«Семен Александрович, Поздравляю вас с Первым Маем! Вы гуляете, наверное ходили на демонстрацию, а я после вашей операции уже три года никуда не хожу, сижу дома, даже на выставку своих произведений выйти не могу, стыдно! Низкий вам поклон за это. Жизнь вы мне спасли, но сделали ее мучительной. Спасибо»

Эти открытки приходили ко мне в течении трех лет. Я стал ненавидеть праздники. И в конце концов пришел к директору центра.

— Аркадий Антонович! Я прочитал в журнале статью, в которой описывается операция на гортани при ее рубцевании. Можно помочь Марии Михайловне избавиться от трахеостомы. Надо направить ее в Москву, в научно-исследовательский ЛОР институт.

— Это непросто, но учитывая просьбу невинно пострадавшего, я обязательно это сделаю.

Через полгода я перестал получать злополучные открытки, а заведующий ЛОР отделением рассказал, что видел Марию Михайловну на выставке без трахеостомы.

г. Челябинск

Михаил Авдейчик

Взял себя мужчина в руки

* * *

Большие заросли дождя
Сплетеньем шёлковым, взгляните,
Основу взявшие в зените,
До скошенных лугов дойдя.

Природы чуткий режиссёр
Назначит смену декораций:
Берёз чарует прелесть граций,
И солнце выйдет из-за гор.

И двойкой лебедь на пруду,
Покой вишнёвый возле хаты,
Внимают тишине и рады
Ушами лошади прядут.

Кусты доверчиво глядят,
Как пишет лето дня страницу.
И что-то важное творится,
Как сто и двести лет назад.

* * *

Сегодня, как во все века,
Цвет лепестками света брызжет.
Нельзя себе представить жизни
Без нарождённого цветка.

К нему спешит, спешит пчела,
И бабочка, коровка божья,
И муравей туда же позже
Коснуться яркого чела.

Цветы бросают в сердце взгляд
И нежные и огневые.
Цветы родные, дорогие
Глазами Родины глядят.

* * *

Со мною Лермонтов, и воля,
И море Черное со мной.
И друг за дружкой волны, волны
Играют силой озорной.

И бризом к берегу подуло,
И настроение на «пять».
Не страшен черт, и ни акула,
Пройти могу за пядью пядь.

Настроена я в путь далекий,
И вижу, вижу за бортом,
Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.

Раздор

Голова была и шея,
Стало быть — жена и муж.
Знать, раздор супруга сеет,
Тотчас муж объелся груш.

Взял себя мужчина в руки
И дорогу дал беде.
Голова уже в разлуке
Где же шея, шея где?!

г. Бакал

Гостевая

Геннадий Сысенко

Живу, потом переживаю

* * *

Шумок,
зеленый плеск оваций
таится в почках до поры:
жизнь начинает пробиваться
из черно белой кожуры.
И я — авансом, без бахвальства
могу заверить, что весной,
как профсоюзное начальство,
природа нянчится со мной.
Такие приступы погоды,
такой нежданный сил приток:
целебна грязь,
целебны воды,
целебен воздуха глоток.

* * *

Пройдет пора благополучия,
и станут
в проблесках вины
у тополей заметней сучья,
темнее пятна у луны.
И небо,
отражаясь в луже,
подскажет сердцу в некий час,
что мы должны быть с виду хуже,
чтоб не обманывались в нас.

* * *

Пусть будет май с восходами — навьлет,
как повторенье.
Пусть средь бела дня
попынный дождь негаданно нахлынет,
как в город деревенская родня.

И надо в первых проблесках сирени
не бунт узреть,
а логику судьбы,
чтоб после проповедовать смиренность,
стоящее на уровне борьбы.

* * *

Листва осенняя редела,
как список роты на войне;
я уходил за грань предела,
туда,
где с сердца спрос вдвойне.
И оставались в стороне
такие ужасы и страхи,
как гром,
как пятна на луне.
И ближе собственной рубахи
ночное небо было мне.

* * *

Живу,
потом переживаю,
и то и это — напоказ,
поскольку с детства понимаю:
за мною нужен глаз да глаз;
поскольку вред от похвальбы —
как след звезды на небосклоне;
поскольку линия судьбы
не уместилась на ладони.

г. Владивосток

Порой судьба ко мне мироволит В родном краю

Алеет солнце на закате
И облака стекают лавой
К небесно-огненной заплате
Кроваво-охристой оправой.

Подложкой месяц скромно-бледный
На этом фоне обозначен,
Вздыхают сосны заповедно
И ветер паникой охвачен.

Всё затихает ближе к ночи,
И лишь горластые лягушки
Удачу и дожди пророчат,
Комар меня целует в ушко.

Звучат вокруг ночные гимны,
Всё ярче месяц и взрослее.
Костёр пылает георгином,
И угольками звёзды тлеют...

В краю родном — души основа,
Пусть уйма лет прошелестела,
На вдохновенье до озноба
Моя земля не оскудела!

Он и она

Ночная, в ярких бликах, улица,
Отлакирована дождём.
Фонарь умытый нежно жмурится,
К ней добровольно пригвождён!
Он только ей готов прислуживать,
Вернее преданно служить.
Её асфальт, покрытый лужами,
Вновь листопадицей расшит.

Фонарь, горячий, словно молния,
Свои эмоции гася,
Её, безветренно-безмолвную,
Ласкает, взглядами скользя.

Сверкают листья сердоликами,
А он от счастья воспалён,
С такими явными уликами
Не скроешь, что давно влюблён!

Мосты, как радуги сутулятся,
Объединяя берега.
Уходит вдаль родная улица,
А у него одна нога...

Накануне

Дожди смывают грим,
Высвечивая годы.
На лужах пузыри,
А я не по погоде
Одета в сарафан
Неоновой расцветки.
Но возраста графа,
Как лагерная метка.

Рефлексия сечёт
Предтечей дня рожденья.
Учёт, переучёт —
Вердикт без снисхожденья.
Две трети позади,
А может три четвертых...
Безжалостно дожди
Пути возврата стёрли.

Ошибки, как ножи,
Вонзаются в мой разум.
Неправильная жизнь
Пустила метастазы.
Ведь, в общем, всё не так,
Как в юности мечталось.
Суров судьбы наждак,
По мне прошёлся малость...

Любовь и дружба — яд!
Предательства укусы —
Осколочный снаряд,
Запущенный искусно.
Разбит защитный шлюз,
Потеряно немало.
И это минус. Плюс,
Что я не предавала.

Богатств не нажила,
И нет наследства детям.
Талант не пропила,
Что ж, пусть гордятся этим.
Уйму печаль и дрожь —
Достаточно кольнули.
Мой вечный спутник — дождь,
Затихнет накануне.

В день веры и любви
Пришла я в мир когда-то.
Любовью нарекли —
И этим я богата!
Наверно, от стихов
Совсем немного толку,
Но в них я без оков,
И, может быть, надолго...

Стратегия

Я степлером скрепляю рукава,
Все думают — за ручку мы идём.
А следом тихо стелется молва,
Что нас не разольёшь лихим дождём.

Узлом нехитрым связаны шнурки,
Бедро к бедру приходится шагать,
Но нашим неудобствам вопреки,
Вслед летит: — Любовь, ни дать, ни взять!

По сговору заклиниваю лифт,
И в обморок — такая духота!
Ты бережно расстегиваешь лиф —
Людей всегда сближала темнота.

Потом меня выносишь на руках,
Соседи замирают, рот открыв.
А я уже летаю в облаках —
О многом говорит такой порыв!

В стратегии моей бесспорный плюс,
Общественное мнение — не чих!
Ты веришь — идеален наш союз,
И не успел чихнуть — уже жених!

Размыт обманами причал

Лавирую на грани фола
В обход «не верь», «не жди», «нельзя»,
Вокруг вранья и произвола,
По клеткам шахматным скользя.

На светлых — каплями улыбки,
На тёмных — ливнями печаль,
Всё хрупко, тонко, хлипко, зыбко,
Размыт обманами причал.

Порой судьба ко мне мирволит,
Подсказывая ход конём.
На ушко истину глаголет,
Рассеивая сумрак днём.

Но почва подо мной лабильна,
То словно камень, то зыбун.
— А жизнь надёжней и стабильней! —
С больших доносится трибун.

Я жертва-агнец на закланье,
Электоратовский фрагмент,
А ежегодное посланье —
Очередной дивертисмент.

Волнуется кардиограмма,
На слово пенсия — невроз!
Я стала очень стройной дамой,
В моём меню один овёс...

Отшучиваюсь: — На диете!
Приём бесхитроsten и прост.
Да что б не догадались дети,
Что жизнь моя — коту под хвост...

Я успела

Отзвездевшая звезда
С неба рюхнулась,
С высоченной высоты
В лужу плюхнулась.

Разглазенились глаза —
Свет мерцающий,
Прилунённая луна
Ночью тающей.

Растуманился туман
К зорьке утренней,
Растревоженных тревог —
Слой припудренный.

Бессердечностью сердец
Ошарашена,
Как упавшая звезда
Я погашена.

Одинёшенька — одна
В омут брошена.
...Я успела загадать
Всё хорошее!

* * *

Человеческих отношений
Ветром скручивает спираль.
То зефир это, то мистраль —
Непросты виражи сближений.

Мы прессуем спираль в пружину,
Но не в силах её сдержать.
Если только сильнее зажать
В догматических норм струбцину.

Станет хрупкой золой железо,
Если чуть пережать тиски.
Рассыпаются завитки
Под мелодию полонеза.

На отчаянные молитвы
Покачнутся небес весы,
И в сиянии бирюзы
Приоткроются алгоритмы.

Основной — закон бумеранга,
Что пошлешь, то и встретишь лбом,
Или вылезет вдруг горбом
Злоязыкая перебранка.

Жизнь тогда светла и прекрасна,
И не страшен злодей норд-вест,
Если в сердце добринка есть,
И душа нитью не подвластна!

Брат

Сорок лет, как брат Серёга
Вмиг земной окончил путь.
Только строки некролога,
Суховатого немного,
Снова сердце полоснут...

Был парнишка: слово — дело!
Хоть всего тринадцать лет.
Мать за ним не углядела,
В одночасье поседела,
И остался лишь портрет...

Торопился стать он взрослым,
Без отца — нормальный ход...
Но не дымом папиросным,
И характером несносным,
А совсем наоборот.

Проводили свет на даче,
Ведь без лампочки — беда!
Очень трудная задача,
Но, надеясь на удачу,
Взял он в руки провода...

Изолянтной голубою
Плоскогубцы обмотал,
Дело делая благое,
И своей босой ногою
На трубу, повыше, встал.

Вот и всё... одна секунда...
Провод вырвался из рук...
Ток прошёл сквозь толщу грунта,
Оборвав сердечка струнку,
И замкнулся жизни круг.

Эх, Серёга, брат мой старший,
Ты ушёл в июльский день.
Только-только расцветавший,
Ничего не испытывавший,
Под сиреневую сень.

Над могилою Серёжи
Гордо реют купола...
Он теперь меня моложе
Не вернуть его, но всё же...
Так же сына назвала.

Человека можно сравнить...

Человека можно сравнить с дождём,
Он погладит, умоет, расслабит,
Напоит, освежит, подкормит.
Мы его как манну святую ждём,
Но уж если надолго заладит,
То сгнивают плоды и корни.

Человека можно сравнить с огнём,
Он озябшие руки согреет,
Дом наполнит теплом покоя —
Вечерами к печке трескучей льнём.
Но однажды огонь озверевает,
Вмиг сжигая гнездо родное.

Человека с ветром могу сравнить,
Иногда хулиганист не в меру,
Удалой, заводной, поющий.
По дорогам нудно готов пылить,
Загрязняя вокруг биосферу.
Временами — ужасно злющий.

Подставляю ветру своё лицо,
И смотрю на свечу, как на чудо!
Добрый дождик промчится мимо...
Замыкаю цепь без труда в кольцо,
Вот и он, долгожданный приبلуда —
Мой родник ключевой — ЛЮБИМЫЙ!!!

Городские ивы

Городские, плачущие ивы,
Так роскошны в облике осеннем,
Пряча красоту свою стыдливо,
Ищут от насмешников спасенья.

Но коварный ветер, как торнадо,
Будоражит девичью природу,
Напевая страстно серенады,
Обещает ласку и свободу.

Только ивы видят безутешность,
Обнажённых, трепетных берёзок,
За мечтой погнавшихся поспешно,
И познавших грусть, тоску и слёзы.

Дольше всех хранили платья ивы,
Не поддавшись хитрым уговорам,
И прикосновениям игривым
Ветра, соблазнителя и вора!

Но безжалостен закон движенья,
Сняв свои наряды дорогие,
Ивы, замерев от униженья,
До весны впадают в летаргию...

г. Челябинск

Нелли Кизилова**Свеча поэзии горит****Колодец**

Колодец жив, пока в нём есть вода,
Мы черпаем живительную влагу,
Колодец жив, пока к нему тропа
Не заросла причудливой оградой.

Жив человек, пока в нём есть любовь,
Которую он щедро дарит людям,
Пока в безумном мире верит вновь,
Что скоро милосердными мы будем.

Но если суть свою не предаём,
То в трудности душой не одичаем.
Чем больше доброты мы отдаём,
Тем радости мы больше получаем.

Колодцу же по сути мы сродни:
Что отдаём, то к нам вернётся точно,
Востребован всегда любви родник —
Животворящей мудрости источник..

Человек для счастья рождён

Птица для полёта рождена
И в наследство крылья получила,
Чтоб в минуту радости она
Над землёю грешною парила.

Человек для счастья рождён,
У него возможностей немало.
Повзрослев, решает только он:
Жить достойно или как попало.

Чтоб он не ударился в загул,
Не свалился в грязное болото,
Птице — крылья, человеку — ум,
Чтоб он совершал свои полёты.

Как бы жизнью не был измождён,
Но не будь бездушным и ленивым,
Человек для счастья рождён,
Значит, он обязан быть счастливым.

Пушкинская осень

Приблизился Покров, душа опять в смятенье:
Чем осень Пушкина могла околдовать?
Что он в глуши лесов в невольном заточеньи
Мог так писать, шедевры создавать?

И нам приносит осень с наслаждением
Дары природы. В золоте листва.
Но не дано слепцам поддаться умиленью,
Найти для осени хвалебные слова.

Что видел гений в Болдинском именье
Унылою порой под ветра стон?
И чем его питалось вдохновенье?
В «очей очарованье» был влюблён.

Восторженно его сердечко билось,
Пылал любовью к милой Натали...
У нас святое чувство притупилось,
И осень полюбить мы не смогли.

Свеча поэзии

Задуть свечу издалика пытаемся мы терпеливо,
Запляшет пламя гопака — и разгорится с новой силой.
Так и поэзию мою чужие ветры не задуют,
Когда мне трудно — я пою, стихи мои со мной тоскуют.
Но Муза разум озарит наперекор душе плаксивой,
Свеча поэзии горит и разгорается игриво.

Старость

Неужели, неужели старость спит со мной в постели?
То бессонницей томит, то недугами грозит.
Я её не приглашаю, ничего не обещаю,
А любовница (беда!) заявила без стыда
Раньше спал с женой и бабкой, и соседку брал в охалку,
Спал с девчонкой молодой... а со старостью впервой.
Днём ещё не так обидно, молодых боится, видно,
Только стоит лечь в постель, ощетинится, как зверь.
Жжёт суставы и сосуды, вспомнит чьи-то пересуды.

Если к стенке отвернусь — выплеснет на сердце грусть.
Неужели, неужели будет спать в моей постели?!
Не хочь поддаться ей, злой любовнице моей.
Как мне от неё отбиться? Убежать? Отгородиться?
Что уж мне не лечь теперь с кем-то в брачную постель?

с. Миасское

91

Графоман № 34

Галина Бармина

Бабье лето улыбнётся

Заклинаю любовью

Уж октябрь, листья все облетели,
Надвигаются холод, метели,
Лес осенним живет сновиденьем,
Глух и нем он к любовным волнениям.

Ждет беспомощно стужи береза...
Нас съедает житейская проза.
Мы попали с тобой в треугольник:
Третья лишняя я, ты — невольник.

Воздух осени чист и прозрачен,
Ты жесток почему-то и мрачен.
Осень трезвая нас разлучила,
Я измучилась вся и... простила.

Я люблю тебя также, как прежде,
Я жива лишь одною надеждой:
Ты вернешься ко мне, пусть усталый, —
Лишь в ручьи превратится снег талый.

За окном птицы вновь защебечут,
Снова губы твои мне прошепчут:
— Ну, не плачь... Ну, не мог я иначе...
А то вместе с тобою заплачу.

Ты в глаза мне посмотришь так нежно
И, отбросив фуражку небрежно,
Будешь долго меня целовать...
Как же счастьем то не назвать?..

Я подстреленной птицей кричу,
Я стихи, как молитву шепчу.
Ты не можешь не слышать, я знаю...
Я любовью тебя заклинаю!

О любви

Зачем мне тело без души,
Какое дело мне до тела?
Ведь поцелуи хороши,
Когда для них душа созрела.
Мне нужно, чтоб твоя душа,
Где б ни была, ко мне стремилась,

И, осторожно, не дыша,
С моей душой соединилась.
А если этого пока
Доселе с нами не случилось,
То и любовь наверняка
Похоже нам лишь только снилась.
Ах, нет же, нет — совсем не так:
Она была со мною рядом,
Преодолев разлуки мрак,
И отвечала теплым взглядом...
Мне было так легко, поверь,
Как будто летний дождь пролился!..
Как плохо без тебя теперь!
Самообман, что ты мне снился.
Любовь горела и жила,
Ее я близко ощущала,
Она со мной была, была!..
Остаться что-то помешало?
В надежде встретить её вновь
Я буду долго плыть в пространстве.
Я отыщу мою любовь,
Преодолев потоки хамства.

Еще не вечер...

Цветения была пора,
И были жаркие денёчки —
Исчезло лето со двора,
Темней, длиннее стали ночи.
А в октябре идут дожди
И говорят: не жди погоды...
Ах, осень, осень, подожди,
Какие еще наши годы!..
Мне каждый прожитый мой день —
Цвет нежный яблоньки весной,
Зачем кидаешь в сердце тень
И кружишь пестрой ты листвою?
Задела инеем виски,
Автограф свой мне отдавая,
Взяла бессонницей в тиски
Шутница — осень золотая.
К твоим сюрпризам и дарам
Всегда ль готовы в этой встрече?
Себя я тещу по утрам:
Еще не вечер, нет — не вечер!

Друзей к себе я созову,
Пусть за окном погода злится,
Я холода переживу,
А седина? — пусть серебрится!..

Осень

Звездное небо задумчиво что-то:
Осень свои распахнула ворота...
Я принимаю, как неизбежность,
Осени слезы и осени снежность.
Кружево снега мой город накрыло,
Елку пушистую принарядило,
Душу тревожит и сердце печалит,
Острую боль мне не развенчает.
Рвет ветер злобный мне пряди седые,
Он выжимает слезинки скупые.
В небе высоком лишь звезды мигают,
Нам пережить ту печаль помогают.
Звездное небо задумчиво что-то:
Осень свои распахнула ворота,
А все, что было, уж не вернется:
Жизнь то утешит, то посмеется.

Эта осень

Эта осень так тиха и так печальна,
Эта осень нынче так сентиментальна:
Листья жёлтые беспомощно теряют
И на что-то мне, похоже, намекает.

Почему ночами осенью не спится.
Почему так только осенью груститесь?..
Серебрится белый иней на висках,
Замечаю, глядя в зеркало впотьмах.

В день рождения, уж так заведено,
Будет торт и хорошее вино,
Будут тосты, пожелание на год,
Только молодость вторая не придёт.

Не грусти, подруга — осень, не грусти,
Отпусти свои печали, отпусти,
Пусть размоют меланхолию дожди,
Бабье лето улыбнётся, только жди!

г. Куса

Каринэ Гаспарян

И я угадываю слово

***

Приправами приправить плов
Шафраном нарисовать круги на рисе
Сын мой скажи что есть любовь
И не усердствовать ли с барбарисом
Насушено пучками трав
И любисток особенно нам дразнит ноздри
Сын мой ты про любовь был прав
А про шафран конечно мне вспоминать
поздно

***

Твой Демон — он не Демон Врубеля.
Он тише, яростей, темней.
Не так велик, но тоже губит нас,
Не помещаясь на стене.
Пусть кем — нибудь, пускай не Врубелем,
Но нарисован Демон твой.
Мы знаем автора, и губим мы
Себя безбожно с головой.

***

Её ногами не осилить,
Её руками не обнять.
Бежит за окнами Россия,
Бежит, и смотрит на меня.

Смотреть-смотреть не насмотреться.

На эти белые леса.

И что-то шепчет прямо в сердце,

Но рельсы глушат голоса.

И я угадываю слово,

И я примериваю путь,

Прости, прости, — прощаюсь снова, —

Но я вернусь когда нибудь.

***

Твоя молитва — не ори.

Так гулко эхом отдается.

Твои лампы-фонари

И недопитым остается

Чай в черной чашке на столе

И мне никак не удастся

Предугадать когда же сле-

дующий день для нас начнется.

И я задую фонари.

Ребенок под окном проснется

Ему, тебе и мне все три-

жды ожиданием вернется.

* * *

Неблагодарные, просим — просим все
Хлеба и зрелищ, золотых монет
Сказал недавно один из Иосифов
Там где есть ты — вот там и свет.
Не усмирённые плетью — плетью все
Зимники ранние изо рта пар
Так и просим тысячелетиями
А мимо нас спешит Гаспар.

* * *

Сестра моя, с хорошеньким слугой
Отправилась, наверно вспомнив что-то,
В тот магазин, безумно дорогой,
Где было все, и день тот был суббота.

Её вы не заметить не могли,
Красавица, каких еще не знали.
В корзинку друг за дружкой легли
Так нужные для замысла детали.
А именно рисунок и канва
И нитки, серебро и золотые.
И продавщицы юной голова
Решала уравниенья непростые.
В неведеньи счастливая живу,
Надежды и мечты свои лелея.
Но вот однажды, ближе к Рождеству,
Глаза я подниму и обомлею:
Там столько звезд, там яркая луна
Летят кометы, двигая хвостами.
И поражают взгляд полутона
И чёрный вышит столькими цветами.
Наутро будет, кажется, среда.
Сестра войдет, готовая к веселью,
Лукаво спросит: ты довольна, да?
И рада ли такому рукоделью?

г. Миасс

Вячеслав Фешук

Ищу ошибки в жизни прошлой

Улькен-Сайкан (882 м)

*Памяти армейских товарищей,
Кращенко, Баландина, Ивченко
и Виноградова погибших на боевом
посту.
Баландина, Ивченко и Виноградова
имел честь знать лично.*

Стоишь один, среди пустыни,
Нагромождение камней
Улькен-Сайкан, ты стал могилой
Для замечательных парней.

И, то ли в спешке, то ли спьяну,
Какой-то умник-проектант
Расположил твою глиссаду
Чтоб напрямиком, через Сайкан.

И не свернуть, и не подняться,
Лететь, согласно приводам.
Ты должен именно прижаться
Черкнувши брюхом по камням.

Две спарки в облако нырнули,
Ну а на выходе — беда.
Ты людям жизнь перечеркнула
Отметка восемь, восемь, два.

На распутье

Я на обочине дороги,
А поезд-жизнь промчался мимо.
И то, что в жизни было мило
Всё оборвал, И вот итоги.

Ищу ошибки в жизни прошлой,
Что привели к сему исходу.
Я, как бы, вышел на свободу,
Но получилось как-то пошло.

И веры нет, надежда меркнет,
Любовь растаяла без жали.
Ах, если б мне тогда сказали
Что этот путь — дорога к смерти.

Вся жизнь проходит по-иному,
Не так, как думалось вначале.
Мне очень больно. Я в печали.
И нервы рвутся по живому.

Я вырываю их со стоном,
Что б только тело было живо.
А что с душой? Сказать правдиво,
Так нет её. Залил бетоном.

От жизни той одни обломки,
Не отойти уже подальше.
Как избежать мне этой фальши?
Как обойтись без этой ломки?

Но «Будем жить!» Призыв услышан.
Как выполнить его? Не знаю.
На этом слове засыпаю...
Ведь будет знак. Я верю. Свыше.

О главном

Ремарка в виде оправданья.
Ведь как устроен человек?
Мы в жизни ищем пониманья,
Любви до гроба, иль навек.

Чтобы найти родную душу
(Ведь это ценно на земле)
На всё готовы мы, послушай,
Любовь найти в своей семье.

Мечтаешь встретить половинку,
Что б идеально подходил.
Пусть не похож он на картинку,
Но что б тебя всегда любил.

Не важно, женщина, мужчина.
Мечтаем, думаем и ждём.
Любовь пришла, вот в чём причина,
Вдвоём по жизни мы идём.

Иного встретишь, и не знаешь:
Поникший взгляд, тоска в глазах.
И с сожаленьем понимаешь:
«На личном фронте» полный крах.

Иному это и не нужно.
Я сожалею о таких.
Проходит жизнь, по сути, пусто,
Ну, а в конце — не жизнь, а пшик.

Стремиться к счастью может каждый
Мечтать, страдать, искать, творить.
Ведь только это в жизни важно,
Что б быть любимым и любить!!!

Здравствуй папа

Стою, склонившись над могилой.
Щеку смочила мне слеза.
С креста взирает образ милый.
Ну, здравствуй, папа. Это я.

Не думал я, что наша встреча
Задержится на столько лет.
Не правда то, что время лечит,
Я миновал бы столько бед.

И пусть мне мама заменяла
Отца. Старалась любя.
Но как тебя мне не хватало,
Большого, сильного, ТЕБЯ.

Я рос один, взрослея рано.
Ведь я да мать — моя семья.
Зарубцевалась сердца рана.
Уж мамы нет, один лишь я.

Сегодня я увидел брата.
Высокий, рыжий, младший сын.
А повернуть бы жизнь обратно...
Твою б фамилию носил.

И даже отчество другое.
Я сам давно уже отец.
Я, ведомый самой судьбою,
Тебя увижу, наконец.

Стою один я на погосте,
Седая голова моя.
Прости отец, что поздно в гости...
Ну, здравствуй, папа, это я.

г. Дубна, Московская область

12 октября 2011 г. исполнилось 50 лет
Людмиле Николаевне Антипенко.
Поздравляем нашего постоянного автора с юбилеем,
желаем творческих успехов.

Заброшенный судьбою в осень**Притихший парк**

О чем грустит осенний парк,
Шурша сухой листвой?..
О том, что в мире все не так,
Когда ты не со мной.
О том, что ветер больно бьет,
Как розги по плечам.
И одиночество, как лед,
Жжет душу по ночам.
Ты нужен мне, любимый мой,
Как свет весны цветам.
Осенний парк грустит со мной,
И он открыт ветрам.
А солнышку ветвей берез
Уже не приласкать.
Пришла пора небесных слез...
Пора стихи слагать.

Волшебство

Здравствуй, осень-чародейка.
В парке лист кружит.
Под рябиною скамейка
В свой уют манит.
Парк задумчивый осенний,
В небе облака,
Душ тепло, хрусталь мгновений,
Свет... В руке — рука.
Осень тайну чувств укрыла
Бережно листвой.
Я счастливых глаз не скрыла,
Просто ты — со мной!

* * *

Чай из кружки по глотку...
Сердце не согреть.
Взгляд в окошко на пургу...
Боли не стерпеть.
По щекам ручьями вновь
Крик безмолвный мой.
Белых не снести оков
Сонною зимой.

Одиночество губам
Словно приговор.
Месяц нежности искал
В пышных волнах штор...

* * *

Полоснула по сердцу разлука,
Счет мгновений вот — вот истечет.
Снова нас оторвет друг от друга
Злой судьбы беспощадный расчет.
И от боли в груди замирая,
Я последнюю ласку ловлю.
Голос твой, словно воздух, вдыхая,
Я оставляю тебя февралю.
Снова версты пролягут меж нами,
Всех святых за тебя вновь молю.
И приснится как тронул губами
Ты дрожащую руку мою.

* * *

Ты греешь в ладони снежинку,
От нежности плачет она.
Горит, превращаясь в росинку,
На сердце снежинки — весна.

Совсем-совсем рядом с тобою
Я, вся замирая, молчу.
Не знаешь, как белой зимою
В руках твоих таять хочу.

* * *

Рябиновые огоньки
Тревожно на ветвях пылали.
Моей озябнувшей руки
Своею Вы не согревали.
Снег первый тихо умирал,
Заброшенный судьбою в осень.
Полупустой вокзал дремал,
И с лету листья бились оземь.
Вам был не слышен сердца стон,
Он из груди без звука рвался.
Простились... Мутный небосклон
В немую вечность простирался.

г. Куса

Ахмет Нуретдинов

Четверостишия

***

Великой любви домогается всяк.
 Была бы охота, а пара найдется.
 Но если меж суженых веет сквозняк,
 то тут о любви горевать остается.

***

Шаг по земле оставляет след.
 Не потому ли, шествуя стройно,
 внуки должны по прошествии лет
 дедов дела доверить достойно.

***

Есть слово ласковое, родственное жесту,
 молчание, как песня на рассвете.
 Но сказанное во время и к месту
 слова дороже многого на свете.

***

Бесполезна земля, где один ковыль.
 Довольство придет через труд на ней.
 Земля и рождает, и кормит былль
 во имя грядущих и лучших дней.

***

Не остановит облако бессильная ладонь,
 как время, неподвластное отдельному лицу..
 Вот пролетело облако, как быстрый
 белый конь.
 И век мои тоже движется к печальному концу.

***

Мы все перед Богом с рожденья равны.
 Нет лишних людей. А пороки, что есть,
 мы сами взрастили на нивах страны.
 Будь добр, человек, береги свою честь!

***

Девушки башкирские красивы,
 и глаза, и брови хороши.
 Парни, как один, теряют силы
 от такого облика души.

***

Если стих бездумно и легко
 пишется, он — мука для прочтенья
 и, как лягушачье молоко,
 явная причина несваренья.

***

От воды кипящей нет навара,
 и в лохмотьях холодно, хоть плачь.
 Но прибавит крепости и жара
 труд, что животворен и горяч.

***

Размышляя о будущем, часто
 вздыхаю о прошлом с тоской.
 Все, что к счастью былому причастно,
 мне уже не огладить рукой.

***

Медведям палка — весть о школе,
 а людям — опыт педагога.
 Медведь — животное, не боле.
 А человек умен от Бога.

***

О ребенке у матери дума одна,
 пока солнечный свет малыша не помянит.
 Но бывает за деньги рождает жена,
 если ветер гуляет у мужа в кармане.

***

Если трудишься, будешь богатым,
 если мудрым внимаешь, то умным.
 Только так не послабишь утратам
 благ земных по закраинам шумным.

***

Общий труд есть общая задача,
 криком не получишь ничего.
 Общий труд есть общая отдача
 без дробей участия твоего.

***

Пусть книги цена тебя даром не мучит
 и цифра сия не стесняет грудь,
 ведь главное в книге — чему она учит,
 лишь в этом ее основная суть.

***

А вдруг лет до ста доживу — шучу.
 Возможно, таких стариков и нет.
 А если взаправду — то не хочу,
 кому будет нужен столь дряхлый дед.

***

Любовь невозможно делить ни с кем
 не в кои оставшиеся года.
 И тем она краше, дороже тем,
 поскольку единственная всегда.

***

Язык достоин восхищенья.
 Язык — знак мира и прощенья.
 Храни его! Он есть природа
 твоя и твоего народа.

Перевод с башкирского Сергея Борисова.

г. Верхнеуральск

Яшка и другие рассказы**Яшка**

В руках знакомый баян. Пальчики, как девичьи каблучки пробежали и задробили по кнопочкам. Проходочкой от бедра, с выкрутасами в коленях и косолапа в голеностопах, на круг вышел разухабистый весельчак.

Или действительно косолапый или музыкальный эксцентрик? Попробуй разберись. Где искусство, где самодеятельность, где природа? Или слились за одно?

Ба, да это же Яшка! Сантехник с соседнего завода. А потом мой кладовщик Земляк из Чудиновки. Как за понюшку табака замылил со склада этот самый концертный баян. А я, завскладом — тоже гусь хороший! Даже виду не подал. Пусть тешится раз душа желает и есть способности.

Не то, что новый молоденький специалист. Куда торопился? На этом же баяне задавал такой ускоренный темп, что ни хор, ни солисты не могли настроиться на музыку. Самодеятельность распалась.

И вот встреча за ветеранским столом. Молодец, Яшка! Пусть затылок белее снега, а за макушкой уже розовая залысина.

Не жалко ни баяна, ни передряг с главбухом о списании. Потому что самый жизнерадостный из нас Яков Косолапов, приплясывая и наигрывая, а то и экспромтом припевая частушками, приветствует ветеранов.

Шапка Мономаха

*Кто-то в гении выбился
Кто-то в начальство
Не жалеете, что вам
Не досталось их бед.*

А. Дементьев

Кресло пока не качается. Да и раскачивать вроде бы некому. Но задумки и мысли о перспективе не покидают голову. Хотя Иван дружит с наукой. Дельные предложения мозгового штурма обсчитываются и закладываются в проекты ведущих институтов. Заключение великих светил по проектам положительные. Давно внедренная автоматизированная система управления к праотцам еще не торопится. Хотя повсюду компьютеры. Все как положено, чин чинном.

Но все изменилось с распадом Союза. После Беловежской пуши исчезли хозяйственные связи, а с ними и сырьевая база. Чтобы выжить надо напрягаться атлантом.

Где он, в детали не вдавался. Или в спальне или в кабинете, с раздвижной стеной для совещаний. Повсюду на душе скребут кошки, стало неумогу от бессонницы и, нахлынувших неразрешимых проблем. Атлант выдохся. Вспомнив о самовнушении, закрыл глаза.

Задышал глубоко и спокойно. Пытается уйти от реальности, но она не отцепляется, а крабом в голове удерживает сознание. И вот привиделась приятная картина. Он студент. С любимой первокурсницей приехали в «МАГНИТ» на вечерний сеанс. Бегло взглянув на большой рекламный щит с сюжетным эпизодом из фильма, улыбаясь друг другу, взбежали на парадное крыльцо с высокими белыми колоннами.

Зачем отпустил руку? Зачем оглянулся? Девушка исчезла. А перед глазами в разноцветном дыму и копоти опять родной беспокойный комбинат. Иван, как со смотровой площадки, обратив внимание на гармонию белых классических балясин в перильном ограждении, отрешенно смотрит на переполненные трамваи, на блестящие от дождя рельсы.

Поверх бетонного забора за высокими оконными стеклами видит тяжеленные огненно раскаленные в окалине блюмсы. Они медленно, размеренной чередой плывут по воздуху. В вечерних сумерках рольганга не видно. Со стороны красиво. А как там? На рабочих местах? От запомнившейся барачной больницы на Ежовке, допотопно кланяющихся на горе бур станков, коксовых «пирогов», и на всех нынешних переделах до этого призрачного холодильника с кантователями. Иван чувствует жару остывающего металла и привычный гул

длинного пролета. Ровный ритмичный изменяется на сбивчивый, прерывистый и шумный. Свистит ветер. Крутые бурные волны упругими полу дугами налетают на безлюдный пляж. Скатываются назад и захлестываются встречными. Иван пытается искупаться. Но всбеленившиеся волны сбивают с ног и выбрасывают на берег. Только с третьей попытки его подхватывает и несет в пучину морская стихия, где он, как рыба в воде наслаждаясь жизнью играет с невесть откуда взявшимся вдруг дельфином. А тот тоже, наигравшись вдосталь хвостовым плавником, будто в полуседле, удерживает на себе зарвавшегося купальщика.

Галушкин, обняв дельфина, плотно прижался животом и грудью к хребту. А тот выносит его к самому берегу.

— Значит я на земле еще нужен, — мелькнула под русоголовой прической мысль. Иван проснулся. Подкрутил желтоватые кончики усов. Вместо отжатого лимона за столом свеженький, как с грядки, огурчик с белозубой улыбкой. Галушкин бывает таким накануне весьма важных, но казалось бы простых и очевидных решений.

«Стоило ли эдак напрягаться, Иван Павлыч? — возвратил к действительности крутолобый с большой залысиной над правой бровью референт. — Не ваш уровень. Мелочевка. Текучка. А вы даже всхрапнули. Но к телу я никого не допускал, а связь отрезал. Сдам скупщику цветмета за денежку».

— И хамишь и шутишь Петрович! Не боишься — перегну палку? — улыбаясь показал белые зубы и дважды щелкнул.

— Простите, великодушно, Иван Павлыч.

— Полноте. Я тоже пошутил. Невестке в отместку. Неужели храпел? Вот это аутотренинг. Хватит лирики. Перейдем к делу. Согласен, мелочь, но заведующая. Многие могут клюнуть. Посмотрел в глаза референту и добавил. Решено. Металл на «Роял» не меняем. Долг по зарплате ни спиртом, ни водкой гасить не будем.

— Повсюду бы так, — согласился Петрович. — Глядишь бы трезвее стали. Извинился еще раз и с разрешения вышел. А у Ивана занозой в мозгу опять зашевелился краб. Пусть тяжело, но снят вопрос с хромитом. Открыли месторождение, считай под боком. Усреднение руды уже проходили. Перерабатывать породные и шлаковые отвалы умеем. За тридевять земель — не из Сарбая возить. Где же ларчик? Может быть в Бакале, Кунашаке? Нязепетровске или на приполярном Урале? Откуда начинать? А замена устаревших агрегатов и технологий не снижая объемов. А глубокая переработка, прокатка. Тысячи вопросов и каждый важен.

— Тяжела шапка Мономаха, Иван Павлыч. Но в пору! — все чаще слышит он здороваясь и протягивая заединщикам ладонь. Вроде бы мелочь, а приятно. Эта поддержка вновь окрыляет с утра. Окрыляет она и коллег. И не только за доступ... к шапке.

Василиса

Извилисты пути к высокой вере.

Вроде бы и зажигание не позднее, а только дошло. А ведь был крещеным. Правда ни сам обряд, ни церковь Спиридон не помнит. Врезались в память вечерние разговоры взрослых при керосиновой коптилке, что его и еще двоих двоюродных братьев погодков по снегу на лошади повезут крестить. Как выяснилось позже самая ближняя, высоко устремленная в небо, деревянная церковь, обшитая тесом и покрашенная под лазурь, находилась в верстах двадцати. И скорее всего уже не работала. А его все же где-то окрестили. Тетя Клава. Так называл он старшую двоюродную сестру. Стала крестной матерью.

Может окрестили потому, что некрещеный первенец Петя вскоре после рождения умер. Но истово в бога родители не верили.

Лишь когда в нахмуренном небе громыхали пустые бочки и летели к земле огненные змеи, мама Спиридона испуганно забежала в горницу и, глядя в передний угол, крестилась, а отец подшучивал: «Сразу видно — грешница!» Там, вместо иконы, прищипаноренные им большими гвоздями, стучали старые деревянные ходики. С жестяным в виде гитары циферблатом, тяжелой железной гирей на крепкой цепочке, и неутомимым маятником. Спиридон думал, что мама молится на часы. Поэтому жил по времени, в ногу со стрелками. В переднем углу — портрет Ленина. В скромном трех комнатном доме — любимая жена дочка и сын.

Женился Спиридон будучи комсомольским вожаком. В беленьких, начищенных зубным порошком, баретках и белых носочках, с зеленоватыми огоньками изумрудов в глазах, и ры-

жими волнистыми локонами, Василиса тронула сердце Спиридона зажигательным веселым нравом и звонкими песнями. С мужем, широкоплечим высоким брюнетом, пристрастилась к рыбалке. Он гребет распашными веслами, а она с кормы забрасывает спиннингом блесны. Сама вываживает в лодку и щук и окуней. И только под редкие крупные экземпляры Спиридон подводит подсачник. Но щука успевает ускользнуть в глубину под лодку.

— Говорю тебе, не ослабляй леску! Ведь щука в воде, как мы в своем доме. Она в родной стихии. Моментально делает «свечку» и освобождается от тройника.

Очень нравилось Василисе рыбачить на Увильдах. Спиридон нарежет кусочками пойманного чебака и бросит за борт, в прозрачную воду. А красноперые красавцы разбойники, доселе невидимые, тут же, каждый своим маневром, с разных сторон бросаются на приманку. И прямо на глазах какой-нибудь из них, самый быстрый и резвый угодит на крючок и утопит поплавок.

Спиридон души не чаял, жил как у Христа за пазухой. Сноровистой и заботливой оказалась Василиса. За что бы не взялась, какую бы работу не вела, все в ее руках горело. Дети ухожены и сыты. Сама прибрана и аккуратна. Подтрунивала над любимым.

— Рохля, ты Рохля. Быстрее ручками шевели. Уснуть можно от такого усердия.

— Зачем нам теперь торопиться, Василиса. Всего мы добились. Время у нас есть, Успеем и не спеша. Спой-ка наши любимые песни. Сердце замирало. Спиридон не мог наслаждаться ее голосом.

Он уже работал директором завода. Прошел все ступени. От рабочего до начальника цеха. Целиком отдавался производству и общественной работе. Всегда на виду. То пропагандист, то партийный секретарь. Жена тоже крутилась и на работе и дома. Отдыхали вместе. А Василиса мечтала еще о зимней рыбалке, чтобы и на льду быть рядом. Но мечте сбыться не пришлось. Она заболела. Лечилась в диспансерах и санаториях. Стойко держалась до самого конца. Спиридон заботился, оберегал. Вел домашние дела. Летом усаживал в лодку или увозил в лес. Лишь бы дышала. В машине и лодке наготове настроенные кислородные подушки с маской. А дома большой голубой кислородный баллон.

Но впрок, не надышишься. Вскоре Василисы не стало.

От безутешного горя Спиридон ходил, как потерянный. Стал замкнутым. Приближалась грань помешательства. Единственной отдушиной оставались дети и внуки. Разуверился в высокопоставленных чиновниках, недавних коммунистах, переметнувшихся к церкви.

— Советская власть дала мне все, — заявил Спиридон за столом.

— Из грязи да в князи. Подъелдыкнул подвыпивший на своем юбилее коллега по строительной индустрии из закрытого города. С загорелым лицом, низенький и коренастый, куда более тертый калач, он повесил над тронным креслом большущий живописный портрет Иисуса Христа. И был доволен. Ведь портрет подарили зеки, работающие за колючкой на его заводе.

Спиридон считал, что вера интимна, и в показухе не нуждается. Переключал канал, когда на экране чуть было не лобызались премьер или президент с митрополитом. В душе рос протест за неконтролируемый рост цен. Монетизацию транспортных льгот ветеранам считал обманом. Отняли, оставив чуть-чуть, навар отдали другим.

Чтобы не прилетела в голову кукушка, развеять по снегу желчь от несправедливости, ранним морозным утром пошел на рыбалку. На плече шнековый ледобур. Позади на бичевке дюралевый рыбацкий ящик, который легко скользит полозьями по притоптанному снегу. Под полой, затянутого ремнем полушубка, в пенопластовых коробках, мотыль и мормыш. В лунном освещении под бетонным козырьком подъезда мелькнули два зеленых огонька. Наверное блудливый кот вернулся, подумал Спиридон. Когда подошел поближе, у двери увидел котенка. Он как будто ожидал кого-то.

— Замерз дружок! Посочувствовал рыбак и приоткрыл дверь. Но котенок в тепло не пошел. На заботу никак не отреагировал. А по прежнему сидел, укрыв правую лапку хвостом. Спиридон попытался валенком пропихнуть котенка в щель. Но тот резво отскочил и утаился на Спиридона.

— Не хочешь в тепло? Тогда мерзни. Ответил Спиридон и зашагал по крайней поселковой улице. Окна в пятиэтажках еще не светились. Было воскресенье. Показалось, что кто-то сзади. Оглянулся. А это, тот же котенок бежит следом за ящиком.

Наверно голодный, а ящик пахнет рыбой. Вот и увязался за ним. Спиридон остановился. Открыл ящик, достал кусок хлеба и колбасы и позвал: «Кыс, кыс!». Тот приблизился, понюхал, но к еде не притронулся.

— Раскормили наверное хозяева китекатом или рыбой. А ну брысь! Брысь домой! Котенок отступил назад, махнув хвостиком. А когда Спиридон не спеша пошел дальше, навязчивый дружок опять следовал за ящиком. Нарочито оставленный на дороге ящик он перепрыгнул и бежал за Спиридоном. Не отставал. Миновали длинную улицу автогаражей. Через редкий березник вышли кobelisku, где в Гражданскую на памятном приозерном бугре стояли насмерть красноармейцы Чуйкова. А котенок следовал в метрах десяти. Спиридон несколько раз пытался прогнать котенка домой. Возвращался назад к поселку. Тогда котенок вышагивал впереди, а Спиридон за ним.

— Брысь! Брысь! Иди домой! Чего увязался? Но тщетно. Котенок не слушался. Так спустились с бугра на лед. Спиридон надел на валенки колоши. Ушли далеко. В Хитрую заводь на другом берегу. Спиридон начал бурить лунки, а котенок спрятался за снежный заструт от проходящих по натоптанной тропке, рыбаков. Он улегся на снег недалеко от лунок.

— Спиридон Иваныч! Идем с нами на зимник. Мы вчера таких окуней наломали!

— Спасибо ребята. Я уже здесь прикормил. Первого пойманного чебака Спиридон унес четвероногому. Приподнял за шкуру. Оказалась — это девочка. Упитанная. Трех, четырехмесячного возраста в белых носочках на всех лапках и пушистым хвостиком. Спиридон усадил ее на большую меховую рукавицу. Несколько раз приносил и чебаков и окуней и щуку. Кошечка лежала на рукавице, поджав под себя лапки. А к рыбе не притрагивалась. Спиридон нежно гладил ее по рыжей шерстке, блаженно шептал: «Василиса, Василиса! Здравствуй, солнышко мое! Вот и встретились», а она сладко мурлыкала. Так они и прорыбачили весь день, вживую и виртуально общаясь душами в другом, приоткрывшимся на мгновение, в параллельном и одновременно в этом мире.

К вечеру, когда рыбаки гуськом возвращались домой, кошечка вышла на рыбацкую тропу и увязалась за ними, оставив Спиридона. Больше ее он никогда не видел, как в воду канула. Хотя в поисках частенько навдывался на эту улицу и ходил возле этих домов.

пос. Новогорный

Валентина Руденко

Светится тихое счастье

Моя любимая актриса Ия Саввина

Моя любимая актриса Ия Саввина
Своим искусством удивительным прославлена!
В кино по Чехову — немеркнущая прелесть...
И через годы — свет таланта, его зрелость.
Святая сдержанность — и обнажённость чувства...
Надрыв души — и незаметно здесь искусства.
И сильная — и хрупкая... Ранима...
Известна — и тиха... Незаменима.
В её работах — классика и вечность.
И женские заботы, и сердечность.
Талант её — как добрый свет России.
О, светлая, единственная Ия!..

Тучи нагнало...

Над Россией весна воссияла.
А в России весна удивительна:
Средь проталин — цветы восхитительны!..
Только с запада тучи нагнало.

Ну, когда же он утомонится,
Бесноватый и злой ветер с запада?
Вся лазурь снова серостью залита,
Безотрадность и в душах, и в лицах.

Ничего-то уж сердцу не надобно, —
Лишь бы солнце взойшло на востоке!..
И Кольцова всё помнятся строки:
«Никогда не взойдёт солнце с запада»...

Беззащитна берёзка, всё клонится,
В каждой веточке тонкой — страдание.
Да когда ж ветер злой успокоится?
Просит сердце тепла и сияния...

Радости тихий костёр

Лето прощальной улыбкой
Сердце нам хочет согреть.
Нежную песенку скрипки
Ветер пытается петь.
Мир словно соткан из света,
Только с грустинкой чуть-чуть.
Осени всюду приметы,
Птицы готовятся в путь.

Свет уходящего лета —
Да не покинет он нас!
Как и сиянье рассвета,
Нежность распахнутых глаз...
С днём лучезарным прощаться
Не торопись, не спеши!..
Светится тихое счастье
В гнёздышке тёплом души.

Холодом скоро повеет,
Сердце тревожно замрёт...
Ну, а пока всё яснее
Над головой небосвод.
И вдоль тропинок нам осень
Выстлала пёстрый ковер.
В сердце с собою уносим
Радости тихий костёр...

Колокольчик

...И будет тихо угасать печаль моя.
И колокольчик, слабою головкою склонясь,
Под нежным солнцем будет оживать.
И так же, как и он, я буду оживать
Под нежным солнцем
И под нежным взглядом...

г. Куса

101

Графоман № 34

Валентина Самохвалова

В сарафане разноцветном осень

Весенняя встреча

Мы встретились ранней весной,
Ручьями журчала вода,
Сказал я ей: «Будь ты со мною», -
В ответ прозвучало мне: «Да».

Цветущею яблонькой нежной
Хозяйкою в дом мой вошла
И свежесть поляны клубничной
С собою она принесла.

Был я на седьмом тогда небе,
Не верил, что счастье пришло...
С любимой совсем не заметил,
Как тридцать лет жизни прошло.

Все также к своей забудке
С работы спешу в конце дня,
Считаю до каждой минутки,
Когда она встретит меня.

К голубке своей сизокрылой
Живым выйду я из огня,
Лишь только б водой родниковой
С ладоней поила меня.

Ромашковое поле

В ромашковом поле иду я тропой,
Домой возвращаясь из дальнего края,
И снова пленишь меня прежней красотой,
Ромашка моя, ты до боли родная.

В знак дружбы киваешь ты мне головой,
От легкого ветра вся в мареве зноя,
Я счастлива видеть цветущей такой —
Живым белоснежным ковром во все поле.

На зависть небесным богам красота
В веночке твоём ослепительно-белом,
Извечная ценность — твоя чистота,
Что в жизни является важным делом.

Распахнутым взглядом на небо глядишь
И всех удивляешь ты скромным нарядом,
Как символ России ты в поле стоишь,
Душе моей русской вовеки отрада.

В ромашковом поле купаться хочу,
Нырнуть с головой в запах нежный и милый,
Как в юности радостно полю кричу:
«Тебя я приветствую, край мой родимый!»

Люблю...

Люблю терпкий запах сирени,
Наряд васильковых полей,
Прохладу березовой тени,
Поляну грибов от дождей
И радостный посвист синицы,
Во благо всем труд муравья,
Ракет — кораблей вереницы,
Несущие в космос землян,
Узор нескончаемых речек,
Вершины заснеженных гор,
Бурлящий поток человечий,
Надежных друзей разговор,
С горчинкою привкус польни,
Весенний привет журавлю,-
Душой от рожденья до ныне
Что жизнь подарила, люблю!

Мне нужен ты

На дуга и поля, на лесной весь массив
Наложила зима неизменный курсив:
Молчаливо в сторонке березки стоят,
Придетые все в серебристый наряд,
От деревьев прозрачная тень на снегу.
Сколько ждать мне тебя, я никак не пойму.
Годы мчатся, бегут, дни летят чередой,
И довольна как будто я в жизни собой,
Но для полного счастья женской судьбы
Каждый день, каждый час нужен мне

только ты.

Осень

В сарафане разноцветном осень закружилась,
 Золотой своей красою смело загордилась,
 Первозданным ароматом щедро одарила
 И палитрою волшебной всех заворожила,
 Поутру прохладой легкой колдовски взбудрила,
 С бабьим летом озорным охотно подружила,
 Заманила в даль лесную свежестью пьянящей,
 Насладила музыкою тишины хрустящей.
 Чистотой звеня кристальной тронул воздух души,
 Нас напевы листопада приглашая слушать.

Февраль

Раскрасавец февраль, как строптивый олень,
 Разгуляется, верь, не на шутку,
 Снегом всех забросает, умчится в метель,
 Нам лишь дав отдышаться минутку.

С февралем подружиться совсем нелегко, —
 У него не просты настроения:
 То снежинок зашлет не один миллион,
 А то ветром подует со рвением.

Веселясь, разрумьнит усердно носы,
 (Как хотелось бы им не замечиться)
 Он же хитро себе усмехнется в усы:
 — Будь ты каждый готов со мной встретиться.

В ясный солнечный день вдруг приходит с добром:
 Удивить хочет мир и порадовать,
 Обогреть, приласкать, одарить серебром,
 Дать возможность и в гости похаживать.

пос. Красногорский

Вера Киреева

Дар Земли — им надо наслаждаться

На лыжне

Снова запели столбы телеграфные,
 Песнь поднебесная рядом звучит.
 Музыка льется без даты и графика,
 Где-то собака чуть слышно скулит.

Ветер с морозом, лыжня бессловесная,
 Сбоку рассеяла семя полынь,
 Ноет порою и мышца сердечная,
 Снег закружил с поднебесных вершин.

Сзади лыжня остается полосками.
 Лес обнаженный вдогонку шумит.
 Руки озябли в перчатках горошками,
 Совесть оставить лыжню не велит.

Быстро шагаю, летят километры,
 Финиш с флажками, быстрее бегу.
 Пальцы немеют и скованы ветром,
 Тренер жмет руку, а я на снегу.

* * *

Заплакали в колках березы,
 Пораненные топором.
 И капают чистые слезы
 В посуду с испачканным дном.

А рядом уже вытекает
 Уходит в траву без следа.
 Мне жаль, и душа замирает,
 Течет непростая вода.

И я подставляю ладони,
А сыро вокруг не от гроз.
За соком сегодня погоня
Слезам невинных берез.

* * *

Основа всех основ — любовь.
Любовь — мгновение взглядов.
Во взгляде — луч, не надо слов,
Наверное, не надо.

Моя рука в твоих руках,
И вместе им теплее,
Огонь любви в твоих глазах,
И я от них хмелею.

Не надо слов, они в глазах,
Я в них смотрю и млею.
«Люблю», — застыло на губах,
Других слов нет, немею.

Основа всех основ — любовь.
Блаженствуют два взгляда,
А в них любовь, любовь без слов,
А их здесь и не надо.

* * *

Как хорошо, проснувшись утром,
Прильнуть щекой к твоей груди,
Взглянуть в лицо со взглядом мудрым,
Услышать вновь: «Не уходи!»

Открыв глаза, от сна очнуться,
Увидеть синь твоих очей,
Лаская веком прикоснуться
Твоих взъерошенных бровей.

И поцелуем очень нежным
Слегка коснуться твоих губ.
И вновь на грудь к тебе, небрежно
Задев рукой седой твой чуб.

Прощание осени

Отшумела осень золотая,
Отыскрила утренней росой.
Откружила, тропы заметая
Шелестящей ржавою метлой.

Загрустила, это не скрывая,
Потускнела кроною пустой.
Оттрудилась, травы обшивая
Серебристо-белою тесьмой.

Отсверкала ярким звездопадом,
Проводила клинья журавлей,
Повстречалась с первым снегопадом
И ушла, оставив грусть полей.

Бабья радость

Отгорели здешние зарницы.
Лето бродит, но в других краях.
В долгий путь заторопились птицы,
Сеют рожь на вскопанных полях.

Облака в упряжке уплывают.
Небо дарит васильковый взгляд.
Паутинки нежно обнимают
Пожелтевший сочный виноград.

Бабье лето снова у природы,
С ним за ручку вышла погулять.
Вопреки дождливой непогоде —
Бабья радость, хочется сказать.

Мне бы вновь в раскрашенное лето...

Мне бы вновь в раскрашенное лето,
В мир цветов и запахов травы,
Я до боли обняла б все это,
Поклонилась лету до земли.

А потом в подсолнуховом поле,
В золотом просторе погулять,
В васильковом искупаться море,
На ромашке снова погадать.

Мне б за ручку с летом прогуляться,
Разнотравьем вдоволь подышать,
На песке под солнцем поваляться,
Колосок пшеничный поддержать.

Босиком по росам пробежаться,
Посмотреть, как пляшут журавли,
Как дурманом, летом надышаться,
Чтоб понять что шепчут ковыли.

Так люблю природой любоваться,
Разве можно это не любить?!
Дар земли — им надо наслаждаться,
Дай нам Бог, все это сохранить.

* * *

Пишу я короткие строки,
Ты их непременно прочти.
Оставь все обиды и сроки
И в память свою загляни.

Быть может, кого-то обидел,
А, может, простить сам не смог,
Наверное, все не увидел,
И времени срок не истек.

Поройся же в памяти светлой,
В ней многое можно найти:
Обиды, что гложут нас вечно
При жизни, забудь и прости.

Встреча с прошлым

Долго стою у дома,
Попросту у жилья.
Юность вспомнилась снова,
С детством вновь встретилась я.

Та же скамья у окошка,
Двор стал совсем небольшой.
Дом изменился немножко,
Ставней нет с чудной резьбой.

Нет здесь и детского смеха,
В доме другая семья.
Только одна есть помеха —
Тянет в дом этот меня.

Тянет к себе это место,
Тянет в березовый край,
Здесь прошло мое детство,
Здесь улыбнулся мне май.

С грустью смотрю на калитку,
Память зовет на крыльцо.

Годы обрезали нитку,
В окнах чужое лицо.

Трудно расстаться с местом,
С домом, где выросла я.
Здесь была я невестой,
Трудно до боли, друзья!

Прочь уйду от дома,
След замечает пурга.
С прошлым прощаюсь снова —
В память уйдет навсегда.

Полынь

Полынный запах у домов,
Полынь у скверов наших.
Его разносит мощь ветров
С полей позавчерашних.

Растет полынь да лебеда —
Забили все тревогу.
Твердила бабушка всегда:
«За них спасибо Богу».

Лихой поре наперекор
Природа их растила,
Полынь лечила людям хворь,
А лебеда кормила.

пос. Красногорский

Анатолий Гагаринов

Лагеря

Заканчивалась вторая мировая война. На одной из дверей новой Берлинской комендатуры в зоне, занятой советскими войсками, висела наспех написанная по-русски черной тушью табличка: «Комиссия по делам интернированных». На данный момент табличка не оправдывала содержания. Никакой комиссии за этой дверью не было. Она вела в прихожую, где на маленьком диванчике дремал крупный, русоволосый, коротко стриженный парень, как говорят, славянской наружности, он как бы охранял большую черную дверь, которая вела в просторную комнату, посередине стоял огромный двух тумбовый палисандровый стол ручной работы с резными дверцами и толстыми точёными ножками. На этом шикарном столе нелепо смотрелся потертый полевой коммутатор и печатная машинка «Ундервуд» с русским набором букв. В огромном кресле за столом сидел щеголеватый офицер с погонами майора танковых войск и громко разговаривал по телефону:

— Мне срочно нужен переводчик со знанием английского и немецкого языка. Как это сам. откуда у меня знакомые среди русскоговорящих англичан и немцев? Немцев я еще в объеме школьной программы понимаю, а вот англичан — увольте, я не полиглот. Есть! Поехать в американскую зону).

Выйдя в прихожую, офицер крикнул:

— Федор, запрягай!

— Владимир Николаевич, куда едем?

— К пендосам, Федя.

Они вышли из комендатуры, сели в припаркованный прямо в газоне «виллис» и поехали в сторону американского сектора Берлина. В одном и том же городе, буквально рядом внешние впечатления сильно менялись. В Советской зоне то тут, то там среди развалин

стояли полевые кухни, с которых проворные солдаты раздавали кашу населению, рядом стояли цистерны с питьевой водой. Буквально в ста метрах, в западной зоне уже начинали открываться магазины и ломбарды, дающие валюту в залог немецких вещей. Американские солдаты в новеньких формах и в нарядных как бы игрушечных касках с буквами, производили впечатление опереточных актеров. Когда подъехали к громадному зданию с звёздно-полосатым флагом на фронтоне. Владимир долго объяснял постовому, куда ему нужно пройти, наконец, появился офицер, говорящий по-русски, и провел его к командующему оккупационными войсками — генералу Эйзенхауэру. Тот несколько минут говорил медленными рублеными фразами и офицер, сопровождавший Владимира, перевел:

— Согласно договоренности с полковником Говоровым, вам сейчас выдадут документ, который даст вам право беспрепятственного перемещения по зонам, занятым коалиционными войсками. А также в помощь вам направляется Алекс Гончаров, он американский гражданин, прошу учитывать это и беречь его, потому что любое насилие над ним будет расцениваться как насилие над американской нацией.

Из темного угла кабинета вышел невысокого роста молодой человек, одетый в болотный военного покроя френч без знаков различия. Владимир подал ему руку:

— Сафронов.

Гончаров нехотя пожал её. что не ускользнуло от взгляда генерала, тот сказал еще несколько фраз и уже Алекс перевел:

— Генерал говорит, что вы имеете право посетить любой концентрационный лагерь, но мы не позволим вам вывозить людей насильно, только с письменного согласия. Подписавшие ваши документы немедленно снимаются с довольствия.

Алекс говорил по-русски правильно, но с едва заметным акцентом. Из комендатуры они вышли вместе.

— Сначала мы едем в Майданек. у нас там база, берём грузовик, провиант и возвращаемся, поэтому вы нам. Алексей, не понадобится. Я думаю, что приеду через два дня, и мы должны объехать следующие лагеря: Дахау, Заксенхаузен, Равенсбрюк и Маутхаузен. вот там и поработаем вместе.

— Поработаем. — с сарказмом ответил Гончаров.

«Виллис» мчался по совершенно прямой длинной дороге, но обеим сторонам которой стояли большие ровные вязы. Владимиру пришлось в голову:

— Да. наверняка эти люди знают, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. Даже скучно как-то.

После того, как проехали границу с Польшей, их остановили какие-то люди в квадратных фуражках-конфедератках со шмайстерами на груди. Намерения их были явно агрессивными. Владимир расстегнул кобуру и достал из сумки пару гранат. Предчувствия не обманули его. Когда шофёр крикнул: «Советская комендатура! Не видишь что ли?», длинный поляк в мешковатом мундире начал стрелять. Владимир видел, как Фёдор схватился рукой за шею. и между пальцев потекла кровь.

— Падай. — крикнул Владимир и выпрыгнул из машины, одну за другой он бросил обе гранаты в самую кучу поляков. Осторожно выглянув из-за автомобиля, увидел длинного, стоящего на коленях и беспорядочно стрелявшего в их сторону. Владимир добил его из ТТ. вышел и пристрелил тех, кто хоть как-нибудь двигался.

Положив водителя на заднее сиденье, он перевязал рану и сел за руль.

На базе Сафронова вызвали в особый отдел и долго расспрашивали о происшествии. Молоденький особист с нежной, как у девушки, кожей несколько раз спрашивал его об одном и том же.

— Кто начал первый стрелять? Зачем вы убили этих людей? Это были наши поляки.

Дело двигалось к вечеру, когда в комнату вошёл коренастый полковник и, посидев минут пятнадцать, сказал:

— Всё ты, майор, правильно сделал, твои показания совпадают с показаниями водителя, мы его допросили. Буквально перед вашим приездом у нас пропал курьер-мотоциклист, сейчас понятно, чьих рук это дело. Чем тебе помочь? Задача у тебя, прямо скажем, сложная. Американцы проводят работу среди военнопленных, которые находятся в лагерях на их территории, и силой мы своих уже никак не вывезем.

— Мне нужен новый водитель и «виллис» подштопать. Кстати, как там Фёдор?

— Рана серьёзная, скорей всего отвоевался, но жизни ничего не угрожает, он уже в госпитале.

После оформления документов, выйдя из штаба, Сафронов увидел новенький «додж». «Вот бы мне такую», — подумал он.

Рядом с машиной стоял сержант с чёрными, как смоль, курчавыми волосами. Увидев Владимира, он подбежал к нему и доложил:

— Младший сержант Колпакчи прибыл в ваше распоряжение вместе с машиной.

— Тебя как звать-то?

— Кузьма.

— Чей будешь?

— Греки мы.

— Хорошо говоришь по-русски.

— Так мы русские греки.

Владимир тут же вернулся в штаб, нашёл полковника.

— Товарищ полковник, разрешите поблагодарить за машину.

— Что ты, как ребёнок, ей богу, так и знал, что вернёшься. Это тебе за обезвреженных поляков, давай ехай. ехай, делов у тебя, парень, много.

Утром следующего дня они подобрали на улице «Унтер дер линден» Алекса и, заехав за грузовиком, в котором сидели двое солдат с автоматами, выехали по Мюнхенскому шоссе в концлагерь Дахау. По дороге Владимир велел завернуть на спиртзавод, который находился на окраине Берлина, его неделю назад брала с боем часть Сафронова. Он взял там большую флягу со спиртом и поставил её в кузове «доджа».

— Куда вам столько спирта? — спросил Алекс.

— Греться будем, если что.

— Слушай, Гончаров, давай на ты, как ты в Америку-то попал?

— Я там родился.

— Родители буржуи?

— Отец — профессор в университете, выслали из России без средств существования вот такие как вы. энергичные.

— А где же ты по-русски так насобачился разговаривать?

— У нас в семье дома только на родном языке разговаривали, думали, возвращаться придётся. Однако вряд ли. С такой гидрой вы расправились. Видать надолго засели.

— Ненавидишь таких, как я?

— Да нет. вы-то шавки, что на вас обижаться.

— Ты давай, пацан, осторожно, я как-никак при оружии, мало ли что.

— Сами напросились.

До места добрались к вечеру, когда уже смеркалось. Зрелище это было не для слабонервных. Мрачные корпуса бараков, злоеющие трубы крематория, которые ещё дымили, дожигая приготовленные трупы. Бульдозер заваливал братскую могилу, в которой лежали горы человеческих останков, смрадный сладковатый запах бил в нос. По периметру лагеря ходили американские солдаты с собаками.

Утром прямо на территории американцы поставили две полевые кухни, к которым выстроились очереди за едой. Здоровенный негр большим черпаком доставал кашу, а затем брал банку тушёнки и разрубал её огромным тесаком пополам.

Владимир в это время методично доставал из кузова грузовика стол и два стула. Затем налил в графин до половины воды и долил до верха спирта, поставил графин и три стакана на стол, покрытый красной бархаткой скатертью, рядом положил подписные листы и, наконец, завернутый в серую мешковину синий ящик с кучкой пластинок. Сев за стол, он стал методично крутить ручку патефона, из которого доносились задушевные русские песни: про бродягу, про Хазбулата и про валенки.

Через некоторое время около патефона собралась толпа. Владимир налил в стакан спирта и выпил сам, затем налил в остальные стаканы. Один мужик спросил:

— А если я выпью, мне обязательно подписывать?

— Как хочешь. Родина — мать. Наша мать строгая, поругает и простит.

Боковым зрением Владимир заметил высокого русого парня с пронзительно-голубыми глазами и шрамом на щеке. Он стоял немного поодаль и крестился, затем подошёл порывистым шагом, выпил и уставился своими глазищами прямо перед собой.

— Как фамилия? — спросил Сафронов.

— Иванов.

Подошел Гончаров и сказал:

— Вы уверены, что вас ждут на родине?

Владимир встал из-за стола и, взяв Алекса за локоть, больно сжал его и сказал:

— Конечно, где этому барчуку знать, что такое Родина. Подходите, ребята.

Он налил ещё голубоглазому, тот выпил.

Прошло время, стали подходить всё чаще и чаще. Через пару часов на столе лежала гора подписных листов.

— Алекс, зовите начальство, оформляем партию.

Когда документы были оформлены и переданы, стали грузить людей в грузовик. Дошла очередь до голубоглазого, тот был сильно пьян.

— Надо же. такой набожный, а нажрался, оставайся, я за тобой следующий раз приеду, обрыгаешь мне весь кузов, — сказал Владимир, оттолкнув парня.

Когда машины выехали из лагеря. Алекс, подвинувшись вплотную к Владимиру в кузове «доджа», сказал:

— Вас совесть не гложет, вы же знаете, что ждёт их на Родине. Всех ждёт лагерь.

— Не всех, — сказал Владимир и порвал лист с фамилией Иванов. — Ты не знаешь, пацан, что бывает за невыполнение приказа, где тебе знать буржую. А Родина — она, в конце концов, разберётся, кто прав, а кто виноват.

г. Челябинск

Вячеслав Тюнькин

Не боги горшки обжигают

Красная шапочка

Зря,
Промежду прочим,
Ходят кривотолки:
«Кровожадны очень
Да коварны
Волки».

И уже позабыты
И кураж,
И грехи...
И спокойный,
И сытый...
Да стихи —
От сохи.

***

Вот, однажды летом
Приключился искус:
Юная нимфетка,
Бабка-одалиска
Да охотник грубый —
Экая проруха! —
Выбитые зубы,
Вспоротое брюхо...
Вот и вся недолга.

Чего там Дарвин
Заместо оргий
Вложил в основы
Своих теорий?
Чтоб выпить в меру,
Закушать пиццей —
Всю жизнь я должен,
Как вол, трудиться?
А у макаки
Не рвутся жилы,
Радикулита
Нет у гориллы.
Так в чём же правда?
«Шоб мы так жилы...».

Так ни днём, ни ночью
Не ходите,
Волки
Лесом в одиночье.

***

Обуздали пегаса,
Опясавав седлом...
Стал послушен
И ласков,
Зря не машет крылом...

Эпитафия со свечой

Не угасла свеча —
Догорела.
Не задерживайся у крыльца.
Просто «мавр» довершил своё дело
До логического конца.

Пробил час —
 Не взирая на лица,
 Что бы там ни стучало в груди —
 Соблюдая законы приличия,
 Надо вовремя уходить.

* * *

Согласно Омару Хайяму
 Я — вечен
 Без всяческих чар:

Мой прах изымая из ямы,
 В горшках воплощает
 Гончар.
 Увы, перспектива такая
 Таит вековую печаль:
 Не боги
 Горшки обжигают.
 Не боги...
 А сё-таки жаль.

г. Коркино

Илья Весенн

В джунглях средней полосы

Сюрприз в горшке

Мишутке исполнилось два года. Такое событие решили отпраздновать по полной программе. Купили небольшой, но красивый торт, папа подарил игрушечный паровоз, очень похожий на настоящий, с басовитым гудком. Мама вручила малышу шикарного Кота-сапогах в широкополой чёрной шляпе и пёстром камзоле, подпоясанном ремнём с золотистой пряжкой. Кот был в высоких ярко-красных поролоновых сапогах. Праздник удался на славу! Малыш поел торт и стал ползать по ковру, вжикая паровозиком, куда в качестве машиниста посадил пижонистого Кота. Мама с папой сидели рядом на диване, любуясь чадом, увлечённым игрой. В тот момент казалось, что семейное счастье на самом пике!

Следующий день был рабочим и перед самым обеденным перерывом у отца Мишутки зазвонил мобильник. Из трубки послышался взволнованный голос жены, она чуть не плача сообщала, что сынок неважно себя чувствует, ничего не ест, капризничает и держится за животик. Супруга просила срочно приехать помочь разобраться в ситуации. Папаша рванулся на помощь и увидел Мишутку в кровати, мама сидела рядом, нежно и печально глядя ему живот. Как заправский доктор, отец стал осматривать малыша. Тот действительно сильно тужился и капризничал. «Наверное, вчера торта переел, вот живот и заболел!» — недовольно пробурчал папаша. В это время он и сам почувствовал, будто в желудке что-то бурчит и ноет, и заявил жене: «У меня тоже живот болит!». «Мнительный ты! Я больше всех этот торт ела, и всё нормально. Не в торт дело. Иди на кухню, перекуси — и пройдёт!» — фыркнула жена. После небольшой перепалки муж пошёл обедать, а жена посадила сына на горшок. Только муж похлебал свекольный борщ и стал разогревать ветчину с макаронами, как услышал громкий возглас жены: «Иди сюда! В кале кровь, нужно срочно вызывать скорую!». Муж вбежал в комнату и заглянул в ночной горшок, где на дне возвышалась жёлтая кучка с красноватыми прожилками. Жена металась по комнате, искала телефон и нервно тараторила: «Кровь в кале — это последняя стадия дизентерии! Срочно нужен врач! Где телефон?!». Муж тоже очень испугался такого поворота событий, но что-то останавливало его от вызова скорой помощи. Он продолжал вглядываться в содержимое горшка, затем схватил с письменного стола карандаш и ковырнул им. После этого резко повернулся к жене, набирающей номер, и прервал её причитания словами: «Не звони! Это — не кровь, а ... непонятный предмет!». Он показал жене НЕЧТО красноватое, висящее на острие карандаша. «Ещё не догадалась, что ЭТО, а я понял!» — победно заявил муж. «И я догадалась!» — подтвердила супруга. Оба, как по команде, развернулись и посмотрели в сторону сынишки, который со спущенными до колен штанишками (их молодая мамочка в суматохе забыла подтянуть, и стала делать это только сейчас) спокойно и беззаботно елозил по ковру, толкая перед собой паровозик с Котом, словно у него никогда не было проблем с животом. На сей раз, внимание родителей привлёк не сын, а именно Кот. На задней лапе у него отсутствовал красный сапожок — это он теперь болтался на карандаше в руке отца и больше не мог быть использован по назначению!...

Папа с мамой, взявшись за руки, вновь сидели рядышком на диване, приходя в себя от пережитого стресса. Они рассуждали, каким образом их малыш умудрился проглотить

сравнительно большой поролоновый сапожок, и как тот смог протиснуться по всему тонкому кишечнику малыша? Но, оказывается, такое тоже случается! Временами родители замолкали, устремляя любящие взоры на Мишутку, который ещё более увлечённо играл с подарками. Игрушечный Кот теперь был полностью “босым” — второй сохранившийся сапожок мама также сняла с его лапы и убрала от беды подальше!

Счастливым малыш совершенно не понимал, какую шутку сыграл со своими родителями в ответ на заботу и ласку. Зато до папы с мамой стало доходить, что они ещё не раз станут свидетелями подобных шалостей сына, пока тот окончательно не повзрослеет и не подарит им ещё одного маленького шалуна, то есть внука.

В джунглях средней полосы

Субботним вечером Олежек с папой Владом смотрели детские познавательные видеофильмы. Четырёхлетнего карапуза очень заинтересовали сюжеты про животных и пресмыкающихся. Он зачарованно следил за всеми движениями весьма неприятных существ. При этом на лице у малыша не возникло даже тени испуга от их устрашающего вида, стрёкота или злобного шипения... В комнату заглянула мама и спросила сынишку, не боится ли он смотреть на ночь про этих страшных тварей? «Ни капельки не боюсь!» — кратко отвечал сынок, не отрывая взгляд от экрана. Настала очередь вмешаться отцу: «Хватит пялиться, пей молоко и марш в постель! Завтра пойдём в лес за ягодами и, возможно, зверьё живьём увидим. Вот тогда не трусь!». «И не подумаю!» — ответил Олежка. Предложение родителя малышу понравилось, он благосклонно позволил выключить телевизор и направился с мамой на кухню пить молоко.

Солнечным утром молодая семья по заросшей тропке отправилась в чащу леса. Было очень тепло и сухо. Из пышных крон деревьев доносилось многоголосье птиц. Над цветочными полянами жужжали шмели, в зарослях меж деревьев растянули серебряные сети мохнатые пауки. Мальчуган спокойно и радостно познавал окружающий мир. Неожиданным возгласом всех напугал Влад. Он угодил в липкую, а потому весьма неприятную, паутину. Очищая от неё лицо, папа выругался, а затем ловким движением поймал бежавшего к нему за ворот паука, которого показал сыну. Ребёнок с интересом рассмотрел насекомое, после чего попросил отпустить паучка на волю.

Прошло ещё несколько часов. Вёдра наполнялись черникой и земляникой, а мальчишка всё также увлечённо изучал крылатое население ягодных зарослей. Собрав ягоды на очередной полянке, стали подниматься по склону. Олежек, забыв об усталости, брёл за отцом и задавал ему всё больше вопросов на биологические темы. Вдруг Влад замер на месте и стал пристально разглядывать что-то перед собой. В метре от его ног поперёк едва приметной тропки лежала, похожая на очень толстый тёмно-серый кабель, изогнутая палка с бледно-серым продольным узором сверху. Концы этого непонятного предмета скрывались в траве. Отца как током передёрнуло и он, слегка отпрянув назад, медленно отвёл в сторону свободную руку, сигнализируя об опасности, громко шепнул: «Змея!». Тут кто-то мощно промассажировал Влада сзади, начиная от икроножных мышц, вдоль позвоночника до самых плеч! Папа и охнуть не успел, как почувствовал, что на голове разместилось нечто увесистое. Это сынуля, забыв об усталости и правильно оценив опасность, хватаясь за одежду, проворной обезьянкой вбежал по папиной спине и уселся на его макушке (!), опершись ножками на отцовы плечи и вцепившись ручонками в его шелковистые кудри. Такая реакция сына напугала Влада больше самой змеи — он аж присел от неожиданности!

Коварное пресмыкающееся, тоже напуганное шумом и суматохой, стремительно скрылось среди черничных кустов, а Олежек ещё долго не хотел поддаваться родительским уговорам и покидать «безопасное гнёздышко» на папиной макушке. Только минут через тридцать он соизволил сползти с папиной головы на плечи, где и оставался до окончательного выхода из леса. На мамины и папины доводы, что он, мол, смелый мальчуган и пора бы разгрузить отца, малыш дерзко отвечал: «Не боюсь ни кого!», а сам ещё крепче цеплялся за папины волосы. Так и ехал степенно и величаво, как вождь африканского племени на боевом слоне. И здесь он действительно ничего не боялся!

г. Миасс

Юрий Александров**И добрее люди станут****Апрель**

Ручьи гремят, как фути Баха,
И ветер праздничной валторной,
Забыв зимы былые страхи,
Слагает гимн весне задорный.

Тоски с души я сброшу тяжесть,
Как шубу старую в сарае,
Больная память сгинет, сляжет,
Ну, все, мне скажет: умираю.

А я, лишь в солнечной рубашке,
Не буду мерить жизнь шагами,
Я пью дождя хмельную бражку,
Я вечен — наравне с Богами.

Братство

Я люблю поэтов братство,
Только слово их богатство,
Только слово и весь мир
Пригласят они на пир.

И живительно влагой
Потекут с листа бумаги
К вам хрустальные ручьи,
Вспыхнет солнце вдруг в ночи.

А в деревне, как ни странно,
Удивительные страны
Перед вами вмиг предстанут,
И добрее люди станут.

Все сокровища ничтожны,
Когда слово осторожно
Вам откроет мир прекрасный,
Ты поймешь — все не напрасно.

Нет тебя

Счастье, любовь, сокровище...
А душа вся в слезах и сукровице,
И померк во Вселенной свет,
Потому, что нет тебя, нет.

Я живу, как трава под снегом,
Разлучен я с землей и небом,
Я с самим собой разлучен
И, как смертник, на казнь обречен.

Сердце зовет

На Малую Сатку уехать рыбачить,
Где росами травы зеленые плачут,
Такой вот простой и разумный поступок,
Он нам недоступен, увы, недоступен.

С утра с головой окунемся в работу,
А после по саду и дому заботы,
И так без конца, без конца и начала,
Все нам недосуг и все времени мало.

Не нужен нам берег турецкий, Мальдивы,
Под боком у нас есть природное диво —
И сердце уже и тоскует и плачет,
На Малую Сатку зовет порыбачить.

Запах родины

Мне запах полынью заросших полей
Дороже парфюма тончайшего.
Чем бьет меня жизнь беспощадней и злей
Тем больше стремлюсь в леса чащи я.

Лишь там, в полумраке парящей листвы,
Скрытой от вечного неба,
Вдали от людской и неправой молвы,
Пойму кем я был, и кем не был.

Пойму, что я часть лишь природы твоей,
Как запах полыни летящий,
Я вечен, как вечны изгибы ветвей,
Как ястреб, в зените парящий.

г. Сатка

В январе 2012 г. исполняется 80 лет
Петру Акимовичу Овинову.
Поздравляем активного литератора с юбилеем,
желаем здоровья и творческих удач.

О вечном вдруг заговорила

Материнская гора

В звонком детстве гору Школьную Материнской назвала...
 Нам она дарила ласку, радость Отчего тепла.
 Лишь весна — весь склон, как небо, в незабудках голубых.
 Мы с собой краюшку хлеба и забыли о родных.
 Тут тебе и корм подножный: лук, чеснок, капуста — сладь!
 А в июле — ягод можно — на полянку бы напасть...
 Шоколад не так уж часто мы едали, но зато,
 Был цветок там — шоколадка — подышали и «СладкО-О-О»!
 Кашка белая, душистая нам дарила аромат;
 Ветреница — «дева» чистая завораживала взгляд.
 И от этого — веселье! Шутки, песни, смех, игра!
 На домашнее заделе не спешила детвора.
 Где гора? — Гора на месте... Да пропала благодать —
 Придавили... Растерзали... — Предали родную мать...

* * *

В суете январь прошёл, ветры мчат февраль —
 С Новогодней кутерьмой расставаться жаль...
 Ветки пихты сохнут в вазе, иглы сыплются вокруг,
 Телеопиум в экстазе заикаться начал вдруг,
 Мишура, шары ожили — заискрились, закружили —
 Новогодье пляшет дома — «Кто кого»... — смеётся Дрёма.

* * *

Отбросим мелочь бытия и помолчим, родной, немножко...
 Послушаем, как лунный свет, струится трепетно в окошко...
 И ветер ревностью томим, тоскливо бьётся в грани крыши...
 И мы с тобою еле слышно о вечном вдруг заговорим...

* * *

* * *

Щёки яблочно-свежи и румяны,
 Губы от мороза непослушны...
 И домой мы не спешим — от счастья пьяны —
 Словно Ева и Адам, простодушны...

* * *

Дождь льёт и льёт который день,
 Соединяя землю с небом...
 Где пахнет листьями и снегом,
 Опята взобрались на пенёк.

* * *

Я не приемлю ваш совет —
 Писать претит мне по указке!
 Пусть будут хороши подсказки —
 Да только в них меня уж нет!..

*Памяти бабушки моей
 Анны Евстигнеевны Ионовой*

Проснешься утром — уж гудит печурка,
 Растопленная бабушкой моей.
 «Вставай, Веруня, хватит спать, дочурка»
 И светел лик в сиянии огней,
 И в рукомойнике вода налита —
 Заботливо согрета в чугушке.
 В руках бабули резво пляшет сито,
 Будя азарт в котенке и щенке,
 И я, скатившись с высоты кровати,
 К теплу живому руки протяну...
 На весь мой век мгновений этих хватит
 Лишь только память в детство окуну.

* * *

Мороз так давит, что в весну не верится...
 А календарь твердит, что март пришёл...
 И слава Богу, что планета вертится...
 И, может быть, всё будет — хорошо!..

* * *

Осень вздыхая с листьями кружится —
 Ветер тучи по небу гоняет...
 Кто-то чуть слышно: « Стерпится —
 слюбится»...
 — Ей день и ночь повторяет.
 Может, и стерпится, только, не слюбится —
 Не повезло им в пути...
 Страх пересилил —
 И два одиночества вместе решили идти.

* * *

Мне снова снится — я лечу!
 Машу руками, как крылами птица.
 И от восторга дикого кричу,
 Не понимая, что могу разбиться...

* * *

Я мечтаю о тебе каждый день.
 Я мечтаю о тебе тёмной ночью.
 И приходишь ты во сне, словно тень.
 И отводишь от меня свои очи...
 И целую я тебя с болью в сердце —
 Поглощает тебя расстояние ...
 А, проснувшись, приходится верить
 Что целуют во сне к расставанью...

* * *

Хотел ты женщинам нравиться —
 Дарил им розы и лилии...
 Я, уходя, ничего не взяла —
 Кроме твоей фамилии...

* * *

Я пью взахлёб земную красоту
 И наливаюсь силой первобытной!
 Я, с ветром споря, до небес расту,
 И чую всё, что было глазу скрытно —
 Вот пробивается побег цветка,
 А вот птенец колотится в скорлупку...
 Но время шепчет мне: «Как ты хрупка...
 Как всё вокруг недолговечно-хрупко...»

* * *

На скамейках бабушки толкуют..
 На балконе голуби воркуют...
 На проталинках трава пробилась..
 А, Наташка, кажется, влюбилась...

* * *

Снежинки на ладони — дар небес —
 Спешу желанье загадать...
 Намокли линии судьбы — конец чудес...
 Жаль не успела я опять...

* * *

Маленькая птичка — внучка-невеличка
 Целый день хлопочет — отдыхать не хочет,
 Целый день щебечет непонятны речи...
 А потом вдруг громко заревёт девчонка —
 Утомилась птичка — внучка-невеличка.

* * *

Я куплю себе новое платье
 И взлечу на высокий каблук!..
 От твоих убегу объятий,
 Приглушив сердца бешеный стук...
 И уеду я в город стылый,
 «За собой сжигая мосты»...
 Пусть он будет чужой и постылый,
 Но такой, где не встретишься ты.

с. Агапова

Галина Деевкова

Начался ягодный сезон

* * *

Пришёл к отцу сын осьминожек
 Задал ему такой вопрос:
 — Есть у меня аж восемь ножек,
 Глаза и рот, и даже нос.
 А как же без науки
 Определить где руки?
 Поморщив лоб немного,
 Ему сказал отец:

У нас у осьминогов
 Есть несколько сердец.
 Чтоб кровь прогнать, конечно,
 На каждую конечность.
 А где рука и где нога —
 Нет разницы для нас пока.
 Ведь главное-то в том, сынок,
 Чтоб управлять ты ими мог,
 Чтоб не сидел без дела,
 А делал всё умело.

* * *

Шум разносится по лесу:
Тра-та-та, да та-ра-ра.
Вместо звонких птичьих песен
Дробь тревожная с утра.
Все вставайте, хватит спать!
Лес родной пора спасать.
От проклятого врага,
От обжоры-червяка!
Чёрный дятел бьёт тревогу:
Преградим врагу дорогу!
Птичье войско на крыло
И крушить врага пошло.
Птичий крик да крыльев свист
Слышится повсюду.
Спрятался червяк под лист:
«Больше я не буду».
Не сумел он избежать
Казни и позора.
Все решили — наказать! —
Негодяя, вора.
Ухватили за бока,
Цап и нету червяка.
Облегчённо лес вздохнул,
Полнясь птичьим криком.
И поляны распахнул
С красной земляничкой.

* * *

Громко квакала лягушка,
Раздувая своё брюшко.
Думала, что пела —
Кому какое дело.

Прошуршал камыш: «по-ти-ше...»
Только кто его услышит.
Захотели чайки:
«Ты попросту зазнайка.

Чтоб заниматься пением
Здесь надобно умение.
А это горлодрание
Не стоит и внимания».

А лягушке петь охота
Про любимое болото.
И милых разномастных
Малюток головастиков.

Про болотный весь народ,
Что здесь счастливо живёт.
Зелёная уродина
Зато поёт про родину.

* * *

У нас в лесу с которых пор
Завёлся странный светофор:
Когда горит зелёный свет
В лесу почти народу нет.
Когда зажжётся красный,
Не будет он опасный.
Заполнит свет поляны,
И бугорки и ямы.
И в лес весёлою гурьбой
Бежим туда и мы с тобой.
Ведь означает точно он —
Начался ягодный сезон.

п. Увельский

Тамара Кадникова

В жизни нет мне покоя

В полжизни страница

Не крути надо мною, ты, вьюга,
Никогда мне не будешь подругой.
Мне подругою стала метель,
Что качала мою колыбель.

Я сумела зимою родиться,
Что ж зимы не всегда серы лица.
У зимы есть чему поучиться,
Ради этого стоит родиться!

Мне б в Крещенье водою облиться,
Только жаль, я — не лебедь — утица.
Не всегда у зимы серы лица.
Так хочу из зимы вдруг напиться!

По зиме мне что хочешь приснится,
Не всегда у зимы серы лица.
Чуть заслышу я трели апреля,
Я бегу по зиме с акварелью.

Ночь. Зима. Почему-то не спится.
Жизнь моя окоlesiцей мчится.
Мне открылась в полжизни страница.
Перекур, сердце вновь хочет биться!

Мама

Где-то далеко тревожит ветер
 На твоём лице седую прядь.
 Мама, мама! Как же мне порою
 Хочется тебя к себе прижать.
 Мама, мама! Как же не заметить
 Что совсем исчезла твоя стать.

Лишь в глазах остался чистый лучик,
 Лучик, что зовет меня давно.
 Лучик тот мне согревает душу,
 Освещает жизни полотно.

Жизнь моя, как редкостная книга,
 Не топлю печали я в вине.
 Лучик твой даёт мне столько силы
 И проблемы словно бы во сне.
 Даже бы Толстой не усомнился,
 Книгу обо мне назвал бы «Мир в войне».

Дождик

Льёт слезы дождик на моем окошке,
 Уснула кошка,
 Стало скучно кошке.
 А дождь все льет, и льет, и льет, и льет.
 Когда же кошке снова повезет?

Сердце

Ты скажи мне, как решить проблемы?
 Подскажи мне, как не заболеть?
 Снова вспомнить жизни теоремы
 Или вовсе жизни не жалеть?
 Не стону, стонать мне не пристало,
 Просто сердцу некогда вздремнуть.
 То не в ритм стучит, то прытью скачет.
 В чем могу его я упрекнуть?
 Сердце, сердце, ты совсем устало
 Некогда тебя мне пожалеть,
 Некогда прислушаться к дыханью,
 А как хочется еще везде успеть!

Звёзды

Звёзды высыпались с неба
 И растаяли во тьме.
 Ни за что не догадаться,
 Что их держит в вышине.

Может быть блистать устали?
 Может быть мудрее стали?
 Может небо надоело
 И решили рухнуть смело?

Звёзды, звёзды, зря слетели,
 До Земли не долетели.
 Иль о чём-то пожалели
 Когда на небе висели?

Луна

Бесстыжая холодная Луна
 Осколком льда заглядывает в душу.
 Ей только б подсмотреть, стубить, нарушить
 Мой сон, в котором жизнь моя видна.

Она уже не рада и сама
 И мечется по небу, как в ненастье.
 Ей бы оттаять, хоть на полчаса.
 И в сне моём опять прольётся счастье.

* * *

Падал снег на яблони и груши,
 Словно убаюкивая душу.
 Зимы отоспятся, отдохнут,
 И весною дружно зацветут.

Зацветут, закружат белоснежьем,
 Только ты останься со мной прежним.
 Только ты останься со мной прежним,
 Тихим, верным, но не безнадежным.

Моему любимому супругу

Твои глаза по-русски так богаты,
 Твои глаза — то гладь, то перекаты.
 Твои глаза — моя последняя любовь,
 Твои глаза хочу я видеть вновь и вновь.

Твои глаза, в них свою преданность я вижу.
 В твоих глазах я свою робость ненавижу.
 Твои глаза зовут дарить им ласку вновь,
 Как в первый раз, тем дорога твоя любовь.

Твои глаза — в них дум твоих сомненья,
 Не пожалела о любви ни на мгновенье.
 И пусть горят глаза, как в море маяки,
 Любить, страдать, и вновь любить
 Не могут только дураки.

Рыжий кот

Рыжий перс на кухонном оконце,
 Щурит желтый глаз на Тегеран.
 Жмурятся в глазах тех брызги солнца,
 Кот лежит, блаженствует, как хан.

Может ему снится голос предков,
 Жили те в загадочной стране.
 Прячет что-то кот в улыбке хитрой,
 Только что, сказать не может мне.

Скрипка-душа

В подворотне зябко стонет скрипка,
Стонет, как израненная грудь,
Песнь твоя помятая улыбка
На твоём челе печаль и грусть.

В голосе твоём жара и стужа,
Шелком разрывается капель.
Голос твой мне бесконечно нужен,
Не могу я без тебя, поверь.

В подворотне зябко стонет скрипка,
Стонет, как забытое дитя.
В жизни, вроде, не было ошибок,
Сколько можно убиваться зря.

В золоте лучистого заката
Плачет скрипка, как по сыну мать.
Скрипка, твои звуки ярче злата,
Расскажи мне, как тебя унять.

То вздохнет, а то взахлеб рыдает,
Разрывая сердце наяву.
Скрипка, голос твой зазывный тает,
Улетает в неба синеву.

Плачь, зови, иль кашлем обрывайся
Слез тебе не выжать из меня.
Скрипка-друг, как хочешь улыбайся
С красною рябиной у огня.

В золоте лучистого заката
Замирает скрипки моей трель.
Всё однажды кончится когда-то,
Отшумит вишневая метель.

Скрипка-песня, нет тебе покоя.
Как и нет покоя у меня.
Что же сделать в жизни мне такое.
Чтобы ноты падали звеня.

Звуки скрипки, то как майский дождик,
То как леденящий ураган,
Не спасет мне душу новый зонтик.
Не предаст пустыню караван.

В золоте лучистого заката
Замирает скрипки существо.
Скрипка, ты моя большая радость,
С ней сравнится разве божество.

Я не верю...

Я не верю, что жизни вдруг наступит конец,
Не услышу я хора, что зовет под венец,
Не услышу я стука самых близких сердец,
Вот тогда уже точно мне наступит конец.

Не успею помолиться, не успею проститься,
Улечу белой дымкой высоко-высоко.
В жизни нет мне покоя, он мне даже не снится,
Значит ниточка жизни тянется далеко.

Я не верю, что стихнет птичий гам за окошком,
И темном небе луны не увижу лукошка,
Не увижу сиянья обручальных колец,
Вот тогда уже точно мне наступит конец.

Сердце ноет и плачет, сердце рвется на части,
Я прошу не сердиться, я желаю Вам счастья.
Никого не намучив никому не наскучив,
Я уйду, но останусь в вашей жизни на случай!

г. Челябинск

Людмила Чиркова

Рады взрослые и дети

Звуки леса

Слушай, слушай — лес не спит, он с тобою говорит:
То вдруг шишка упадёт, ветер лист с берёзы рвёт,
Как ворчливые соседки — заскрипели сосен ветки,
Застучал трудяга дятел — леса доброго приятель,
Всюду слышен шум и гам — развесёлый та-ра-рам...
Эхо, эхо от-зо-вись...

Слышишь?.. Слушать лес УЧИТЬ!

Подарок, который лучше скушать

Хороши для мамочки вкусные подарочки-
Шоколадка сладкая, с мятой, ароматная!
Но, беда — я разревелась (шоколадка как-то съе-е-е-лась).
А остался только фантик...превращу его я в бантик-
Завяжу верёвочкой, приколю заколочкой...
Мама будет очень рада (ей не надо ШОКОЛАДА).

Лень

Говорят, что в этот день приходила в гости лень...
Я с утра шепчу, шепчу: «Ничего я не хочу!
Мне не хочется вставать, одеваться и играть».
Рядом спит Мурлыка — кот, позевает во весь рот.
Видно лень с ним тоже ладит, по спине Мурлыку гладит...
Я проснулся, тихо встал, лень свою коту отдал.
Говорят, что в этот день от меня сбежала лень!

Осенины

Осень в жёлтом платице, красные горошки.
Солнце с неба катится, как с цветной обложки.
Листья словно бабочки над землёй летают.
Аромат от яблок над верандой тает
(щедрый дар от осени в зимушку — стодится).
С неба светлой просини — холодок струится...
Ветер — пёстрый всадник над кустом калины.
Снова красок праздник, снова осенины!

Спать пора

Месяц выставил рога, осветил в дугах стога.
Ёжик покатился с горки, поспешил на отдых к норке.
Даже хитрая лиса — спать пошла в свои леса.
А голодный волк — волчище подтянул худой боцище,
Воет: «Где найти «кровать»? Хочется мне тоже спать!».

Порадуемся весне

С неба льётся синева,
К солнцу тянется трава.
На деревьях много почек,
В каждой почке спит листочек.

Утром почки пробудились,
Зеленью кусты покрылись.
Хорошеет сад, как в сказке,
У природы столько краски:
Жёлтой, розовой и синей,
Яблонь цвет, как белый иней...

Рады взрослые и дети,
Мчит Весна в цветной карете!

Маленький опёнок

Радуйся опёнок,
Что пока «ребёнок».
Подрастёшь немножко,
Попадёшь в лукошко.

Суслик

Суслик колоски жуёт
И совсем не устаёт.
За щекой их прячет ловко,
И несёт в свою кладовку.
Съест зимою колосок
Подрастает на вершок.

Ночной гость

Спать сегодня рано лёг,
Да никак заснуть не мог —
Всё смотрел на лучик света,
Что метался по паркету.

Растерялся я на миг...
Слышу-мчится грузовик.
Ослепил он всё окно,
Стало в комнате светло!

Но... всё стихло. Ночь. Кровать.
Думаю — придётся спать.

Хитрая щука

Щуку с папой мы поймали
Принесли её домой,
Сразу все захопотали:
Ах, какой улов большой!

Положили щуку в таз,
Не глядит она на нас.
Я подкрался к рыбе с краю,
Думал: щука неживая...

В пасть ей палец сунул ловко,
А она жива, плутовка —
Рыбий рот свой приоткрыла
И ...мой палец захватила!

Будет вам, друзья, наука
Не играть с коварной щукой.

Два настроения

Мне обидно очень — очень:
Кот со мной играть не хочет,
Куклу Машу не нашла,
Мама из дому ушла.
Я на всех сейчас сердита...

Но обида позабыта:
Мама, мамочка вернулась!
Я ей мило улыбнулась,
Котик перестал зевать
Подошёл ко мне играть,
Кукла Маша на полу
Тоже ждёт меня в углу.

Страх

Показалось мне на днях,
Что «гостит» в квартире СТРАХ,
То — он скрипнет половицей,
То, вдруг, тенью пробежится,
Даже кот порой ворчит,
Что-то видит и молчит...
«Мама!» — громко закричал.
Страх со страху замолчал.

На том берегу

На Том Побережье, на той стороне
Всё ярче, таинственной кажется мне...

Там ели дремучей, берёзы моложе,
Там дивные пляжи и скалы построже,
Там чистые воды, хрусталь родника.
...Ступаю на берег, волнуясь слегка.

Да, тёплый песок, и шум леса колдует,
И ветер макушки деревьев целует.
Под вечер — дымок от костра голубой,
И звёздное небо с глазастой луной.

А утром Тот Берег возник, как виденье.
Непрощенным гостем теснится сомненье.
В раздумье я: «Всё же на той стороне
Всё ярче, таинственной кажется мне».

г. Миасс

Юрий Левинский

Но хочется в полёте задержаться

Откровение

Я не люблю безмозглого упрямства,
Вранья от близких мне людей не потерплю.
Я не приемлю дикости и хамства
И лести липкой тоже не люблю.

Я ненавижу сплетни и наветы,
Шушуканье за чьей-либо спиной,
Невинный вид за всем за этим
И тех, кто озабочен лишь собой.

Я протестую против диктатуры,
Борюсь за правду, не жалея сил,
И, несмотря на слабости своей натуры,
Я не позволю, чтоб один другого бил.

Я не терплю разврата и цинизма,
И глохну от ненужных склок,
Не выдержу я взгляда с укоризной,
Когда я мог помочь и не помог.

Я каменею от того, что кто-то предал
Друзей, страну или любовь.
Такой урод по мне и человеком не был,
А в жилах у него — вода, не кровь.

Я не устану бить по равнодушию —
От равнодушных — все людское зло.
И гибнет в нем, как будто от удушья
Все, что кому-то счастьем быть могло.

Я презираю все себе гребущих,
Их жадность скотскую и сытое лицо.
Им дела нет до сирых, неимущих,
И их не отличить от подлецов.

Я ненавижу тех, кто много обещает,
Нахально врет, что будет всем служить.
Их наглость никаких границ не знает,
Да и людей им нравится дурить.

Я возмущаюсь, сталкиваясь с чванством
И цепенею, видя произвол.
Мне кажется, смердит само пространство,
В которое такой порок вошел.

Я не хочу встречаться также с теми,
Кто в страхе за себя всегда молчит.
Они стоять готовы на коленях,
А жалкий вид о многом говорит.

Я не люблю слащавости по жизни
И подхалимов точно! Не терплю.
Они, как пьяницы в своем алкоголизме,
Всю гордость разменяли по рублю.

Я помню тех, кто лгал и притворялся,
Завидовал и гнусно всем вредил,
За спинами других шакалил и скрывался,
А людям все о честности твердил.

Я не боюсь открытой драки,
Где честный гнев и слезы на глазах,
Но я страшусь убийц во фраках,
Которые способны только «заказать».

Я не могу без слез смотреть на старость,
С дороги жизни стертую, как хлам.
Ну, сколько стариков еще осталось?
А вот уйдут... Не стыдно ль будет нам?

Я и себя порою ненавижу
За то, что мог сказать, но промолчал
Не ради выгоды или престижа,
А потому, что трус во мне кричал.

Я не люблю, когда сдаюсь без боя.
Уж, если прав, то следуй до конца.
Для этого не надо быть героем
Или носителем тернового венца.

Я не хочу обидам поддаваться
И воевать ни с кем я не хочу,
Но я не стану и от бед людских скрываться
И как молчал, уже не промолчу.

Сегодня я родился...

(15 января 2011)

Наивно светлые мечты лелеять,
Когда тебе полста плюс девять.
Не лучше ль просто детство вспоминать,
Когда от жизни ничего не надо было брать.

И все так просто, так понятно,
Но молодость сбежала безвозвратно,
Теперь совсем другие времена,
Да и надежда, впрочем, лишь одна...

Как лист осенний, с дерева летящий,
Живешь ты прошлым, а не настоящим.
Не странно это, но, увы, печально,
Хотя такой финал считается нормальным.

И до земли совсем уже немного,
Отмерена, конечно, и твоя дорога,
Но хочется в полете задержаться,
Чтоб быть самим собой, а не казаться...

Перелом жизни

Я слышал всюду много раз
О переломе жизни в шестьдесят.
Кому-то это — «наступил последний час»,
А кто-то вдруг активным стал, как двадцать
лет назад.

Зовется это время — «пенсион пришел».
Не знаю — плохо это или хорошо...
Казалось бы живи теперь, не суетясь,
«Не бей копытом» — не уронят в грязь.

Но старикам всегда чего-то не хватает,
Поэтому других стараются учить.
Не знают нового, а старое порою забывают,
Но мудрецам позволено слепыми быть.

Так за полвека мудрость появилась,
И это факт — не скажешь, что приснилось.
Но и маразм никто не отменял —
Он так же тихо шел и вас догнал.

Вот так сошлись вода и пламя
И что полезней — не определишь:
Сегодня глупость погуляет с нами,
А завтра как мудрец ты говоришь.

И счастлив тот, кто разберется с этим:
Когда молчать, а где кричать «ура!».

Как правило, ничто уже «не светит»...
Увы, пришла унылая пора.

Да и вперед бежать — себя лишь мучить.
Понятно всем: ступились жизни тучи...
Как лист осенний медленно летит к земле,
Стремясь еще пожить и в свете, и в тепле.

Но страшно то, когда тебя забудут,
Уйдут вперед и перестанут вспоминать.
Поэтому всегда стремитесь, люди,
Любить других и делу не мешать.

Ну а седому мудрецу — пенсионеру
Уж место есть под солнцем и луной,
Ему открыто все, как пионеру:
Сажай деревья или песни пой.

И эта жизнь богаче первой,
Хотя простой ее не назовешь,
Конечно, лучше кое-что для нервов,
Но от тоски, наверно, не уйдешь

Город для всех

Смотрю на город зимней ночью:
Он — в тишине, присыпан снегом, спит.
А утром, хочет он того или не хочет,
Встряхнется ото сна и забурилит.

И заурчат под окнами машины,
Забегает туда-сюда простой народ...
Пейзаж унылый городской картины
Сулит с утра нерадостный исход.

Но все проходит, да пройдет и это,
Лишь с городским потоком понесешься сам.
Ночные мысли затерялись где-то —
Им этот ритм совсем не по зубам.

Кому-то этот город — твердь земная,
Другим костыль, чтоб не упасть,
Иным, бесспорно, здесь кусочек рая,
А избранным, конечно, деньги, власть.

Но больше тех, кто никому не нужен.
Живут безропотно и будто бы во сне,
Все суетятся, зарабатывая скудный ужин,
Уже и, не мечтая о грядущем дне.

Деревенское утро

Когда устав от жизни городской,
Невольно чувствуя, что подгибаются колени,
Ты хочешь к черту мир послать людской
И с теплотой вдруг вспоминаешь о деревне.

Там нет сверлящих ухо автовизгов,
Не давит на тебя и «каменный мешок»,
Там каждый встречный кажется своим и близким
И в радость даже пыль проселочных дорог.

А утром — непритворное природы пробужденье:
Крик петухов, мычание коров...
Полнеба в горизонте запылало с упоением,
И красный шар подняться вверх уже готов.

Ночь удалилась, отдых дав всему живому,
И вкрадчиво приходит день с охапкою забот.
Луч солнца побежал от дома к дому,
И от росы трава уж ничего не ждет.

Седой туман лениво потянулся к лесу
Пока там есть покой, прохлада и уют,
Березы, шелк ветвей своих развесив,
Его встречают и поспать еще дают.

И вот взрывается день ярким светом,
Как будто сразу, отовсюду, вдруг!
Да, так бывает только знойным летом,
Когда природной силой все кипит вокруг.

Жара напоминает о своем приходе
Напором сильного упругого тепла.
Но жар костей не ломит, говорят в народе,
Поэтому не прячут в тень крестьянские дела.

И, косолапя, побежали на болото утки,
Коровы стадом побрели к траве,
Собака, веселясь, залаяла из будки
И глупых кур уже с десятков во дворе.
Вдруг выстрелом завелся где-то трактор,
И смачно звякнул трудовой металл.
Как бы сказал ученый — это фактор,
В котором есть начало всех начал.

А для деревни лишь в труде начало
Как, впрочем, в нем же и конец.
И пусть богатой жизнь ее не стала,
Она манит к себе, как будто под венец.

Все успокоилось, прошло и утро,
Для каждого нашлись и место, и дела.
По-деревенски, как обычно, просто, ясно, мудро...
И жизнь дневная прежним руслом потекла.

г. Екатеринбург

Виктор Ружин

Мерцание звезды

Повесть

Победа над германским фашизмом украсилась солнечным днём. Улицы были затоплены радостными толпами людей. На центральной улице шахтёрского городка гремела музыка, ликовала демонстрация. Пестрели флаги, цветы, транспаранты. Молодые физкультурники задорно демонстрировали гимнастические упражнения. С низко летящего самолёта разлетаясь, опускались листовки с поздравлениями победы. И казалось, что торжеству не будет конца и края, всё заразилось счастьем и дышало свободой. И только к вечеру оживление с улиц перешло в дома.

У секретаря горисполкома Галпёрова шумело застолье. Хозяева и гости в приподнятом духе сияли, с лиц не сходил восторг. Эйфория закружила головы.

— Ну, наконец, сломали хребёт фашизму, заживём теперь! Всё пойдёт по-новому! — слышались восклицающие голоса. Все чувствовали, что открывается новое время, время больших возможностей и побед. Побед захватывающей поступи коммунизма и светлого будущего. Царило оживление и радушие.

— О-о-о, наш вождь, товарищ Сталин, ох и мудрый, как он Гитлера здорово, гениально обыграл! Не было в истории ещё такого великого! Такую страну, Советский Союз, да так вести, это же какую голову надо иметь! У-у-у, молодец!

— Да, стратег он великий, это надо же, быть в окружении буржуев ненасытных и выйти победителем! Здорово он их всех расчихвости! Умница! — вторили восхищённо друг другу голоса.

Была бы в этой компании мать Рогова, она обязательно бы сплюнула от такого спектакля.

Между Галпёровым и зятем Роговым Алексеем, мужем сестры завязался разговор.

— Зятёк! Я хочу тебе подсказать достойное тебя дело. Ты мужик могучий, но на твоей шахте ты закиснешь. Не дадут тебе развернуться. У вас там много толчётся охотников лавры рвать. А вот на новых шахтах тебе есть место плечи расправить. За озёрами, у сибирского тракта открывается строительство новых шахт. Вот, давай туда, да и попытай там новую судьбу.

Алексей Рогов томился по славе на старой шахте, груз тянул ломовой лошадью, а слава его обходила. Он был крепкий высокий мужик, трудяга. Рост и усердие к работе достались ему от матери. Этим он и привлёк внимание к себе Елизаветы Галпёровой. Познакомившись, они недолго мучили себя дружбой влюблённых, а быстро подвигли события к обстоятельной свадьбе. Их семейная жизнь стала на виду у окружающих, и Алексей чувствовал, что есть у него место для проявления себя в трудовой доблести. Что оно подготовлено и ведёт его упорно туда.

* * *

Вскоре Алексей Рогов оказался на новом месте. Начальство шахтстроя, зятяка секретаря горисполкома пристроило бригадиром по проходке шахтного ствола. На первых порах разместили жить в общежитии.

Общежитие, где жил Алексей, называлось образцовым по сравнению с угрюмыми, тесными бараками, и массой лачуг и землянок. Образцовый барак был широкий, имел просторные комнаты, большие окна. Двери с круглыми деревянными ручками обработанные политурой. Крыша покрыта специальной кровельной доской. Это было образцовое жильё, и поселяли туда элиту посёлка. Так двигалась и развивалась барачная культура.

Со временем Рогов сноровисто вжился в шахстрое. Высокий, с мужской обаятельностью он, где словцом, где улыбочкой, а где ввёрнутым к месту анекдотом взял шахтком и стал его членом, и крепко засел там. Не зря Галпёров настраивал зятя: «Ты в начале запусти туда коготочек, потом палец, а уж потом и всю пятерню».

Неведомые ранее края и свобода разбудили в Алексее дремлющие силы. Девственная, нетронутая природа молодит душу свежестью, венчает чувства младенческой невинностью. Всё дышит прозрачной первозданной чистотой и доверчивостью. С налётом вдохновения, как бы обновлённый, волнуешься радости жизни.

Рогову понравилась в санчасти с живыми выразительными глазами медсестра Шура и он закрутился фазаном вокруг неё. Вскружились они и обезумели, ослепнув.

Медсанчасть занимала вторую половину образцового барака, там и жила в комнате медсестра с мужем врачом и сыном. А в первой половине находилось общежитие, где и жил Алексей.

Во время отсутствия мужа (он был в отъезде) Шура, выпроводив сынишку на улицу, стала наслаждаться в постели с Алексеем. Пока они забавлялись, мальчишка под окном горько громко плакал. Плача он, по-видимому, хоронил мать в своей матери. Ранее, неоднократно мальчишка видел, как при встречи его мать и этот высокий дядька улыбались друг другу и млели, становились безумными, глупо вели себя. Неловкими, по-детски затейливыми играми, неуклюже толкались и прижимались друг к другу, доводили себя до безобразно-иступлённого состояния.

Познав Шуру как женщину, Алексей теперь живёт в помутневшем сознании, как заблудившийся в густом тумане, ничего не понимая, что с ним происходит. Чтобы он ни делал, где бы он ни был, везде его преследует навязчивое состояние, в котором он погружён и скован глубокой задумчивостью. Он вошёл в пространство, где нет звуков, только из глубины тишины его обволакивает мелодия. Она властно владеет им, растекаясь по всему телу, проникая в каждую его клеточку, принадлежащую Шуре.

Быстро строилась шахта, на которой работал Алексей. Уже были пройдены два ствола, главный и вспомогательный для разработки двух горизонтов, верхнего залегания угольного пласта и нижнего. Было пройдено несколько шурфов. Верхний горизонт стал выдавать уголь из пробных лав. Нижний горизонт ещё бурлил проходческими забоями. Штреком подбирались к нижнему пласту.

Для шахт народ не жалели, кидали на добычу угля трудармию, репатриированных, спецпереселенцев и специально созданных ФЗО. Гнали народ из всех деревень России.

* * *

Рогов работал на проходке с твёрдым прицелом, работал, одушевляясь, что он протопчет себе маститую дорогу в будущее. И эта его надежда подкреплялась помощью шахты. И слава о нём не засиделась, загремела. Шахтком помог Алексею приобрести домик в посёлке. И вскоре Рогов вселил семью в дом, жену и мать.

Весело справляли новоселье. Гости были шурин Галпёров с женой, знакомые, рабочие из бригады и шахтное начальство. Крутили на патефоне пластинки с песнями Руслановой «Валенки, валенки не подшиты, стареньки» и другие.

Празднуя это событие, шурин Алексея обрадовал.

— Ну, зятёк, готовь грудь для золотой звезды Героя труда. Уже летит твоя звезда с Москвы на вашу шахту. И падёт она на тебя, и золотом лучезарным будет оберегать твою жизнь.

А потом, наедине, на ухо Алексею нашептал.

— Только мой совет тебе, утихомирь мать свою. В бреду религиозном она у тебя. Религия ведь она придумана, чтобы народ держать в повиновении и страхе. Уйми её ярость к нехристи. Уж больно зло она атакует их. Да и остуди её агрессию на коммунистов.

Мать Рогова тяжело переживала угнетение христианства и разрушение церквей. Она враждебно относилась к начальнику — безбожнику. «Он преградой стоит между богом и простым человеком. Этот антихрист грязнит сознание, препятствует чистоте помыслов. Неверец этот не даёт слиться душе с небом, он помеха в согласии жизни и бога, и нет единства ума и сердца. Не жизнь это, а преисподняя, тартарары».

Она ходила по улицам в трауре по вере в бога и энергично давала отповедь врагам религии.

— Придёт Христос, все встанете перед его судом! Христопродавцы! Продались сатане!

После этого разговора и совета Алексей стал запирает мать на замок в комнате, не выпускал её из дома. Но мать вылазила в окно и ходила по посёлку с полоумными глазами, плакала и собирала милостыню. В слезах она жаловалась людям на сына, что морит он её голодом. Высокая, вся одетая в чёрное, в вечной печали по богу. Она наводила на встречающих ужас. От неё шарахались, как от обезумевшей.

Мать не понимала, и не хотела понимать, но чувствовала, что пришло время послушной аморфной массы. Её страна превратилась в человеческую массу. Массой — любить, массой — размножаться, массой — праздновать, массой — побеждать, массой — жить. И её сын тоже в этой массе. Все должны быть одной покорной массой и выполнять только его величайшую сталинскую волю.

Сорок восьмой год был встречен подъёмом. Отменили карточную систему и провели денежную реформу, и это вселило в народ надежду на лучшую жизнь. От этой перемены, как от глотка свежего воздуха, народ опьянел весёлым настроением. Первое мая Алексей вместе со всеми бурно праздновал в пьяной радости.

— Вот товарищ Сталин, скоро и у меня засияет на груди такая же золотая звезда!

Опьяневший, обращался он к портрету Сталина, висевшему на конторе обрамлённый иллюминацией из лампочек. Рогов искренне молился на портрет Сталина, он для него был земным богом. И в коммунизм Алексей обязательно войдёт с золотой звездой.

Рогов сетовал на мать, что родила его несчастным, с изъяном. Не дала ему мужской силы для потомства и засохнет он от скуки без собственных детей в монотонности жизни. Не радоваться ему детскому смеху. Лишён он счастья, видеть себя в продолжение рода и выражаться далее во внуках и правнуках. Всё это ему отрезано. Вся энергия рода потухла на нём. Но нет, пробьёт он своим упорством эту безысходность. Будет брать у жизни все наслаждения, коль жить ему намерено один раз. Пустит он всю свою силу без остатка на своё утверждение. Своё бесплодие он забьёт потной работой и крепостью духа. Ущербность свою всё равно заглушит громом знатности..

В кабинете парткома собрались члены партийного комитета, чтобы решить, кого награждать золотой медалью «Серп и Молот». Рассматривались две кандидатуры: Рогова Алексея и Паршина Анания.

Когда рассматривали Алексея, то многие партийцы стали противиться.

— Нельзя давать Рогову звезду. Народ глаза нам выцарапает. Смотрите, что его мать вытворяет. Не признаёт советску власть, крушит её, коммунизм в пух и прах разносит, только перья летят. Всю жизнь нашу чихвостит, в грязь топчет. Она же на боге помешана.

И решили повесить звезду на Анания Паршина. Он тихий, смиренный не бедовый. Покорно ломит, вон, как уголёк копает и спокойно с лихвой план даёт. Ему её и надо положить. Правда, попивает потихоньку, ну и чё. А кто не пьёт, главное, глаза-то не мозолит. Так и решили.

Алексей пришёл домой с шахты злой, почерневший от отказа партийцами ему награды. Самым страшным врагом на его пути к звезде стала родная мать. Люто он возненавидел всех и в первую очередь — её. Открыв дверь в комнату, где была мать, он в страшном гневе обрушился на неё.

— Ведьма. Из-за тебя ушла моя звезда, — дико он закричал и в пылу горячки хватил мать по голове подвернувшейся под руку кочергой. Мать замертво упала. Страшная сила удара пронзила Алексея оцепенением и он, медленно опустившись, сел на пол. Долго сидел молча застывшим, сидел поражённый онемением. И когда к нему вернулось сознание, он, поднявшись и гонимый инстинктом самосохранения, отволол безжизненное тело матери в сарай. В лихорадке, с трясущимися руками он стал топором расчленять тело на куски, чтобы скрыть страшную расправу от жены, пока её нет дома. Части тела сложил в мешок, потом, подумав, спрятал его в углу сарая, завалив всяким хламом и утварью. Голову отдельно зарыл в землю за сараем.

Бледный, Алексей старался привести себя в порядок, как ни в чём не бывало. Пришедшей с работы домой жене, он, стараясь скрыть от неё своё состояние, как бы ворчал.

— Опять старая куда-то делась, носят её где-то черти.

Но жена почувствовала что что-то не то.

Ночью, ближе к утру, Рогов поднявшись с постели, тихонько вышел на улицу. Вытащив из сарая мешок с телом матери и взвалив на спину, пошёл к озеру. Подойдя к берегу, он бросил мешок на землю, возле прикованных лодок. Сбив камнем замок с прикованной лодки, Рогов погрузил мешок в байдарку и куском подобранной доски, оттолкнувшись, поплыл. Проплыв камыши, оказался на просторном плёсе. Вытряхнув расчленённое тело из мешка в воду на съедение рыбам, он с горящими, обезумевшими глазами, словно прожигая воду, простонал:

— Пошла от меня прочь старая жизнь, не по пути тебе с нами, не мешай жить нам новой жизнью.

В его бешеных глазах заплясали звёзды. Он обвёл взглядом небо и увидел мерцание звёзды.

— Это моя золотая звёздочка поднялась так высоко, ушла от грешной земли. Но ничего, обуздаем как нибудь судьбу, справимся и с высотой. Стиснув зубы, он поплыл к берегу.

Стал брезжить рассвет. Навстречу Рогову из камышей выплыл охотник.

— А, Рогов, ты чё здесь бултыхаешься? Рыб, что ли кормишь?

Алексей в охотнике узнал знакомого шахтного слесаря. Подплыв к нему вплотную, Рогов резким движением толкнул охотника в воду. Как только из воды показывалась голова слесаря, Рогов толкал её обратно в воду. Почувствовав, что охотник затих, и тело стало опускаться на дно, он выкинул из лодки утопленного в воду его ружьё и перевернул лодку: «Не нужны здесь свидетели». Проплывая через камыши, он утопил в камышах мешок и, причалив к берегу, пошёл домой.

Измученным шёл Рогов от озера домой, утро для него было впервые таким страшным и чужим. Оно было кровавым. Он шёл по кровавой траве, окружённый кровавым воздухом. Всё небо в крови и над ним низко бесновались облака, омывая его кровью.

* * *

Жена плохо спала, и рано встав, обнаружила, что мужа в доме нет. Выйдя во двор, встретилась с утренней настороженной тишиной. Зайдя в сарай, она обратила внимание, что в нём всё не так, как прежде. В зловещей тишине сарая она встревожилась и, наткнувшись на окровавленный топор в испуге отпрянув, замерла. И тут прострелила её догадка. Что мать не потерялась, а убита Алексеем. У неё всё внутри похолодело. «Он, не человек, не человек». — сверлила голову мысль.

Появившегося мужа она встретила молчанием, он стал для неё не только страшен, но и презретен.

Через несколько дней Рогов написал заявление участковому милиционеру Буддакову, что его мать куда-то ушла и пропала. Алексей был уверен, что Буддаков не разберётся в этом, «ему два пятака в сумму не сложить».

* * *

Когда в сорок восьмом году Паршину сообщили:

«Ананий, тебе звезда объявилась, по праву тебе подходит».

Ананий аж вздрогнул, обрадовавшись. Ему бросилась в голову мысль, что любимая Алевтина появилась, а когда понял, разобравшись, что звезда-то не живая, то, остывши, обмяк и молча, отрешённо её принял.

Была у него своя золотая звезда, да потухла. Настоящая была звёздочка. Но, видать с другим, где-то делит счастье, укрывшись просторным звёздным небом. Его любимая осталась в родной деревне в далёких краях. Об этой звезде он тоску держит и в грусти тускнеет. Был бы он со своей любимой Алевтиной, то не чах бы, а ядрышком ядрёным лучился бы от счастья с ненаглядной. Отняли у него любовь, силой забрав, увезли на шахты уголь вывозить из недр. И теперь пьёт он горькую в одиночку, тоску заливает по разрушенному счастью. Горе — горькое горькой заливает. И забывается он только на работе, колупая уголёк. Не во славу рвёт его из земли, а чтобы потом отмыть боль по любимой, ослабиться мечтой по ней. И сам не гадал, как ловкостью стал работу брать. Дома-то грусть по Алевтине сильно растёт, а в работе, сноровкой зайдёшься, и думка о ней убегает. Смотришь, и уголёк послушно его руке корится, гору целую его накладывает. И не суетится, а ровной, неспешной работой кладёт его и кладёт. И как не думал о любимой, а пришлось, всё ж таки, в жёны взять другую. По привычке нарожали детей, и жизнь пошла не то чтобы ходкая, в пылу горячая, а не спешным шагом, без сердца. Сердце его было у живой звезды Алевтины, она его единственная владычица.

Ананий Паршин звезду не носил, эта звезда его сердце не греет. Надевал пиджак с мёртвой звездой лишь тогда, когда нужно было позировать приезжим корреспондентам, фотографироваться для газеты. Ананий ворчал:

— Счас, затаскают, покою не дадут.

Что для него эта звезда. Вот, Алевтина, эт, да! Звезда, так звезда! На руках бы он её носил, чтоб ближе к груди была! Она бы уж сердце бы грела, так грела! А от этой звезды толку никакого, лежит мёртвой, только холод от неё один. Да и старается Ананий, чтоб не смотрели его глаза на всё это, лучше в рюмке забыться. Не выходит в его голове связка. От увиденного и услышанного мысль не срастается, скулит душа от боли. Как же это, великий-то, да Советский-то Союз, да так шибко зашибается хромотой, ох как хромает, дюже хромает. Зато вон как базлают с пеной у рта на весь мир о его могуществе, аж перепонки рвутся. А народ-то голым задом светит, кукует в пустых стенах, да головой о них бьётся. И обидно Ананию, чем звёзды на земле рассыпать, не лучше ли народ жизнью крепкой обласкать, да счастьем настоящим обогреть, а не песенным.

Начальство на Паршина зажмуривалось, зачем им на мужика глаза пялить, пьяной мутью зашибленного. Пускай бранью беспросветной захлёбывается, да в обуянной чуме томится, лишь бы уголёк копал, быстрей в котле этом сварится.

* * *

Усердной работой Алексей старался отвлечься от мрачных событий, освободиться от тяжести совершённой и очиститься трудовым усердием. В этом порыве он стал заметным, и вскоре его избрали депутатом местного совета. Рабочий люд усмотрел в нём своего человека, этот расторопный мужик сможет за народ постоять. «Пускай за нас слов и жил не жалеет, трудяга надёжный». И Рогов совсем стал дома мало находиться, то работа в шахте, то общественная, депутатская, то в шахткомме. И как-то, придя, домой, он обнаружил на столе записку.

«Ухожу от тебя, не хочу жить с убийцей. Елизавета».

Эта записка словно обухом ударила его по голове. Он опустился обессиленный на кровать и долго онемевшим пролежал, не шелохнувшись. С месяц он жил без мыслей, жил, без ощущений, жил отрешённым. Ходил на работу и общался с людьми вне сознания, потерял время и счёт дням.

Но потихоньку приходил в себя и стал думать о медсестре Шуре. И чем больше о ней думал, тем больше оживал. И как вернулся к нему окрепший твёрдый взгляд, так он пришёл к Шуре с предложением стать его женой. Шура была небольшой, но природа, позаботилась о ней, разумно выточив её фигурку. Быстрым взглядом она хорошо улавливала, где можно радоваться жизни, а где печалиться. Она приняла предложение и, забрав сына, ушла жить

к Рогову. Покинула Шура мужа, не сожалея, уж слишком он был врачом — фанатиком и вокруг себя больше ничего не видел.

Свою женитьбу Алексей с Шурой не стали отмечать пышным застольем. А просто накрыли стол и без приглашённых сели, выпили, покушали да попели песенки. Стали они в совместной жизни обкатывать себя по-новому. Но дом дышал прошлыми событиями, ворошил тягостной явью память Алексея. Он всё больше стал бояться каждого шороха. И всё навязчиво в нём крепла мысль сменить дом. Зайдя как-то в шахтный комитет Рогов, пожаловался председателю шахткома.

— Знаешь, не могу я жить после потери матери в этом доме. Привидения там. Как ночь, так мать вокруг дома ходит и воет волчицей.

— Дааа, сочувствую тебе. Хыбы, переселяйся-ка ты тогда давай. Освобождается тут у нас как раз дом, контора ЖКО. Переводим контору в другое помещение, на территории самого цеха ЖКО, а освободившийся дом, хороший дом. Вот и давай в него. А в твой дом, тогда вселим рабочего с семьёй, очередника.

Так и сделали. Вскоре Алексей переехал в новый дом, со своей новой семьёй.

* * *

В начале пятидесятых годах социализм шёл звонким «победным шагом». Как весна, так снижение цен на крупу, на жиры, на сахар. Народ лип к радиоприёмникам. Молодые семьи восхищались политикой Сталина и социализмом, но старики, недовольны, ворчали: «Молодь-то непуганая радостью заходится, как бы потом царапаться не пришлось. Они, в одном месте на копейку опустят, зато в другом месте на рубль поднимут. А растрезвонят на весь мир, что цены снижают. Нагадят кучу, да и смотрят, как бы её подороже народу продать. Не больно-то они за народ разбегутся».

Шахтное начальство, чтобы не портить отношение с Галпёровым, всё-таки шишка горисполкомовская, решили задобрить его зятка, и в праздник октября выделили Рогову орден Ленина. Орден Алексей обмывал в одиночку. Поставил на стол бутылку водки, рядом положил орден и стал общаться с ним.

— Лысенкий ты мой, лысенкий, где ж ты раньше был, ясновидящий, сны тут меня замучили. Смотришь, освободил бы меня от них. Чё ж мне с тобой делать? В помощники ты мне не годишься. Разве только на пиджак тебя повесить. Ну, повиси, как мы висим на вашем крючке! Вот оно всё как выходит, как завернули, так всё и выворачивается.

Сыпались ордена и звенели рюмки. Народ всё больше приобщался к попойкам. Пили за Стаханова и за стахановцев, пили по праздникам, пили по предложениям, по каждому маломальскому случаю. Чем больше социализма, тем больше стаканов водки. И вдруг весной пятьдесят третьего года по радио заговорили о болезни Сталина. Страна насторожилась: — «Что ж будет с отцом нашим, с кормильцем? Осиротеет. Как же будем теперь? Кто за нас теперь-то думать будет и заботиться? Да-а-а. Пропадём!» И вот он возьми, да и помер. Народ растерялся и заревел: «Как же страна-то теперь стоять будет? Кто ж ею править-то теперь будет? О, хо-хо». Хоть народ и давился в очередях за хлебом, ломая кости, да ночами не спал, занимая очередь с вечера. Но всё равно, жалко провидца мудрого, всё ж, великий он был.

Вскоре после похорон отца народов явился весёлый Хрущёв Никита. И народ после кручины опять воспрянул, встрепенулся, ободрившись от напористых речей Никитки, заулыбался: «Ох, озорник, хааааа». И стал слушать.

— Да, страна наша великая, вы даже не понимаете какая она великая, вам даже и невдомёк это. Ох, и великая! Мы все обречены на коммунизм! Да, да! Не отвертеться нам от него! Придёт, как миленький придёт! Вот увидите! Ни куда ему не деться от нас.

И счастливый народ, воодушевившись шутками и размашистыми выступлениями Никитки, весело зашалил, двинул вольно петь, пировать, да плясать. Робко, но гордо стал вылазить с фуфак на пальто, с тряпья на костюмы. Затаив дыхание, он изумлялся и радовался социализму, поверил, что коммунизм действительно не отвяжется от него. Новая власть не только «леща пускала», но и стала народ обтягивать материалом, да и белым хлебом баловать. И Никиту полюбил народ, «в доску наш губошлёп», стал его своим считать. А когда он на полном серьёзе стал клеймить Сталина: «Что он вовсе не Сталин, а зверь, кипящий злостью. Людей волком рвал, вырядившись в шкуру овцы. Прикинулся доброжелателем народным. Этот оборотень исподволь влез в партию, и давай лучших людей истреблять, руками народа, да во имя народа. По трупам забрался на трон. А на самом деле, этот чуже-

земец сатрап ненавистью на Россию дышал и куражился над ней. Пускай, мол, мучается, да плутает в хаосе, кусая свой хвост. Они, туземцы эти, всё равно не дошлёпают до смысла, он, от них глубоко зарыт. И земля для них слишком большая, не справиться этим лапотникам с ней. Не по уму им самоорганизоваться, и она их уничтожит. Второсортник, он завидовал первосортникам и уничтожал их, чтобы на сером фоне гореть яркой звездой. Народа-то нет, разбит, место него амёба податливая, из которой можно чертей лепить». Не просто Хрущёв был близок к Сталину, мог его мысли и намерения считывать. Тут народ замер. А потом решительно, сбил с себя помутнение. И глубоко вдохнул в себя с жаром новой захватывающей веры, стал доверчиво ждать коммунизма.

Но очереди, так и не исчезли, а вместо давок появились двери с чёрного хода. А сами очереди лишь приводились в порядок, с общественным контролем, который наблюдал, чтобы очередь шла очередью цивилизованно, а не столпотворением и с мордобойством. И продавцы теперь превратились в важных вельмож. Солидные люди, даже шапку перед ними ломали. Стали у продавцов проворачиваться золотые завлечушки, чуланы трещали, и подвалы набухали от набитого товара и продукта. Сказать, что они воровали, это смешно. Просто они вольготно брали, ведь, всё ничьё. А они, тем более стоят близко к заманке этой, и никак не устоять от соблазна. Да тут любой холоп, какой бы не был стойкий, дрогнет, не устоит от искушения.

Наглядевшись на всё это, народ чухнул, что пляске жизнь не поддаётся. И притупился он к вождям, измученный кавардаком, сорвавшись с их поводка и сам, стал строить свой коммунизм. Плюнул на всё и пошёл с государством на ты. Мол, извините. Теперь мой черёд пришёл грабить, награбленное. На коммунизм чиновников он ишачить бросил, стал тащить всё под себя. Стал вольно дышать, и заметил, что солнце-то теперь ему светит. И пошёл сам куролесить и отчебучивать. Выпрягся, разуверившись во всём. Потерял искру в жизни, сбившись на разбитой дороге. «Чё, на чиновника горб гнуть, лучше дурака валять, дураком жизнь дешевле возьмёшь». Привык к пустословию и к пустому делу смиренно повинаясь бестолковщине. Покорно ждёт, что откуда упадёт, тем и сыт. Вошёл в мёртвую зону, куда волна лихоманка вынесет, туда и ладно. Всё нипочём, всё трын-трава. Без пути народ оказался, озирающейся толпой, без надежды, ни в себя, ни во что и ни в кого. Не стал себя понимать, ни место своё, ни время.

Выстроенная в России Сталиным империя — театр, рабская масса жила по его сценарию. И в этот сценарий — кошмар он хотел погрузить и весь мир. Главный чёрный режиссёр, своей дьявольской энергией методично изошрённо надвигал на землю ночь. Этот театр и сделал своё чёрное дело.

* * *

О совершенных страшных делах Рогов старался не думать, всячески выгонял из головы и старался забыть работой. Но плохо у него это получалось, всё содеянное выступало в глаза, гвоздём сидело в памяти.

Вскоре утопленного охотника нашли и схоронили, посчитав, что с ним произошёл несчастный случай. На жену утопленного слесаря и детей Алексей боялся смотреть. Ему казалось, что они знают, что он убил мужа и отца их, и они преследуют его всюду. При их виде, его пробирала дрожь. Он мучился, когда они попадали ему на глаза, остро резало его их горе. И всё чаще, все дети казались ему детьми убитого охотника.

На работе Рогов становился рассеянным и как-то спускали в забой ствола трубы, для откачки воды, одна труба сорвавшись со свитом полетела вниз. Напарник Полищюков успел отдёргнуть Алексея в сторону, как в то место, где он находился, упала труба. Рогов побледнел, труба бы его прошила насквозь, превратив в груды мяса. За спасённую жизнь Алексей Полищюкову был благодарен и чувствовал себя в долгу перед ним.

* * *

Снится Рогову сон. Видит он, как на него с портрета смотрит величавый Сталин. И вдруг с портрета накинулась на Алексея шипящая змея и вырвала из него душу. Рогов упал, а Сталин громко смеётся. Алексей встал, а в место души у него в груди огромная зияющая дыра. Он опустился на колени и стал просить у Сталина, чтобы тот вернул ему душу. А Сталин, ухмыляясь, спрашивает.

— А, зачем тебе душа? Собакам души не положено.

— Да не могу я товарищ Сталин без души, умру я без неё.

Сталин зло засмеялся.

— Ишь, чего товарищ Рогов захотел! Вам дашь душу, вы же потом, неблагодарные и свободу запросите. А вам свободы нельзя. Вы же тут же не только товарища Сталина сожрёте, но и друг друга. — И затянувшись дымом курительной трубки, он пахнул в лицо Алексея ядовитым облаком, в котором и растворился.

Алексей проснулся в холодном поту, сел и долго приходил в себя.

— Сталин, ну и гад же ты ползучий. — Простонал он и обессиливший вновь упал в кровать.

Рогову всё чаще стали видеться тяжёлые сны. Снится ему, как рубит мать на части со словами.

— Ты прости меня мать. Время такое. Твоя смерть нужна всем. Нужна соседям, нужна начальникам, нужна власти. Всем ты мешала. Все хотят жить легко, гладко, без задоринки. — Но мать его не простила. Она являлась к сыну каждую ночь. Приходит во сне и уводит его с собой, на озеро. Водит и водит его по воде, по камышам до изнеможения. Алексею больно, он упирается, но мать его всё тянет и тянет. «Что, больно?» — спрашивает. «Вот это и есть жизнь. Нет боли — нет жизни. Я тебя пустила в жизнь так же через боль. Но, у тебя, сынок, не та боль. Боль та, которая душу очищает, а у тебя душа замурована в камень. Человек становится человеком через страдание, и неустанную волю, где нетленным терпением он приходит к счастью. Легкомыслие и лож всегда наказывается».

Алексей стал умолять мать.

— Мама, прости меня, прости мама.

И кинулся к матери, а матери нет. Он стал смотреть вокруг, а людей тоже нет, только одни тени беззвучно двигаются. А из груди своей он слышит собачий лай.

Даже закон отрицания, отрицания бессилён перед кровью матери. Эта кровь родная — зов вечного долга перед матерью, перед землёй.

* * *

От сестры, Елизаветы, Галпёров узнал, что это сам Рогов убил свою мать. «Отдать Рогова в руки правосудия? Может всплыть, что фанатичку — мать убрал он по моему совету. Не надо, пускай помучается от содеянного, да себя погложет, а то слишком прыток. Возомнил себя большим человеком, а всего то лишь на всего наивен и тщеславен. Гегемон, пролетарий, душа нараспашку. Вот тебя это-то и погубит. У тебя душонка-то маловатая, вместо души пузырь там. Нет, дело это лучше замять», — размышлял Галпёров.

Сидит перед вами этакий славный человек — чин и вам невдомёк, что вместо души у него пасть с клыками. Чтобы такого чиновника обхватить понятием, нужно упорно прожечь его взглядом, тогда в глазах ваших и проявится его хвост. И как хвост вы обнаружите, это значит перед вами не просто чин, а калиброванный бюрократ, хамелеон первого пошиба, и чем больше он гладенький, тем длиннее у него этот хвост. И тут-то вы окончательно поймёте, что перед вами узурпатор вашей жизни и самое блаженное его состояние — это наблюдать, как вас червь точит.

* * *

Полицай Полищук, почувствовав, что германцу Россию не одолеть, стал захватчик пятки смазывать да бежать обратно, откуда пришёл. Бросил он немца, и перебрался с женой и сыном на Урал, затерявшись на шахтах. Работал в бригаде Алексея Рогова, но уже как Полищук. Через пятнадцать лет войны его сильно потянуло посмотреть на родину. Он взял отпуск и поехал на Украину погулять по родным местам, оценить своим взглядом, что там стало. Хуже, или лучше. И прав ли он был или ошибался, веря в немецкие порядки. Надеялся, что там за такое время его забыли, да и жизнь изменилась, всё поменялось и его не узнать, да и некому до его и дела нет. Но узнали его земляки, помнили о нём и жестокость ему не простили. Полищука арестовали и судили за предательство. Вскоре его в заключении убили. Жена не снесла молвы и презрений, да таких поворотов судьбы. Далёкая жестокость обернулась теперешней жестокостью, и она умерла. Сына Полищукова взял на воспитание Алексей Рогов. Взял в надежде отмыть свою жестокость.

Поселившийся в бывший роговский дом, мужик с семьёй решил расширить сарай. Стал копать яму под столб и наткнулся на человеческую женскую голову. Мужик, испугавшись, сообщил участковому милиционеру. Приехали оперативники и, исследовав, убедились, что голова эта матери Рогова. Но дело возбуждать не стали, Галпёров вмешался, и всё замяли. Он убедил, что мать была яростным врагом советской власти и не надо за это карать кавалера ордена Ленина.

Жуткая весть мигом облетела посёлок. Все со страхом шептались, указывая на Рогова. Люди замирали при виде Алексея. И Рогов почувствовал, что человеческий мир посёлка от него отшатнулся, словно от чумы. Он стал позорным презренным существом, все от него шарахались. Он не в живом мире, а находится один в изолирующей глухоте. Всё вокруг исчезло. На работе его сторонятся, не замечают, все вокруг его немеют. Напарники по работе держатся от него подальше. Общение людское с ним прекратилось, он оказался в безжизненной глухой оболочке. Осознанная жизнь стала его покидать, вместо неё пришла механическая, где стоит только один монотонный гул.

Рогов потерял смысл в жизни, жил без взгляда, без звуков, без запаха, без вкуса, без ощущения, просто без жизни, предметом в пространстве. Придя раньше с работы, домой, он застал Шуру в постели с приёмным сыном. И он даже не всплиил, не возмутился, а просто молча вышел из дома на улицу. Для него уже живые люди не существовали, он только думал и размышлял. А, погрузившись в себя, он всё громче слышал внутренний лай.

Алексею всё чаще стал слышится внутренний голос, голос лая. Его это пугало, что в нём всё больше исчезает человек. Он взял мальчишку на воспитание, надеясь, что мальчишка поможет вернуть ему душу и уйдёт тогда от него этот внутренний лай.

«Но нет, видать зверь глубоко сидит в человеке. И только новый человек должен верх брать, иначе человеческая жизнь остановится. Я же помню всё это с детства, как меня мои кулаки спасали. Если сдрейфишь, то забьют. Как бы мне хотелось вернуться в детство, в ту беспечную, без времени жизнь»

Рогов видел смысл в новой жизни, он любил всё новое и красивое, а этот мальчишка так легко перечеркнул у него всё это. Отнял у него вдохновение и веру в новую жизнь.

«А ведь все люди знают, что мир лжив и несправедлив, но подняться выше этого никто не хочет, так как есть опасность быть в одиночестве. Лучше быть в толпе и молча, злорадно желать дуг другу смерти».

Всю ночь Алексей лежал и думал: «Страна погружена в вязкую беспросветность, и светлону лучику не пробиться. Здесь пожизненная обречённость на тягловую лямку, где закономерное притворство и вымученная показная радость. Здесь правит страх. Не той жизнью мы довольствуемся, мы на огарках её теплимся. Мы не доросли, чтобы высекать из неё истинный интерес, где смысл самовыражения в созидании. А эта жизнь, стиснутая нищетой, отсюда и поражение мертвящими язвами. Народ строит свою жизнь порой не обдуманно, на ощупь, на авось, по доверенности, куда кривая выведет. А чиновник-то только и умеет, что пожирать народную ценность и силу. К чему я стремился? К придуманной высоте! И не видел, что во всю вольготничает измененность да подличает утроба. Россия мается на громадной неухоженной земле ничтожной жизнью, и это несоответствие идёт от недоумия, от пренебрежения к себе. России нужно пройти через чистилище сознанием, где душа должна трудиться, чтоб излечить мораль. Тогда земля избавится от сорняка и расцветёт. Для этой земли нужно отборное зерно, и она тогда будет благоухать. И смотреть она будет не жалостными измученными глазами, а глазами радости».

Он всё больше убеждался, что социализму не дотянуть до цветущего берега, слишком много в нём мёртвого груза. Безудержная авантюра гонит из ничего сделать что-то, только это что-то в последствии обернётся ничем. Идиоты Россию замаршировали, а дураки пьяной пляской её топчут. Все говорят одно, а делают другое. Сумасшедший дом. А ведь жизнь человека — каяться и исправлять ошибки, а здесь не покаяния и не исправления. Земля наша в больших слезах от человеческого бездушия, и моя вина в этом есть. Туда ли Россию мы двигаем? Как же мы так, в этот склеп попали? Заблудшие мы, заблудшие.

Вот теперь он понял: «что Сталин никакой коммунизм и не строил. Этот восточный феодал строил свою империю, рабскую империю князьков — держиморд, чтоб подданные разучились думать, и исполняли только его волю, где в гладиаторском безумии злобствует жлоб, испепеляя души. А вывеску коммунизма оставил, которой прикрывался, как ширмой. Лжекоммунизмом народ усыпил. Он рассчитал, что в этой сутолоке и путанице в человеке-

ской неразберихе он будет на коне. На вранье во славу въехал. Кровавый экспериментатор, он превратил Россию в испытательный полигон, где проводил шизофренические опыты. Люди для него были подопытными кроликами. Соблазн поцарствовать вертел им до умопомешательства. Он ревниво охранял свою власть, близко никого не допускал. Петушком сидел в ней. Рисовался скромным коммунистом и играл в мудреца, а наяву из народа фарш сделал, которым кормились его овчарки, загрызая живую здоровую жизнь. А доверчивый народ, погружённый в его мясорубку, принимал это за подлинную жизнь и гордился своей нищетой, принося себя в жертву изуверу, своё настоящее отдавал иллюзорному будущему. И в бардаке этом похоронил здравый смысл. Ловко пролетел свою жизнь блудный сын сапожника, Ёська Джугашвили на крыле демона с песней лебедя. Пролетая, он стирал с лица земли Россию, чтобы жила в шабаше без осознания в постоянном напряжении и страхе».

* * *

Хотел Рогов через работу вырваться в независимость, подняться над своим же рабством, но закрепостил свою душу. «Нет в этом мире свободы», — убедился он. «Жалко свою жизнь тратить впустую, на непонятно что. Уйти в природу, в её стихию, где нет случайности, где всё целесообразно, всё целеустремлённо, всё с толком. Из этой тягучей невыносимой тяжести можно освободиться только смертью. Только она станет для него облегчением, только в ней он приобретёт безграничную свободу, гармонично сольётся с вечностью. Уйдёт в высоту, где исчезнет сама высота. И измученная душа, наконец, освободится, приобретёт безмятежный вечный покой».

Полночи выла соседская собака. А утром сосед вышел — нет собаки, сорвалась с цепи. Стал он искать её. Заглянул в сарай Рогова и увидел, висит в верёвочной петле Алексей.

Собрался народ, сняли Рогова. Стали у него проверять карманы в надежде найти записку. Но нашли лишь в кармане крестик, который носила его мать.

Этот серебряный крестик Алексей носил с собой, он ему был талисманом, и лай в груди его умолк, он почувствовал ясность. Крестик придал ему взгляд, взгляд, свободный от мирских пут: «Справедливости не будет до тех пор, пока каждый человек не приобретёт в себе истинного бога, а не земного. Бог — это мерка, по которой народ ровнялся, а большевики выдернули её, подсунили свою лживую мерку, и народ стал, притворяться. Притворство хоть какое-то для него утешение, так как народ отключили строить свою жизнь».

Во время погребения Рогова шёл мелкий весенний дождь. Вороньё рылось в прелой листве, отыскивая после зимы свежие пробившиеся ростки и просыпающихся насекомых. Дождь пробуждал во всём силы, выразиться и продлить себя в новой энергии. Пробуждал желание счастливой надеждой обновить грядущую жизнь.

После смерти Рогова приёмный сын куда-то исчез. А родной сын Шуры вычеркнул её из своей жизни и после окончания школы уехал от матери навсегда. Не все дети матерям прощают. У одинокой Шуры много было мужчин, но не нашла она в них Алексея. Теплота жизни от неё ушла, всё затянулось равнодушием и холодом. Льдом всё твердеет и твердеет её сознание. Билась она в горячей агонии, но никакой высокой температурой этот лёд уже не пробить.

Не мстит ли нам природа за наше невежество, за содеянное зло. Отвернувшись от нас, она не торопясь, расправляется с нами, за непонимание и не соблюдение её чистоты. Судит жизнью. Наказывает опустошающей любовью, и смиренными отправляет в небытие.

г. Конейск

Сергей Ключков

Не хуже, чем у нас в Нязепетровске

Сокол

Ох, ты, сокол, удалой молодец,
Не ходил бы ты с другой под венец.
Без тебя моя изба пуста,
За лампадкою — неясен крест.
Помолюсь, да не видать Христа.

Образок в ночи надеждой свят,
Люди праведны давно уж спят.
Пол колена студит, в ночь смотрю,
Уж к заутренней в церкви звонят;
Почему же я тебя люблю?

Как посватался бы ты ко мне,
Нарожала б я тебе детей,
Да не тех, что волком смотрят в лоб,
Зубы скалят, да боятся плетей,
Ну а тех, которых любит Бог.

Да не тех, что у Авдотьи рябой —
Один хворый, а другой хворой.
А за правду били чтоб сплеча,
Да таких, как ты, о милый мой,
Да таких, чтобы за Русь горой.

Размечталась — уж вставать пора,
По тебе страдать да сызнава,
А душа всё не смыкает глаз,
Выходить уж надо со двора.
Помолюсь, Господь, в последний раз

Да спою я песнь прощальную,
Тяжки ставни распечатаю.
Ты приди, милой, как будут звать
Мою душу распечальную
Возле омута с лучиной поискать.

Ох, ты, сокол, удалой молодец,
Не ходил бы ты с другой под венец,
Без тебя моя изба пуста,
За лампадкою — неясен крест.
Помолюсь, да не видать Христа,
Вот уж путь мой направляет бес.
Эх, вот жалко только мать, отца...

Уфалей

Иду сквозь чуть тенистую аллею
На площадь мимо вывесок неброских —
Люблю я побродить по Уфалею,
Хотя живу-то сам в Нязепетровске.

На площади становится теплее,
Играют люди в жизнь — не важно кто с кем:
Погода нынче в Верхнем Уфалее
Не хуже, чем у нас, в Нязепетровске.

Раздал Господь, чтоб стало всем светлее,
Вагон улыбок — каждому по горстке.
Какие люди в Верхнем Уфалее —
Не хуже, чем у нас, в Нязепетровске!

Мечты о светлом будущем лелеют
Последнего куплета отголоски.
Какие песни в Верхнем Уфалее —
Не хуже, чем у нас, в Нязепетровске!

А если вдруг печали одолеют,
То кто-нибудь обнимет по-отцовски —
Друзья мои, что в Верхнем Уфалее,
Не хуже, чем друзья в Нязепетровске.

Но только об одном я сожалею,
Что стал чуть-чуть постарше,
чем подростки —
Ведь девочки, что в Верхнем Уфалее,
Не хуже, чем у нас, в Нязепетровске.

Приличный эпизод

Зайдя в приличный магазин,
Потрогал вещь приличную
И, как приличный гражданин,
Я фразою приличною
Спросил прилично продавца:
— Что стоит вещь приличная?
Услышав цену, восклицал
Ну, очень неприлично я.

г. Нязепетровск

Нужна ли власть народу?

Всякая власть—это система государственных органов, которая призвана влиять, воздействовать на людей с помощью различных средств: политики, идеологии, права, насилия. Примерно такое понятие власти даётся в учебниках для средней школы. Народ обычно над формулировками не задумывается, у него с властью свои отношения. Иногда они укладываются в поговорки: «До Бога высоко, до царя далеко», «Бог терпел и нам велел». Если до царя далеко, вся надежда на барина. «Вот приедет барин, он и рассудит!» В сегодняшнем понимании— власть на местах должна рассудить любую жизненную ситуацию по справедливости, но не тут то было. И здесь мы приходим к некрасовскому вопросу «Кому на Руси жить хорошо?» На него также трудно ответить, как и 160 лет назад, а вот стержень отношения народа к власти, остался прежний — терпение.

Народ терпит власть, а власть терпимо относится к народу. Терпение доходит до абсурда. Ангажированные СМИ спрашивают бабушку, как той живётся, она отвечает: «Хорошо». А почему?» «Дык, хлеб есть, войны нету». Власть не то, что не слышит, она даже не слушает народ. Был я недавно на встрече с кандидатами в депутаты, в Калининском районе. Никто не знает какие кандидаты, в какие депутаты, никто никого не слушает. Люди пришли на собрание со своими бедами. Главе района задают конкретные вопросы по быту, дорогам, ремонту домов, тарифам, ценам, другим социальным вопросам. Ни одного ответа по существу, зато народ узнаёт, что они создают какую — то программу и через 20 лет будет всё хорошо, а при городской администрации будет создана группа по борьбе с коррупцией и тогда последнюю победят, только на это надо опять деньги выделить, а то в мэрии все есть — ум, честь и совесть, денег не хватает, надо же так закрутить — дайте нам средства, мы на них отмоемся и будет у Вас власть чистая и непорочная, но деньги опять с народа... Вот эта тенденция, тянуть с народа, обирать его при каждом удобном случае у нынешней власти выросла в геометрической прогрессии.

Раньше как было. По просьбе трудящихся, правительство делало государственный заём у народа и выпускало облигации. Раздали бумаги, собрали деньги, а вернуть забыли и спросить не с кого. Методы изъятия денег у народа совершенствовались. Объявили денежную реформу, утром проснулись как после тяжёлого похмелья, голова болит и все нищие, кроме чиновников. Они же её готовили, успели на свои и чужие хапнуть движимость и недвижимость, а перед этим ещё в банках крупные займы сделать. Брали рубли, отдавали копейки.

Ваучеризация населения (читай облопошивание), классическая афера, даже Мавроди не мог додуматься до этого. В этом плане он государству стал конкурентом, а конкурентов надо «мочить», его и «замочили» на четыре года, чтобы не бодался и не по таланту брал, а то после этих пирамид чиновникам собирать нечего будет. Все ваучеры предприятий оказались у чиновников. Ярким примером в Челябинской области явился широко известный чиновник — Андрияша Косилов, который создал фонд «Атлант», собрал у народа ваучеры под проценты и купил себе землю и недвижимость. Сейчас живёт припеваючи, об народе печется!

Государство не стоит в стороне от проблем общества, борется с ними, увеличивая ИБД (имитация бурной деятельности). Шутка ли, в нашей области посадили за последнее время крупных чиновников больше чем где либо, уступили только Москве. Разоблачили взяточников несметное количество среди врачей, учителей и гаишников. Врача за 1000 рублей условно осудили, заведующую садиком за 5000 рублей посадили, гаишников за 3000 рублей выгнали с работы. Но вот по результатам работы счётной палаты, оказалось, что из бюджета области «уплыло» 4,5 млрд рублей, никого найти не могут и не ищут...

Вообще, эффективность власти, которая живёт за счёт своих налогоплательщиков, мягко говоря удивляет своей беспринципностью. Примеров сколько угодно. На берегу Шершнеи (главный питьевой источник города) раскинулся частный посёлок, богаче чем Тарасовка. В газетах писали, писали, В. Скворцов в общественной палате выступал, выступал. Нарушение экологии и закона на лицо, а они как строились, так и строятся да ещё под сенью собственного храма, с Божьей помощью. Арбитражный суд вынес несколько стро-

гих постановлений «немедленно снести...» никитинский торговый центр в металлургическом районе, торговый центр на Алом поле, торгово-развлекательный центр у Родничка. Кто-то что-то снёс? Даже не подумали. Какой авторитет может быть у власти, у которой дела со словами расходятся. О вынесении всяких строгих решений прокуратурой области по Увильдам мы уже не говорим. К озеру теперь не подойдёшь. Всё закрыто. Кто продал землю, кому, ответа нет. Если это было сделано незаконно, верните в первоначальное положение, но ни желания, ни силы власть употребить в этом случае не хочет.

Зато по отношению к народу строгости хоть отбавляй, но все это делается под видом «заботы» о нём. Последняя инициатива городской власти — отдать народу землю во дворах в «вечное» пользование, но за это «вечное» надо платить сегодня по 500 рублей с квартиры. За что же платить, только за то, что мы по ней ходим, давайте тогда брать налог и за воздух, мы же ещё и дышим.

Классический ход «заботы о народе» — реформы. Прошёл год, как эти реформы совсем не благотворно сказались на врачах и учителях, те и другие стали получать меньше, а работать больше, очевиднее не бывает, но есть нюанс, чиновники от образования и здравоохранения стали получать больше, даже С. Давыдова этот факт возмутил, но на этом гнев начальника и кончился.

Вот, наконец, мы и нашли ответ на некрасовский вопрос. На Руси всегда хорошо жилось и живётся чиновникам, а кому хорошо живётся, тот быстрее плодится. Если при Советской власти в области было две-три сотни чиновников, то сейчас их тысячи, производительные силы год от года хиреют, а чиновничий аппарат жиреет и множится. Более 60 процентов бюджета ежегодно тратится на его содержание. В трудные времена народ перебивается по прожиточному минимуму, а чиновники живут на широкую ногу по прожиточному максимуму. Олигархи за время кризиса увеличили свои состояния на половину.

Всё идёт по формуле К. Маркса, который опять популярен на Западе. «Бедные будут беднеть, богатые — богатеть» Ничем хорошим это не кончится, если власть за голову не возьмётся...

г. Челябинск

Олег Верный

В августе этого года, во Львове и Киеве прошли презентации украинского перевода книги (кроме украинского эта книга переведена еще на 10 языков) финской журналистки Анны-Лени Лаурен «У них что-то с головой, у этих русских». Её автор четыре года прожила в Москве и Санкт-Петербурге, работая специальным корреспондентом телеканала YLE, что позволило ей глубоко ознакомиться не только с официальной жизнью нашей страны, но и с культурой, отношениями людей и отчасти нашей историей. Корреспондент «Свободной Прессы» Виктор Савинков 4 сентября 2011 года изложил в Интернете краткое содержание книги, условно разбив её на несколько блоков. Прочитав эту рецензию книги, увидел, насколько разное видение окружающего нас мира у «европейцев» и «русских». Это разное видение поразило не только автора книги, но и меня. Автор книги так и не поняла, и даже призналась, что «...я и не могу работать в этой стране, постоянно задаваясь вопросом: почему они поступают не как мы? Почему они не такие, как мы?», зато как настоящий журналист автор заключает: «Одно, по крайней мере, является фактом: Россия не такая, как мы. Россия никогда не станет такой, как мы. И наши попытки понять Россию исключительно с нашей западной точки зрения никуда нас не приведут». Мне очень захотелось помочь журналистке, поэтому и родилась эта рецензия на рецензию, которую назвал:

У русских своя голова!

Слава Богу, что всё еще большая часть «русских» (сразу оговорюсь, этим словом буду называть всех русскоговорящих и думающих по русски жителей республик бывшего Союза) **думает, говорит и делает «от сердца» (интуитивно)**, а не «от ума» (включая логику). Пока еще многие русские поступают так, как приятно для души, как считают правильным, то что идет изнутри, а не с точки зрения выгоды. Это и есть загадочная для рационального европейца «русская душа».

Как палка, которая **всегда о двух концах**, Советский строй позволил сохранить эту связь россиян со своей душой, в первую очередь за счет избытка свободного времени, что позволило удовлетворять такие устремления русских, как:

- стремление к истинным знаниям, (но не к информации) — СССР была признана самой читающей страной в мире;
- стремление к единству — регулярное общение с родственниками, единомышленниками, друзьями, сослуживцами были нормой;
- стремление к гармонии и миру — к гармонии и миру в душе в первую очередь приводит общение с природой, в том числе и на приусадебных участках и дачах, которые имела большинство семей СССР.

В те годы понятие патриотизма было не пустым звуком, поэтому поддерживалось изучение детьми русских сказок, пословиц и поговорок. Мудрость, заложенную в них, понимаешь только сейчас, но впитали мы её в детстве и отрочестве. И те люди которые были счастливы в социализме, остались счастливы и в капитализме. Это не зависело от уровня материального достатка, а зависело от внутреннего принятия жизни — возможностью наслаждаться тем, что имеешь. Так же и в любой материально богатой стране есть много недовольных людей. Недовольных тем, что у них хуже машина, хуже дом, работа или семья, да мало ли, что, тот же костюм хуже чем у соседа. И эта **разрушающая человека зависть** не дает быть счастливым и постоянно толкает на бесконечный бег по кругу, как будто приобрета вещь лучше чем у соседа можно избавиться от того, что приносит страдания — негативного взгляда на жизнь. Однако радует то, что в любом обществе, есть много людей с позитивным взглядом на окружающий мир, которые видят, что «стакан наполовину полный».

Теперь к вопросу о равенстве. Равенство в чём? Те, кто говорит о равенстве, хотят равенства в удовлетворении своих желаний, но не в равенстве по выполнению своих обязанностей, потому, что даже не знают своих обязанностей. Если женщина хочет работать, кто будет воспитывать её детей? (Любая женщина имеет обязанность рожать детей раз она родилась женщиной и мужчина не может взять на себя эту обязанность, поэтому даже только по этому, говорить о равноправии нет никакого смысла). Если воспитывать будет няня — у её ребёнка будет сознание как у няни. А если няни нет, то наверное телевизор. А что в телевизоре? То, что выгодно. А что наиболее выгодно? Низшие инстинкты.

Поэтому старейшины небольших народов и народностей (те же северокавказские, наверное и североафриканские и ближневосточные), естественно против западных идей равноправия полов, так как через 2-3 поколения эта нация исчезнет, потому, что некому будет передавать самобытные традиции этого народа, если мать будет на работе. Да и многовековые и многотысячелетние традиции и уклад жизни различных народов — это отработанная система, поддерживающая гармонию в нациях в соответствии с их географическим расположением, климатическими условиями, темпераментом народа. А так как демократии меньше 300 лет, то это ничто по сравнению с тысячелетиями. Нужно еще учесть, что не все то, что хорошо одному человеку, будет хорошо другому. Это касается и народов.

Можно задать правомерный вопрос: «Чем плоха унификация народов, чтобы весь мир жил с одними ценностями?» Плоха тем, что человек, который забудет традиции и ценности своего народа, будет отрублен от корней рода, дающего силы и показывающего ему цель, а пустое место обязательно заполнятся другими ценностями. Так как основной **принцип капитализма это получение максимальной прибыли при минимальных затратах**, то этот принцип **тайно** влияет не только на экономику, политику, на социальную жизнь, но и устанавливает свои правила во взаимодействии полов, в образовании, этике. С точки зрения выгоды, даже основная модель существования человечества — жизнь семьями, институт брака ставится под сомнение. Приняв новые ценности, человек радостно становится безостановочно крутящимся колесиком в глобальном механизме мировой экономики, в котором, чтобы стать большим колесиком, нужен больший аналитически развитый ум.

Если люди сохраняют исчезающие виды животных, которые исчезают в основном из — за деятельности человека, заносят их в «красную книгу», для того, чтобы во — первых сохранить разнообразие в природе и для того, чтобы сохранить баланс, гармонию этого мира, то насколько естественным должно быть сохранение разнообразия жизни среди разных народов. Поэтому, если руководители — правители, стараются сохранить традиции и ценности, сохранившие в веках этот народ, значит они **хорошо выполняют свои обязанности**.

А для тех, кто пытается навязать чужой семье или другой нации свои жизненные ценности, русская мудрость говорит, что «не надо лезть со своим уставом в чужой монастырь»,

а так же говорит мудрость, провозглашенная общепризнанным духовным учителем планетарного масштаба: «Благими намерениями устлана дорога в ад».

Какое может быть равноправие, если представители двух народов-соседей, которые некоторое время даже жили в одном государстве, не понимают друг друга. Одна: как может в России выйти такое объявление: «Требуется секретарь, женщина, до 25 лет, рост не ниже 175 см». Другой не понимает, что возмутило в этом объявлении финскую журналистку: она расстроилась, что ей уже не 25 лет или рост ниже 175 см или то, что она родилась женщиной?

Какое может быть равноправие в той же семье, если я не понимаю, в чем радость у жены от шопинга, но я уважаю её ощущения счастья от этого процесса и принимаю его, а жена не понимает для чего я пишу этот отзыв на статью, ведь ничего для её семьи это не принесет, кроме потери времени. И я не могу объяснить с позиции логики, для чего мне это надо. Но она мне говорит: «если ты считаешь это сейчас наиболее важным — пиши», и уходит разогревать обед. И я ей очень благодарен и даже горд за неё, что она в этот момент времени не поняла, но **приняла на веру то, что мне нужно было это сделать именно сейчас.**

Считаю русских женщин генофондом белой расы, как одной из рас в многообразной цветовой гамме человечества на планете Земля. Они не только ещё умеют, но и хотят выполнять обязанности, данные им природой. И они **интуитивно знают**, что в семье существует огромный потенциал, что совместив две казалось бы не совместимые энергии и направив их в одном направлении, они создадут семью, для которой не существует никаких преград и все проблемы эти две энергии решат правильно, и любые самые высокие цели будут достигнуты. И это будет именно **их победа** в этой жизни. А достигнув гармонии в семье и однонаправленности действия энергий, они автоматически будут иметь все блага, которые возможны на земле. Что касается европейских женщин, то в период средневековья, прикрываясь именно благими намерениями, миллионы красивых женщин Европы были заживо сожжены в кострах инквизиции, только за то, что они по другому видели мир, что знали-**ведали** то, что никогда не сможет понять инквизитор, мужчина с развитым левым полушарием головного мозга, отвечающим за логику, за аналитическое мышление. Были заживо сожжены, только за то, что своей красотой и женственностью вызывали в монахах — инквизиторах плотские желания.

Видя политику, которую делают современные западные мужчины, обладающие властью, становится очень грустно. Кажется, что мрачный период средневековья опять на земле. Как и в то далёкое темное время, люди не пытаются понять других, не желают изменять себя или решать проблемы в своей стране, а ищут внешнего врага.

Если такие совершенно разные сущности, как мужчина и женщина могут гармонично существовать и сближать свои векторы энергий деятельности **только** путем **спокойного** и **постоянного** диалога, **но не силы**, то это применимо и к разным народам. Ведь закон причинно — следствий никто отменить не сможет.

«Случайно» и символично, что пишу этот отзыв 11 сентября 2011 года в день 10-летней трагедии произошедшей в Нью-Йорке. Склоняюсь в поклоне перед всеми погибшими и членами их семей и не в коей мере не считаю их пушечным мясом, как не считаю пушечным мясом миллионы советских воинов, погибших защищая Родину. Все погибшие — настоящие герои. Что — бы что то понять в другом человеке или народе, надо в первую очередь научиться его уважать, а для этого никогда не надо неуважительно или даже снисходительно относиться к его родителям, близким, традициям, его Родине и героям этой Родины, которые своей жертвой показали народу дальнейший путь развития.

По вопросу существующей длительной власти одного человека мой взгляд такой:

- 1) историю делают Личности;
- 2) если это настоящая Личность, то она, получив безграничные деньги и власть, быстро понимает эфемерность счастья от обладания ими;
- 3) так как жизнь каждого человека, это непрерывное движение к счастью, поэтому эта Личность находит следующую ступень счастья: в **истинном** служении Родине, служении людям;
- 4) когда придет время и плод созреет, эта Личность будет иметь возможность проявить себя в планетарном масштабе, служа человечеству.

А так как русский народ в большинстве своем не возражает против этой власти, значит, его загадочная душа находит в этой власти гармонию с собой. Значит, всё у нас будет хорошо.

Поэтому, за нас не надо беспокоиться. И не надо нас переделывать под себя, тем более силой — ничего не получится, ведь у нас есть загадочная русская душа, которая **никогда не ошибается**. Многие великие полководцы пытались решить проблемы с Россией силой. Ни у кого это не получилось. Если внимательно посмотреть на простовато — хитроватый взгляд мудреца, которым смотрит полководец Кутузов с картины в Эрмитаже, то становится понятным, почему таких людей невозможно победить.

Этот мир создан очень разнообразным. Не люди его создали и не людям его унифицировать под себя. Самое лучшее для всех нас попробовать понять других и обязательно принять то, что другие могут быть счастливы, живя не так, как живём мы. Для этого нужно только общение. Поэтому добро пожаловать в Россию. И если вы действительно хотите понять загадочную для вас русскую душу, начните с изучения русских народных сказок (только предварительно надо выучить русский язык), где главный герой — Иванушка — дурачок, который по «щучьему велению» (по волшебству, без видимых усилий) завоевав главную для себя цель, автоматически получает все остальные блага мира.

г. Миасс

Александр Сухин

Об умственном развитии личности

Каждый желает услышать только то, что хочет услышать.

Каждый желает прочитать только то, что хочет прочитать.

Почему?

Прямо с малого детства и окружающей действительности, где проживает подросток, девочка, у него и у неё как у личности возникает своё мнение-априори, которое обычно называют убеждением.

Но это все-таки априори. Убеждения у людей меняются, а априори нет.

С каких условий определяется априори?

Этих условий сотни, но некоторые необходимо перечислить: семья, сиротство, приют, школа, окружающая действительность, улица, деревня, село, город, холод, голод, ферма, цех, завод, война, политика, спорт, индивидуализм, коллективизм, обществоведческая наука и т. д.

Примерно к 14—15 годам это априори всё зреет и зреет. Но нет ещё логического удара. Но вдруг к 18—20 годам оно пришло. Значит априори полностью созрело. Теперь это априори не подлежит пересмотру. Так с ним личность всю жизнь живет, так с ним и умирает. Ради своего априори личность всё изучает, дальше учится и своё априори доказывает. Но и приобретает новые знания.

Вот основа умственного развития личности.

Мнений тысячи, а истина одна.

Априори могут быть нейтральные, вредные и полезные.

Если личность занимается техникой, биологией, музыкой, медициной — это всё нейтральные априори. Они сильно общественное мнение не беспокоят и не тревожат. Достижения — легко признаются.

Но есть некоторые априори у лиц в области общественных отношений, которые многих будоражат и вызывают интерес.

Но если они полезные, то все успокаиваются. Но если вредные, то многие беспокоятся, волнуются.

Ну как определить, где вредные и где полезные априори?

Априори, которое опирается на опыт, практику и знания полной обществоведческой науки, которые отвечают формуле: одинаково для всех. Это априори всегда полезное. Но оно признается с трудом.

И наоборот, если априори отражает интерес кучки лиц, партии, класса, то это априори всегда вредное. Но признается этими лицами легче.

Но как определить полезную Формулу: одинаково для всех?

Составных частей тут много, что подробно описывается у меня в различных книгах. Я предлагаю признать формулу коллективистов и Народовластия. Формулу: Благополучия, мира и безопасности.

Формула Благополучия, мира и безопасности

Согласно законам природы, все материальные блага должны производиться через полноценные, трехсферные Универсальные предприятия с научной организацией труда, с наличием коллективного поместья в пределах 60 кв. км земли, из нее 50 % находится под лесом, и с наличием дворца-термоса, вместе с престарелыми и детьми на 2—3 тысячи человек.

Согласно законов социологии, все лица без исключения должны находиться, работать и обитать в условиях коллективного поместья, а материально жить без денежного наличия, но с общественной системой личного удовлетворения, за счет урожая, ренты и доходов своего коллективного хозяйства в настоящем году.

Всё народное хозяйство и экономика регулируется Народовластием, которое осуществляет полное самоуправление, с наличием планирования и централизации по принципу гармонии снизу вверх.

Что это всё дает:

Отпадает забота искать работу, безопасность, зажиточность, стабильность, объективность, устойчивость, полноценную жизнь, долголетие до 200 лет и больше, Народовластие, доброжелательность, Свободу, равенство и братство, всё одинаково для всех.

Некоторое пояснение:

Отпадает забота искать работу. С юности и до глубокой старости все усиленно участвуют в Научной организации труда.

Безопасность. Физическую безопасность обеспечивает прочный и уютный дворец-термос, а социальную — солидарность трудового коллектива.

Зажиточность. Обеспечивает коллективное поместье до полной потребности материальных благ.

Стабильность. Всё последовательно, через солидарность поколений и наследство детям, коллективно сохраняется на века.

Объективность. Вся продовольственная программа выполняется с учетом наличия объективного материализма.

Устойчивость. Согласно Устава Универсального предприятия, его социальная организованность и численность остается постоянной.

Полноценная жизнь. Не только высокое материальное обеспечение, но и признается необходимость постоянной интимной жизни.

Народовластие. Когда все решения принимаются на общем собрании.

Доброжелательность. Когда решения принимаются одинаково для всех. Это есть условие прочного мира на земле.

Данная формула нужна одинаково всем, с привлекательными идеями как народу, так и руководителям, включая на самом высоком уровне.

Но люди не знали ее и неоправданно не доверяли друг другу.

На коллективном поместье претворяется в жизнь требование исторической формулы: «Свободу, равенство, братство!»

Что касается свободы.

Здесь все мужчины и женщины независимы друг от друга материально и от порядков государства, т.к. его нет, а значит и свободны.

Но полной свободы и независимости не может быть.

У личности зависимость возникает от наличия трудового коллектива и коллективного поместья. Без этого у личности жизни просто нет.

Согласно научной организации труда, каждый обязан участвовать в общественно-полезном труде. А в остальном, но согласно установленных правил, каждый свободен.

Что касается равенства.

Коллективное поместье с коллективной собственностью отвечает одинаково всем. Здесь все равноправны, все коммунары. Кто числится в трудовом коллективе, все имеют право работать, жить, потреблять материальные блага и отдыхать.

Дворец-термос тоже отвечает одинаково всем. Все имеют равные права пользоваться им. Здесь услуги быта и удобства одинаковы для всех. Все имеют право посещать офисы, буфеты кафе, столовые и все залы учений. Всё принадлежит одинаково всем. Здесь нет эксплуатации человека человеком. Значит, все равны.

Здесь коллективное поместье, привлекательные идеи и дворец-термос служат одинаково всем. Здесь есть полная доброжелательность, порядок и покой. Значит, все братья.

Всё это есть полное Совершенное общество.

Здесь действует неписаное правило: «От каждого по способности, каждому по потребности».

Можно перечислять ещё и ещё вопросы. Но мы добавляем, все позитивное претворяется в жизнь при Универсальных предприятиях, а всё негативное отмирает. Кто эти знания приобрел, то он обладает самым полезным априори. Обладает прелестной грамотой интеллектуалов образованного общества XXI века.

Это есть самое высокое умственное развитие личности.

Этой Формулы человечество еще не достигло, т.к. нет правильного воспитания и обучения народа. Полезная Наука созидать еще не признается.

Это дело добровольное. Но его предлагать надо.

Это есть итог развития общечеловеческой мысли. Много знаний общество выработало в последнее время. Но это еще не опубликовано.

Значит неоправданно люди находятся в безысходности, конфликтуют, болеют и мало живут.

А можно жить в условиях коллективных поместий в благополучии и безопасности до 200 лет и больше.

Это есть требование Второй эпохи и прогрессивных сил.

Формула марксистов

Социалистическая революция, государственная собственность и принцип: от каждого по способности и каждому по его труду.

Эта формула не отвечает одинаково всем, объективному материализму и Народовластию. Здесь нет еще порядка и доброжелательности. Поэтому это формула еще несовершенного общества.

По Формуле коллективистов и Народовластия человечеству обязательно нужны полноценные Универсальные предприятия с коллективными поместьями и со дворцами-термосами.

Ну, что делать?

Это требование объективное, оно интуитивно действует на людей. Хотя оно теоретически не было обосновано, но за него боролись и борются миллионы людей.

Если монархи и чиновники не принимают данного решения. Чтобы принять данное решение, тогда нужна социалистическая революция. Социалистические революции в СССР и на Кубе совершились. Но они так и не приняли данного решения. Раз решения нет, то они и не нужны. Что и произошло в СССР.

Здесь нужны знания полной обществоведческой науки.

Если их нет, то всё скатывается к эмпиризму.

Пора это всем понять!

Это касается любой партии, любого движения.

Либо Универсальные предприятия, либо эмпиризм. Другого не дано.

В Китае было принято решение о создании Народных коммун. Как хорошо.

Но не были вопросы доведены до логического конца.

Не было ещё у них и нет знаний полной обществоведческой науки.

Не был решен вопрос о коллективной собственности.

Не был решен вопрос об общественной собственности.

Не изучался Институт общенародной собственности не землю.

Не поднимался вопрос о признании Народовластия.

Поэтому столь важный вопрос о Народных коммунах затих.

Это тоже априори, априори марксистов несовершенного общества.

Формула марксистов ещё не полного умственного развития личности.

Формула фашистов

Мы самая лучшая нация, мы должны управлять миром, а остальные рабы и инфузории.

В Германии немцы поверили Гитлеру. Им захотелось иметь крупные фермы и сотни рабов. Но это априори отвечало только ленивым и невоспитанным немцам, а остальным нет. И другим народам тоже нет. Но кого захватило это априори, немцы воевали отчаянно. Они нанесли большой вред СССР и другим народам. Фашисты думают о захвате террито-

рий и о прибыли за счет других народов. Стремятся сохранить частную собственность. Полностью искоренить демократические права и свободу внутри страны и в других странах.

Это самое вредное априори.

Здесь нет никакого умственного развития личности.

Голова пуста. Плюс фашизм.

Формула индивидуалистов

Должность — зарплата — квартира — машина.

По содержанию для отдельных лиц вроде бы Формула хорошая, но не совсем. Многие о ней мечтают и достигают. Но этого мало. Нужны еще хорошие дороги и безопасность движения. Нужны запасы, бензин, доступные цены. Но и этого мало. Ещё жизни нет. Плюс еще нужно хорошее питание, жена, дети, имущество, детсад, больница, школа, вуз, предприятие, учреждение. Целое общество. Всё это город. А город брак. Он создает скученность народа и машин. Возникает вредная окружающая действительность, которая не отвечает жизни будущего человечества. Города создают вредную экологию, парниковый режим. Всё находится на грани коллапса. Все дышат смогом, болеют и живут мало. В том числе и индивидуалисты.

Кроме того, этим мнением не могут все воспользоваться. Это мнение не отражает Формуле одинаково для всех. Значит, и доброжелательности. Это мнение для избранных, некоторых, а остальные остаются в безысходности. Отсюда возникают негативные явления. Возникают верующие, безработные, одинокие люди, которые находятся в тупике, до такой степени, что жизнь кончают самоубийством. Статистика велика. Появляются наркоманы, воры, грабители, убийцы, зоны заключенных. Крутом произвол. Всё это эмпиризм и индивидуализм. А индивидуалист не думает о коллективе, об обществе. Мозг его тут отключен. Он думает только о себе. Раз так, он всегда что-то не доделает, упускает. Да и вокруг есть пропущенные звенья и посылки. А отсюда идут аварии, катастрофы, пожары, взрывы. Так появляются инвалиды. Люди погибают. Люди гибнут в воздухе и на земле, под водой и под землей. Кто благополучно доживет до пенсии, тогда он попадает в разряд безысходных лиц и нищих. Всё это при индивидуалистах несовершенно общество.

Надо думать о себе, но надо думать и об обществе.

Ради своих временных интересов никто не имеет права игнорировать интересы общества и прогресс будущего человечества.

Конечно, жить надо и сейчас, в настоящее время. Пусть каждый остается на своих позициях. Можно их и улучшить. Но нельзя упускать перспективу для себя и перспективу для всего человечества. Каждый должен знать, что здесь получится, а там будет лучше. За эту перспективу каждый обязан бороться, голосовать и что-то немного делать. Каждый должен выполнить свой долг перед народом и обеспечить прогресс поколениям.

Вот вопрос времени.

Без этого нет будущей перспективы и полного умственного развития личности.

Таким образом, Формула индивидуалистов — брак. Он думает только о себе. Так идет уже пять тысяч лет, а порядка нет. Общество зла все стоит на одном месте. Пора принимать новое решение.

Есть Формула: Благополучия, мира и безопасности. Это Формула коллективистов и Народовластия. Здесь так дума устроена, она устраивает одинаково всех как индивидуалистов, так и коллективистов. Здесь каждый думает о себе и о всем обществе. Это есть Формула доброжелательности.

При объективных Универсальных предприятиях с коллективными поместьями и с двorcами-термосами всякие негативные явления прошедшего общества отмирают. Возникают только позитивные и доброжелательные явления.

Коллективное поместье — это не город, а зеленый массив леса в пределах 60 кв. км земли. Он будет обслуживаться и обихаживаться целым трудовым коллективом в 2—3 тысячи человек. Это будет их собственность, участок и большой дом. Без всякого смога и суеты, а среди зелени и чистоты люди будут просто полноценно, коллективно жить до 200 лет и дольше.

Таким образом, если у кого возникло априори по индивидуализму и частной собственности, то это вредное априори, которое не отвечает одинаково всем. Все-таки у прогрессивных и позитивных лиц не должно быть никакого сходства с фашистами. Они тоже отстаивают частную собственность и индивидуализм. Но и пусть они доживают так. Но другим надо позволить жить так, как требуют законы космоса и природы.

Если у кого-либо существует априори о необходимости городов и государственной собственности, то это их дело, но это тоже ненужное, временное априори, т.к. оно не отвечает Науке созидать и одинаково всем. Также пусть доживают как есть, но и не мешают коллективистам.

Если у кого-либо возникло априори о необходимости Универсальных предприятий с коллективными поместьями и со дворцами-термосами, то это самое нужно и полезное априори, т.к. оно отвечает всем настоящим лицам и будущим народам. Вот главное.

Это объективное явление. К нему стремятся все народы. Уже были примеры, уже были факты. Например, в коммуне Джонстаун, которая существовала в 1970 годы в джунглях Гайаны. Все жили дружно, все постоянно заботились друг о друге, не просто желанием, а своей социальной организованностью. Вот что нужно. Надо брать с них пример.

У многих возникает априори о необходимости партий. Они были и есть. Но они так и не решили главного: о порядке в обществе, на земле и о признании Народовластия. Без признания необходимости Универсальных предприятий, все они занимаются эмпиризмом и личным соперничеством и всё.

Это всё ложные априори и тяжба времени.

Необходимо всем заниматься низкой производственно-хозяйственной единицей общества.

Это истинное априори, тогда и будет успех.

На коллективном поместье легко соблюдаются личные и общественные интересы.

Какая ждет деятельность индивидуалиста на коллективном поместье?

Где должность-работа. Это такая деятельность по рабочим местам, согласно графиков труда. Это социальная справедливость и долголетие.

Оклад. Общественная система личного потребления.

Квартира. Свои комнаты-покои, весь безопасный дворец-термос и всё коллективное поместье.

Машина. Весь коллективный парк легковых машин и лошади.

Отдых. Труд, увлечения и отпуск до 6 месяцев в году.

Семья. Парный брак без личного хозяйства.

Но всё здесь представляет монолит, единый производственно-хозяйственный цикл. Производство, работа, потребление материальных благ, отдых, спорт, увлечения. Личности, вместо своего хозяйства, пользуются всеми благами коллективного хозяйства.

Для индивидуалиста в признании его успехов нет никакого вреда. Все на виду. Живи и радуйся, ты доволен, а коллектив тобой доволен.

В своих покоях ты свободен, а вышел из покоев и ты уже коллективист. Вокруг тебя целое коллективное поместье и это всё твоё. И ты уже миллиардер.

Главное, здесь никто и никому не нанесет никакого морального и физического вреда. Здесь гарантия безопасности.

Но этого пока индивидуалисты не видят.

Поэтому пока у них слабое априори и слабое умственное развитие.

Формула чиновников и высокого руководства

Семья — государство.

Многие чиновники считают, включая и высокое руководство, что Формула семья-государство самая подходящая и высокая Формула. Что без нее ни общество, ни государство существовать не может. А если подробнее разобраться — то нет.

Это государство скидывает с себя все заботы о народе на семью. Мол, рынок всё отрегулирует, а в семье всё образуется само собой. Нет.

Если присмотреться, то видно, что в обществе миллионы детей сироты, одинокие, беспризорные. Очень много дев, вдов, матерей-одиночек, разведенных. Десятки миллионов одиноких бабушек и дедушек. Да и те мужчины и женщины, которые живут в браке, многие живут платонически или страдают от этого брака, или до 60 % разводятся. Художественная литература всех стран давно заявила, что нет счастливых браков.

Дунаевский имел семь жён. Где его семья?

Что тут имеют под словом «семья», никто толком объяснить не может. Сирота, беглец, мать одиночка, вдова, разведённые, бабушки и одинокие старики не представляют семью, а представляют муку.

Если у кого есть дети, то тут нужны детсады, больницы, школы, вуз. Значит, семья — это дети, хозяйство, дом, огород, квартира, детсад, школа, работа, оклад, магазин, село, город, пенсия. Вот что такое семья, а не просто муж и жена.

А государство — это армия чиновников, которые живут за счёт налога с народа и занимаются чисто умственным трудом. А чисто умственный труд — незаконный труд, он всегда временный и не представляет общественно-полезный труд. Государство занимается эмпиризмом и налогами. Не может показать достойный пример честного общества. Что всем необходимо обладать прелестной грамотой интеллектуалов образованного общества XXI века.

Значит, семья-государство — это есть единые производственные отношения общества, притом временные. Которые не могут быть примером, образцом для будущих поколений.

Обществу нужны постоянные производственные отношения, которые отвечали бы одинаково всем.

Продолжаем изучать Формулу: семья-государство.

Чем занимается семья?

В основном потреблением материальных благ из того объема, что позволяет государство.

Чем занимается государство?

В основном распределением материальных благ между бюджетными учреждениями и семьями. Чтобы было что распределять, занимается сбором налога. Производством занимаются сами предприниматели.

Взаимоотношения между семьями и государством осуществляются путем денежной системы с торговлей.

Попутно отмечаем, согласно объективного материализма, вся эта деятельность не нужна и можно без нее легко обойтись. Сколько здесь расходуется напрасно необязательных средств.

Государство выполняет роль централизованных органов по планированию и экономическому стимулированию единого экономического пространства. Здесь есть производители материальных благ, которые хоть косвенно, но вписываются в объективный материализм и оправдывают свою трудовую деятельность. Но есть производитель средств производственного потребления и транспорта, которые никак не вписываются в объективный материализм, а едят. Их примерно 70 % населения. Их содержит, как бюджетников через торговлю, государство. За счёт чего? За счёт бедноты работников сельского хозяйства. Всё это незаконно. А чиновники молчат.

Что нужно? Чтобы все производители средств производственного потребления и транспорта работали бесплатно. Но им тоже надо хорошо жить, но законно, согласно законов социологии и объективного материализма.

Для чего вся крупная промышленность цехами, а транспорт станциями должны распределяться по Универсальным предприятиям. Коллективные поместья берут их на своё обслуживание. Эти цеха представляют третью сферу производственной деятельности Универсальных предприятий. Но возникает единый трудовой коллектив и все работают по кругу в масштабе Научной организации труда. Все будут жить, но работать будут бесплатно и возить будут бесплатно. Вот и всё. Но на них норма земли учитывается в общем плане, согласно Института общенародной собственности на землю.

Все должны, согласно объективного материализма, равноправно участвовать на коллективном поместье, в крупном производстве, участвовать в Народовластии и составлять высокую социальную организованность.

Всё это объясняется знаниями полной обществоведческой науки. Сокращенно — Наукой созидать. Без Науки созидать люди работают и живут в условиях эмпиризма и абракадабры. Вот в условиях Науки созидать это безобразия видно, а в условиях семьи не видно. Поэтому Формула: семья-государство — брак.

К чему это ведёт?

Во внутренней среде.

Так как семьи в сумме мало производят, а больше потребляют, ведет к низкой производительности общественного труда. Все признают, он составляет всего 8—10 % и за счет этого все живут. Мало того, что здесь недостатки на каждом шагу, безысходность народа, люди болеют, мало живут, так тут еще нет доброжелательности, техники безопасности, идут аварии, катастрофы и убийства.

Во внешней среде.

Прежде всего, рыночная экономика пожирает природные ресурсы и уничтожает среду обитания человека. Ноосфера и биосфера все ухудшается. Нарастает тепловой режим. Люди все больше вымирают. ООН не может решить межгосударственные проблемы, обеспечить справедливое мироустройство, стабильное развитие человечества.

Вместо этого, государства всё вооружаются, включая атомным, готовым к применению, которое способно многократно уничтожить всё живое на Земле.

Поэтому на базе Формулы: семья-государство это невозможно сделать. Если бы можно было сделать, давно всё было сделано. Но раз нет, то и нечего на эту Формулу надеяться.

Во внутреннем порядке всё можно сделать и навести порядок только на основе Народовластия Общих собраний Универсальных предприятий, а во внешнем порядке — на основе Демократической Ассоциации общества.

Раз этого нет, то и нет на земле порядка. Это происходит от того, что общество живет пока не по законам природы и Науки созидать, здесь нужны усилия, а по условиям эмпиризма, где не нужны усилия.

Это всё несовершенное общество. И Формула: семья — государство — брак.

Так дальше жить нельзя. Смертельно опасно. Не надо питать иллюзий никаких, будто бы Формула: семья-государство способно обеспечить изобилие и безопасность народов.

Желательно признать всем Формулу: Благополучия, мира и безопасности, так будет лучше. Желательно признать Науку созидать, а на практике объективные Универсальные предприятия с коллективными поместьями и со дворцами-термосами. А остальное все приложится, в том числе покой и мир на земле. Всё обеспечивает окончательная стабильность Народовластия. Тогда общество не допустит никакого криминала и негатива.

Здесь необходимо высокое умственное развитие личности.

Чтобы обладать высшим интеллектом образованного общества XXI века и быть гуманным и воспитанным обычного образования школы и вуз мало. Для этого плюсом надо в совершенстве знать законы социологии и знания полной обществоведческой науки.

В своем учении Д. Б. Вико доказывал: что в своём развитии человечество пройдёт детство, юность и зрелость. Теперь ясно, когда возникает вторая эпоха с окончательной стабильностью Народовластия, то это будет и наступит Зрелость человечества. Переходный период от первой эпохи ко Второй эпохе — это будет юность человечества.

Но пока этого человечество еще не достигло. Все мы еще живем в условиях первой эпохи. Значит в условиях детства.

Еще в условиях слабого умственного развития личности.

Кратко отмечаем. Априори эмпиризма не обеспечивает порядок, мир и хорошую жизнь людям.

Формула: семья — государство — эта теория ложная.

Формула: Благополучия, мира и безопасности — эта теория истинная.

Что и желательно всем признать.

Небольшое обобщение

Человечеству необходимо встать на Научный, истинный и честный путь своего развития. Человечество стоит перед выбором пути.

Да, оно стоит. Что выбрать? Но еще не выбрало.

Материальная потребность и безопасность. Вот главная задача.

В то же время за счёт чего эти задачи обеспечить?

Выбор короткий: или эмпиризм, или Наука созидать.

А эмпиризм уже есть. Но им многие не довольны. Нет порядка и успеха.

Всё лучшее познается в сравнении. Существует масса мнений, априори, суждений и убеждений. Но есть и масштабные. Эти масштабные я показал и как мог объяснил. По теории я называю их Формулами. Есть Формулы: Народовластия, фашистов, марксистов, индивидуалистов и чиновников.

Народовластия: Мы за коллективную собственность одинаково для всех.

Фашистов: Мы избранная нация, а остальные рабы и инфузории.

Марксистов: Мы за государственную собственность для начальников.

Индивидуалистов: Мы за должности, для избранных.

Чиновников: Мы за существование: семья-государство.

Формула Народовластия опирается на знания полной обществоведческой науки и полноценные Универсальные предприятия. Здесь надо предпринимать Умственные и Физические большие усилия. Но им принадлежит истина.

Остальные больше опираются на эмпиризм, т.к. здесь меньше надо прилагать усилий, но у них у всех нет истины, а есть ложь.

Нет тут достойного умственного развития личности.

Значит, эмпиризм — брак. Значит, надо выбирать Науку созидать.

Но Науку созидать мало кто знает. Значит, надо ее изучать.

Так больше лиц будут обладать прелестной грамотой интеллектуалов образованного общества XXI века и высоким умственным развитием личности.

Все больше люди думают: За что голосовать? Что выбрать?

Материальная потребность и безопасность требуют голосовать за Народовластие.

Всё больше будет единомышленников Народовластия. Так многие будут объединяться. Так могут объединиться и многие партии в одно целое.

А на выборах дружно проголосовать за Науку созидать. За Формулу:

Благополучия, мира и безопасности.

Это есть высшее умственное развитие личности.

Так постепенно общество встанет на Научный, истинный и честный путь своего развития в мировом масштабе.

Желаю всем успеха.

г. Челябинск

Светлана Молчанова

Литературное объединение «Истоки»

С 2002 года существует и плодотворно работает верхнеуральское литературное объединение «Истоки», организованное при Верхнеуральской центральной городской библиотеки. Несмотря на свой еще «детский» возраст, литературное объединение имеет собственную историю. В начале 60-х, теперь уже прошлого XX века, при редакции районной газеты «Красный уралец» появилось и успешно работало сообщество одаренных авторов, которое долгие годы радовало верхнеуральцев своими творениями. Но время вносило свои коррективы, и в какой-то момент литературное объединение перестало существовать. В декабре 2002 года при участии работников городской библиотеки, редакции районной газеты «Красный уралец», при участии ценителей и почитателей художественного слова литературное объединение обрело новую жизнь. Оно возродилось с началом нового века, с новыми авторами, с новыми открытиями, с новыми творческими достижениями.

Лучшее доказательство тому — это появившиеся в период с 2003 по 2011 год **сборники стихов самодеятельных поэтов** Верхнеуральска: «Под сенью берез» Галины Росляковой, «А мне бы вечный май» Екатерины Кокориной, «Под открытым небом» братьев Петра и Владимира Смирновых, «Песня души» Николая Фролова, «Уходящие в небо тропинки» Александра Кульпина.

Все эти сборники были подарены авторами библиотекам района и представлены читателям.

Так, в 2009 году в Верхнеуральской центральной городской библиотеке состоялась презентация поэтического сборника Екатерины Кокориной «А мне бы — вечный май...», рано ушедшей из жизни. Поэтический сборник издан и напечатан в ОАО «Верхнеуральская типография». Материал для сборника был собран и представлен мужем Сергеем Константиновичем Кокориным.

Символично, что презентация прошла в день рождения Екатерины Дмитриевны, весной, когда «и яблонь цвет», «и зеленые поля», и ожидание лета — ее любимого времени года. Сборник стихов Екатерины — это лирическая исповедь нашей современницы, разговор по душам о нравственных ценностях, о необходимости бережного отношения друг к другу. Это искреннее признание в любви к своим близким, без которых автор не представляла своей жизни. Первое ее стихотворение было напечатано в газете «Красный уралец», называлось оно «Рождество в нашем городе». В течение всей встречи звучали стихи Екатерины Кокориной в

исполнении членов литературного объединения «Истоки». Волнующим моментом встречи стало выступление Фаины Васильевой, сотрудника городского Дома культуры. Она написала музыку к стихотворению Екатерины «Звезды с неба» и исполнила под аккомпанемент гитары.

Значительным событием в культурной жизни Верхнеуральска и районного литературного объединения «Истоки» стало издание первого сборника стихов братьев Петра и Владимира Смирновых «Под открытым небом». В центральной городской библиотеке в рамках «Недели верхнеуральской книги» с успехом прошел поэтический бенефис «Высокое небо братьев Смирновых».

В первый раз на бенефис
Под надежным кровом
Мы сегодня собрались
Чествовать Смирновых...

С этих стихов Петра Смирнова начался бенефис, на который были приглашены «источковцы», читатели библиотеки, краеведы. На праздничной встрече звучали стихи, исполнялись музыкальные произведения на стихи авторов. Приятной новостью для Смирновых стало то, что с их сборником стихов познакомил телезрителей ОТВ ведущий программы «Искры камина» Виталий Вольфович, руководитель областного конкурса «Играй, гармонь уральская».

Увлечение поэзией в семье Смирновых давно стало семейной традицией. Стихи писал старший брат, Михаил Егорович Смирнов, сестра Нина Егоровна даже выпустила сборник своих стихов в Омске.

Стихи Петра и Владимира Смирновых печатаются в местной газете «Красный уралец», с их стихами можно познакомиться в коллективных сборниках «Мой городок в стихах» и «Мы, столь различные душою...», готовится к выпуску новый совместный поэтический сборник.

В Верхнеуральском районе многие знают Александра Николаевича Кульпина. В августе 2011 года он отметил своё 50-летие. К этой дате вышел его поэтический сборник «Уходящие в небо тропинки», презентация которого состоялась в Верхнеуральской городской библиотеке. В сборник вошли стихи разных лет, начиная с ранних, иногда наивных юношеских и до философски глубоких умудренного жизненным опытом человека.

На презентации его поэтического сборника присутствовали почитатели его таланта, друзья, родственники. Как сказала мама: «Саша всё время что-то стругал, выпиливал, и она никогда не думала, что он будет писать стихи».

Сборник, представленный автором, многие участники его презентации уже успели прочесть, и разговор о поэзии Александра Кульпина получился очень содержательным. В конце встречи Александр Николаевич каждому из присутствующих подарил свою новую книгу с дарственной надписью.

С 2010 года Александр Николаевич регулярно печатается в областном литературном альманахе «Графоман», где опубликовано более 70 его стихов.

Литературное краеведение пополнилось **коллективными сборниками стихов местных поэтов**. ЗАО «Магнитогорский Дом печати» тиражом 1000 экземпляров выпустил книгу под общим названием «Мой городок в стихах». Стихи, представленные в сборнике, объединены общей темой и идейным содержанием: все они о нашем родном городе и о любви к нему:

На фоне древних, как сама планета,
Под тяжестью веков просевших гор,
Холмистый пред собой разлив простор,
В сиянии лунного иль солнечного света
Хоть днем, хоть ночью он волнует взор
Степную неброской красотой.

пишет в «Оде Верхнеуральску» Сергей Скалаух.

От Извоза до Каменной сопки
На уральском крутом берегу
Разрастается старенький город,
Пред которым мы в вечном долгу.

вторит ему Сергей Калашников.

На юбилейном вечере, посвященном пятилетию литературного объединения «Истоки», «Друзья, прекрасен наш союз!» собраты по перу аплодисментами приветствовали весть о том, что администрацией Верхнеуральского муниципального района выделены средства на издание очередного сборника стихов. Через год вышел в свет поэтический альманах, названный строкой из стихотворения Максимилиана Волошина «Мы, столь различные душою...». В альманахе вошли стихи 27 авторов. На VI районном конкурсе на лучшего чтеца «Литературный круг» состоялась презентация этой книги.

«Истоковцы» активно участвуют в культурной жизни Верхнеуральска. Они не просто собираются на них к чему не обязывающие посиделки, они обсуждают вопросы, касающиеся тематики и содержания стихов, пробуют свои силы в различных поэтических жанрах, интересуются литературным краеведением, встречаются с юными поэтами, маститыми писателями, организуют встречи с интересными людьми.

Запомнились встречи с южноуральскими писателями. Разговор с магнитогорской этессой Риммой Дышаленковой был посвящен ее новой книге «Ангел времени», которую приобрели многие участники встречи.

В Верхнеуральской центральной городской библиотеке состоялась презентация книги «Пуще всего на свете» землячки, в прошлом сотрудница «Красного уральца», Валентины Сиволаповой. Свою новую книгу она посвятила верхнеуральцам, участникам Великой Отечественной войны. В ней 50 конкретных эпизодов из жизни наших ветеранов.

В районном литературном объединении «Истоки» регулярно организуются мастер-классы по творчеству русских писателей.

К 270-летию Верхнеуральска участницей литературного объединения «Истоки» Ириной Воротовой был написан текст гимна Верхнеуральского района.

В сентябре 2008 года группа участников литобъединения приняла участие в I областном смотре-конкурсе литобъединений. «Истоковцы» посвятили свое выступление предстоящему юбилею Верхнеуральска. В программе звучали стихи местных авторов, были исполнены песни и романсы на слова верхнеуральских поэтов. Члены литературного объединения с удовольствием посещают областные семинары, проводимые Центром народного творчества.

В этом же году плодотворной и творческой получилась встреча в детской библиотеке разновозрастных поклонников поэзии: представителей старшего поколения из районного литобъединения «Истоки» и юных поэтов-участников районного детского поэтического турнира «Серебряное перышко». Свежими творческими удачами поделились «истокотцы». Юное поколение представило свои стихи на суд старших коллег, за что в знак признательности получило аплодисменты и поэтические сборники верхнеуральских поэтов в подарок. Участники районного литобъединения поддержали молодые таланты добрым советом.

В канун очередной годовщины существования литобъединения гостем «истокотцев» стал руководитель областной секции самодеятельных поэтов, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза писателей России Николай Иванович Година. Встреча прошла в форме выездного семинара. Его интерес к верхнеуральским любителям изящной словесности неспроста: стихи двенадцати авторов он поместил в ежегодный областной литературный альманах «На уровне души». Николай Година во время проведения мастер-класса посвятил «истокотцев» в процесс издания собственных книг, в свои возможности для помощи в этом, а затем с профессорской убедительностью постарался рассказать о том, что такое настоящая поэзия, какой она должна быть и какими путями к ней пробиться.

Между членами литературного объединения и Н.И. Годиной установилось творческое сотрудничество. Верхнеуральские поэты поддерживают связь с известным челябинцем, а он помогает им издаваться.

Впереди у «истокотцев» много творческих планов и задумок: выпуск нового поэтического сборника, приобщение юных верхнеуральцев к поэзии, новые встречи. И в этом большая заслуга организатора и руководителя объединения Берестиной Антонины Юрьевны, сотрудница Верхнеуральской городской библиотеки. Благодаря Антонине Юрьевне, местные поэты имеют возможность развиваться, общаясь в литературном объединении «Истоки».

г. Верхнеуральск

Корабли вышли из берегов,

или извлечения из архивов идейного отца репунсизма и его сподвижников
фрагмент

Черномозгов

* * *

Катя, Катя, если б знала
Драматизм моих страстей,
Наваждение идеала
В безнадежной пустоте,
Чувств высоких экспрессивность,
Каждый вечер нервный шок,
Беспринципность и пассивность
И стремление в уголок.

Образ твой воспринимаю,
В высшей степени я рад,
И в экстазе замирает
Кровеносный аппарат.

Провожу самоанализ,
Над собою мню грозу
И, терзая средний палец,
Роговой покров грызу.

Состояние трагично,
Опечалена душа,
Все черты лица статичны:
Все — в кармане ни шиша.

29 октября 1958, на вечере целинников

Домовой

Каламбур

Почему же в доме вой?
Объявился домовой.
«Папа! Папа! — дети молятся.
Неужели съела моль отца,
Маму блохи искусали,
Утопили киску в сале,
Потому что нашей киски
Нет ни в чашке и ни в миске?
Кроме Гоши в доме Вова.
Кто прогонит домового?
Домовой нас соберет
И отправит себе в рот.»
Миг у деток жуток,
Детям не до шуток.

Но как раз, скажи на милость,
Папа с мамой появились.
Начались у папы ахи:
«Испугались вы папахи!»
Начались у мамы охи:
«Не кусали папу блохи.
Мы с собою брали киску,
Мальчик Лева киску тискал,
Потому-то нашей киски
Нет ни в чашке и ни в миске.
Мы гостили, водку пили
Вам гостинец вот купили».
Отпустила мама киску,
Киска бросилась на миску,
Детям мама воблу дала,
Дети воблу обглодали.
Прекратился в доме вой,
Не бывал в нем домовой.

1957

Буриме

С собою расправившись СМЕЛО,
Опять умираю, и СТУЖА
Загробного мира СУМЕЛА
Меня разбудить. Я РАЗБУЖЕН.

Черносер

Мне губы спалила МАЛИНА
И лета губительна СТРАСТЬ.
В пунктирах утерянных ЛИНИЙ
На тропку свою бы ПОПАСТЬ.

На землю и грустно, и ТИХО
Глядит кладовая ГАЛАКТИК.
У нас на планете ШУМИХА
Земля — теоретик и ПРАКТИК.

Моя госпожа — это МУЗА,
Поэтому глуп я и ТОЩ.
Моя дорогая ОБУЗА:
Исследую вечности ТОЛЩЬ.

июль 1971

Репунсизм в коротких штанишках

Чем нас умиляет малышня? Вопрос, конечно, риторический, поскольку ответ и так всем ясен. Она, малышня то есть, еще полностью находится во власти репунсистских генов, а взрослые еще не успели своей воспитательной работой подавить в них этот великий дар природы. Чтобы познать всю глубину репунсизма, надо занять детей или внуков. **И карандаш с бумажкой. И успевай записывать. Лучший возраст для добротного урожая — от двух с половиной до пяти лет.**

146

Граффити № 4(8) - 2011

Лева

— Ты зачем нос зажмурила? (2 года 8 месяцев)

Ракета-трехизбушка. (3 года)

Я в лагере потяжелел на 3 килограмма, да еще подарок съел. Всего я поправился на 4 килограмма (3 года)

Папа, знаешь, сколько у меня книг: в руках даже часик, даже секундочку не выдержать. (3 года)

Лева увидел сон: небо, солнце, звезды, облака, цветы, Наденька с цветами. (3 года)

— Мама, почему у тебя платье такое длинноногое. (3 года)

По телевизору ведется репортаж с футбольного матча. ведущий истошно кричит:

— Гол!

— Папа, а теперь сколько пользы? (3 года)

— Папа далеко ходил за водой, до самого синего моря. (4)

— Папа, нарисуй мне гроб. (5 лет)

Алена

— Бабушка, пластинку загрызло.

— Папа, когда был маленьким, хотел стать пожарником и не дождался.

— А кем он стал?

— Кем-кем, папой!

— А кто родил первого человека?

Играем в рифмы:

— Алена, морена, солена, калена...

— Сказал бы сразу: Аленушка-перденушка.

Я сказала: цирк с хлебом. Такая я запутанная.

Смотрит на портрет Пушкина.

— Очень мне понравился Пушкин. У него два колечка. Хочу, чтобы у моего дедушки так было. И чтоб стихи писал.

— Бабушка, а вон нерусская бабушка идет.

— Алена, нельзя так громко.

— А то она догадается, что она нерусская?

Зовет взрослого:

— Сережа!

— Он тебе не Сережа, а Сергей Владимирович.

Сергей Владимирович снисходительно говорит:

— Да пусть она меня хоть горшком называет, только бы в печь не ставила.

— Тогда я вас ночным горшком звать буду.

— На улице один градус тепла.

— А сколько холода?

Я маленькая девочка,

Я в садик не хожу.

Купите мне сандалики —

Я замуж выхожу.

Ксюша

Показал Ксюше, как можно срисовывать по клеткам.

— Поняла принцип?

— Поняла, как срисовывать, не поняла только, что такое принцип

— У дедушки постельный лежим. (Ксюша)

Вова

— Где папа работает?

— На заводе.

— А что завод выпускает.

— Дым.

— Кем мама работает?

— Пиратом на машине. (Имеется в виду оператор)

Еще будет

Графоман № 4(8)/2011

Литературный альманах

Редактор *Н. И. Година*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 5.12.11 г. Гарнитура «Палатино Линотайп».
Бумага «Гознак». Печать офсетная. Формат 70×100/16. Объем 12,03 усл. печ. л.

Заказ № 147.

Тираж 125 экз.

Цена договорная

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.